

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ТОМСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ
УКРЕПЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Часть 67

Издательство Томского университета
2015

УДК 347.9+343.95+343
ББК 67.692.0+628+67.408
П 68

Ответственные редакторы:
д-р юрид. наук, профессор *М.К. Свиридов*,
д-р юрид. наук, профессор *Ю.К. Якимович*

Редакторы:
д-р юрид. наук, доцент *О.И. Андреева*,
канд. юрид. наук, доцент *И.В. Чаднова*

Правовые проблемы укрепления российской государственности:
П68 сб. статей. – Ч. 67 / отв. ред. М.К. Свиридов, Ю.К. Якимович; под
ред. О.И. Андреевой, И.В. Чадновой. – Томск: Изд-во Том. ун-та,
2015. – 168 с.

ISBN 978-5-7511-2387-1
DOI 10.17223/9785751123871

В сборник включены статьи участников Всероссийской итоговой научно-практической конференции «Правовые проблемы укрепления российской государственности», посвященные актуальным теоретическим и практическим вопросам уголовного процесса, теории и практики прокурорского надзора и деятельности по расследованию преступлений.

Для преподавателей, аспирантов и студентов высших юридических учебных заведений, а также практических работников правоохранительных органов.

УДК 347.9+343.95+343
ББК 67.692.0+628+67.408

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Томского регионального отделения Общероссийской общественной
организации «Ассоциация юристов России»*

ISBN 978-5-7511-2387-1 ©ГОУ ВПО «Томский государственный университет», 2015

ОБЩАЯ ЧАСТЬ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

О КАЧЕСТВЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

DOI 10.17223 9785751123871/1

М.К. Свиридов

Наличие качественного законодательства является неременным условием создания прочного правопорядка. Особенно важно это в сфере уголовного судопроизводства, где органы власти имеют дело с самыми ценными для граждан их правами и интересами. Поэтому уголовно-процессуальное законодательство должно быть эталоном качества. Ими и были Устав уголовного судопроизводства 1864 г., а также Уголовно-процессуальный кодекс 1960 г.

Действующий УПК РФ в целом обеспечивает действие правоохранительных органов и суда по изобличению и наказанию преступников. Однако вполне качественным его признать нельзя. Не случайно П. Крашенинников отмечает необходимость серьезной работы по улучшению УПК РФ¹. Действительно, УПК РФ страдает целым рядом серьезных недостатков, что снижает эффективность его действия.

Один из наиболее главных недостатков УПК РФ – он лишён концептуального единства, в его основе заложены две концепции: судебное производство построено на состязательной основе, а досудебное – на основе розыскной, публичной. По сути дела, в одном кодексе оказались закреплёнными два типа процесса: состязательный и публичный. Но они во многом несовместимы (особенно в вопросах установления истины, в положении субъектов, в степени использования диспозитивности и т.п.). Наличие в одном кодексе двух основ не позволяет согласовать должным образом досудебное производство с судебным. Поэтому многие вопросы кодексом регулируются противоречиво. Не случайно в последнее время настойчиво обсуждается вопрос о введении в наш процесс института следственного судьи, который, по мнению авторов, сможет придать досудеб-

---

¹ Рос. газета. 2011. 16 дек. № 283 (5659).

ному производству состязательность, что позволит кодексу достигнуть концептуального единства и тем самым снять существующие в нём серьёзные противоречия.

Следующим недостатком УПК РФ следует отметить отсутствие в нём чётко выраженной позиции по самому главному вопросу процесса – об установлении истины. Слово «истина» в кодексе не употребляется. Есть несколько статей, содержание которых косвенно свидетельствует о необходимости установления судом объективной истины (например, ст. 297). В то же время есть статьи, которые допускают вынесение приговора на основе установления формальной истины (в упрощённых судебных разбирательствах отсутствует исследование доказательств). Таким образом, по вопросу об истине в кодексе двойная позиция, что не случайно, – это вытекает из двойственности заложенных в кодексе начал. Такая позиция закона вредна. Во-первых, она порождает ненужные теоретические споры (причём излишне бурные), настраивает судей и следователей на уклонение от установления истины. Во-вторых, создаёт ситуацию, которой в уголовном процессе не должно быть. Главы 40 и 40-1 исключают судебное следствие. Это значит, что судьи сами не исследуют доказательства, а вынуждены принимать за основу приговора выводы следователей. Не случайно встречается практика предоставления судьям вместе с делом электронной записи (флэш-карты) обвинительного заключения, с помощью чего содержание обвинительного заключения переносится в описательную часть приговора. Создаётся странная для уголовного процесса ситуация: виновность с помощью доказательств устанавливает следователь, а наказание – без исследования этих доказательств – определяет судья. Опять наблюдается двойственность, которая, как отмечено ранее, заложена в основе кодекса. Однако деятельность суда только по определению наказания, без самостоятельного установления этим судом виновности, нельзя назвать правосудием в полном смысле этого слова. Но в нашем кодексе это присутствует.

Далее. В литературе правильно отмечается, что наш кодекс стал излишне дифференцирован¹. Действительно, дифференциация кодекса превзошла все разумные пределы, что привело к тому, что в

---

¹ Якимович Ю.К. Дифференциация уголовного судопроизводства должна иметь разумные пределы и не приводить к упрощенчеству // Вестник Том. ун-та. 2014. № 2. С. 105–110.

одном кодексе объединились несколько особых кодексов. Причём нормальный кодекс в полном объёме в последние годы стал действовать всё реже. Известно, что судебные заседания в особом порядке сейчас составляют 64 % всех рассмотренных судами дел. Это означает, что две трети дел идут по особым правилам, а на дела, рассматриваемые по общим правилам, остаётся всего одна треть. Даже трудно подсчитать, сколько в нашем кодексе закреплено разных особых производств. Только судебных особых производств сейчас три, однако готовится уже четвёртое (которое затронет и расследование) – об ускоренном (за 10 суток) расследовании и разрешении дел о так называемых очевидных преступлениях, где нет признания вины. Каждое особое производство имеет свои особенности (это, по сути дела, маленькие кодексы, чисто механически объединённые в один большой кодекс), а поскольку их много, кодекс становится очень сложным, противоречивым, трудно применимым. Порой невозможно определить, действует ли та или иная статья Общей части в какой-либо главе Особой части. Кроме того, как правильно отмечает Ю.К. Якимович, излишняя дифференциация приводит к упрощенчеству уголовного процесса, что способно крайне пагубно отразиться на его результатах.

В качестве недостатка кодекса следует отметить отсутствие в нём чёткого определения положения прокурора. Как известно, в 2007 г. оно резко изменилось, но полной ясности так и не достигнуто. Во-первых, после реформирования обнаружился недостаток средств, нужных прокурору для оперативного реагирования по исправлению ошибок следователей. В последующие годы некоторые такие средства прокурору закон предоставил, однако, как думается, до конца наделение прокурора всеми необходимыми средствами ещё не доведено. Во-вторых, положение прокурора, как представляется, излишне разнообразно. Даже в рамках одного досудебного производства положение прокурора имеет существенные отличия на следствии и в дознании. Отлично положение прокурора в суде. Согласно УПК там он только обвинитель (что соответствует состязательному построению судебного разбирательства). Но, думается, это не всегда должно быть так. Известны случаи, когда прокурор при пересмотре приговоров выступал в пользу осуждённого (т.е. на стороне защиты), и суд соглашался с ним, не высказывая никакого порицания. Совсем непонятна роль прокурора при рассмотрении дел об условно-досрочном освобождении или жалоб на действия следователей – здесь обвинения вообще нет. Как пред-

ставляется, прокурор должен быть всегда защитником закона независимо от того, кого нарушение закона касается¹. Обвинителем же лучше быть следователю, который предъявлял обвинение, готовил обвинительное заключение².

Обращает на себя внимание и следующий недостаток. Законодатель в силу конъюнктурных причин в интересах какого-либо ведомства нередко вносит в кодекс поправки, искажающие содержание отдельных его стадий. Ярким примером является массовое внедрение в 2013 г. в стадию возбуждения уголовного дела следственных методов. В настоящее время состояние этого первого этапа процесса таково, что его невозможно назвать стадией возбуждения уголовного дела. Сейчас это – суррогат расследования (или, как пишет Д.П. Чекулаев³, «квази-расследование до предварительного расследования»). При этом поскольку элементы одной стадии – расследования – просто механически внесены в содержание другой стадии, где иные субъекты, иные задачи, иная атмосфера, то многие вопросы остались нерешёнными. Так, непонятно, какие следственные действия сейчас можно производить при проверке сообщения о преступлении, а какие нельзя. По буквальному толкованию поправок можно произвести и обыск, что, конечно, недопустимо. Неясно, какие субъекты сейчас действуют в начальной стадии (поправки их называют одинаково – участники проверки, хотя по смыслу поправок видно, что у разных лиц там разные интересы и положение). Неясно, кто и с какой целью может пригласить адвоката – а он теперь в стадии возбуждения дела предусмотрен. Непонятно, как будут соблюдаться права подозреваемого и обвиняемого при производстве экспертизы.

К сожалению, нерешённые вопросы, порождённые поправками, можно перечислять и далее. Это означает, что все такие вопросы будут решаться следователями и дознавателями по своему усмотрению, которое далеко не всегда может совпадать с интересами дела.

---

¹ О.В. Воронин называет прокурора такого типа правозаступником, правозащитником. См.: Правовые проблемы российской государственности: сб. ст. Ч. 59. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2013. С. 14.

² Несомненно, положение прокурора должно кардинально измениться, если будет введён институт судебных следователей.

³ Чекулаев Д.П. Стадия возбуждения уголовных дел на постсоветском пространстве // Правовые проблемы российской государственности: сб. ст. Ч. 59. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2013. С. 235.

Думается, что оставлять в таком состоянии стадию возбуждения дела нельзя, требуется дальнейшее её урегулирование.

Далее. Законодатель стал допускать отступления от принципов уголовного процесса. Сделано это уже дважды.

Во-первых, во всех трёх упрощённых судебных производствах (а это большая часть процесса) исключен принцип непосредственности, без которого установление истины невозможно.

Во-вторых, допущено отступление от принципа публичности. Несколько лет назад было установлено правило, в силу которого дела о налоговых преступлениях следователь мог возбудить лишь при поступлении к нему материалов налоговой инспекции. Представляется, что мотивом здесь послужило стремление налоговых органов разобраться с совершённым преступлением самостоятельно, не вынося сор из избы. Последствия не замедлили сказаться: количество дел о налоговых преступлениях значительно сократилось. При большом сопротивлении налоговой службы это правило было отменено, действие публичности было восстановлено.

Однако вскоре вводится новое ограничение прав следателя в возбуждении дел – теперь уже о некоторых банковских преступлениях. Закон от 21 июля 2014 г. № 218-ФЗ установил, что такие дела могут быть возбуждены следователем только при поступлении к нему материалов Центрального банка или конкурсного управляющего финансовой организации. По существу, создана такая же ситуация, которая ранее была ликвидирована как непригодная. Вряд ли можно сомневаться, что и это отступление от принципа публичности принесёт такие же отрицательные результаты.

Таким образом, налицо отступление от принципов уголовного процесса. Но принципы – это не простые положения, а закономерности, и отступление от них приведёт к размыванию всего уголовного процесса.

Как видно, в действующем УПК РФ имеются существенные недостатки. Их наличие не позволяет признать кодекс совершенным, способным успешно выполнять свои задачи. Причём исправить его отдельными поправками, как думается, уже невозможно.

Выход из создавшегося положения видится в создании нового кодекса. Однако для этого необходимо, прежде всего, договориться о единой концепции кодекса и провести её в жизнь. При этом нужно учитывать исторический опыт российского уголовного процесса, где истина и публичность всегда присутствовали.

К ВОПРОСУ О ФИЛОСОФСКИХ ОСНОВАНИЯХ СОВЕТСКОЙ КОНЦЕПЦИИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

DOI 10.17223 9785751123871/2

И.Е. Адаменко

В настоящей статье мы поведем речь о концепции советского уголовного судопроизводства. Для многих процессуалистов такая постановка вопроса окажется неожиданной. Ведь, по убеждению многих, как таковой не было никакой советской концепции уголовного судопроизводства. Она, в основном, восприняла концепцию уголовного процесса, воплощенную в уставах уголовного судопроизводства 1864 г. Исключением может служить лишь ряд процессуальных терминов, к которым добавлялись слова «советский», «социалистический (ая)», например, термины «советский уголовный процесс», «социалистическая законность» и т.п. Фактически же в заслугу советской концепции уголовного судопроизводства можно поставить лишь совокупность идей, связанных с революционной целесообразностью.

Действительно, если подходить шаблонно (формально) к осмыслению советской концепции уголовного судопроизводства, то, собственно, ничего советского в этой концепции не обнаруживается. Однако это далеко не так. Советская концепция уголовного судопроизводства и в наши дни оказывает существенное воздействие на уголовно-процессуальную деятельность. Конечно, такое воздействие осуществляется не посредством уголовно-процессуальных отношений, а посредством мировоззрения (общественного сознания). Скажем так: «Советская концепция уголовного судопроизводства функционирует в наши дни в форме общественного сознания, воплотившего в себя советскую (коммунистическую) философию права».

На уровне общей теории права на действенность советской философии права указывает С.С. Алексеев. Он пишет: «И в отношении нашей сегодняшней действительности не упустим из поля зрения то обстоятельство, что реально основополагающие догмы марксизма, большевизма, в первую очередь догмы коммунистической философии права сохранились, пусть не в полном объеме и не в первоначальном виде. И поныне остаются неизменными главные из требований

и порядков, порожденных коммунистической правовой философией и утвердившихся в условиях сталинской и неосталинской идеологии, – приоритет и доминирование всемогущего государства, его верховенство в отношении всех сфер жизни общества, допустимость и оправданность во имя его господства и незыблемости исповедуемых им идей и идолов использования любых средств, вплоть до применения самого жесткого вооруженного насилия»¹.

Не разделяя эмоционально-негативную сторону суждения С.С. Алексеева относительно коммунистической (советской) философии права, мы хотели бы акцентировать внимание на том, что советское право, как, впрочем, и советское государство, создавалось не для удовлетворения чьих-либо политических амбиций. Советское право, в принципе, как любое иное право, – одна из форм реализации политики. Эту ипостась права (закона) В.И. Ленин раскрывает нижеследующим образом: «...закон есть мера политическая, есть политика»². Советское право формировалось для удовлетворения духа советской (российской) общности, до этого времени находившейся под экспансией западноевропейского духа в его либеральном представлении. На эту духовную основу (ипостась) советской философии права почему-то не обращает внимания С.С. Алексеев.

На наш взгляд, необращение внимания С.С. Алексеевым на эту духовную ипостась советской философии права и приводит к мысли о сугубо идеологических основаниях советской философии права. В отличие С.С. Алексеева для отечественной философии права являлась аксиоматической идея о том, что право и государство, а тем более философия права воплощают собой внутренний духовный мир и создаются для духа и ради удовлетворения духа. «Право и государство, – пишет И.А. Ильин, – возникают из внутреннего, духовного мира человека, создаются именно для духа и ради духа и осуществляются через посредство правосознания»³.

Со своей стороны мы хотели бы поставить нижеследующие вопросы. В чем сила советской философии права как в целом, так и в той её части, которая имеет отношение к отечественному уголовному судопроизводству? Ведь её официальный государственный ста-

---

¹ *Алексеев С.С.* Восхождение к праву. Поиски и решения. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2002. С. 412.

² *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 30. С. 99.

³ *Ильин И.А.* Общее учение о праве и государстве // Собр. соч.: в 10 т. Т. 4. С. 117–118.

тус давно утрачен, а она продолжает функционировать и оказывать воздействие на правоприменителя.

Прежде чем ответить на данные вопросы, мы должны в исследовательском плане сосредоточиться на осмыслении идейных истоков советской философии права. Здесь сразу же оговоримся, когда в настоящем исследовании речь идет о советской философии права, то под ней понимается совокупность мировоззренческих идей (доктрин), обусловленных культурно-историческим и духовно-нравственным наследием советского народа, обеспечивающих функционирование государственной деятельности в правовой действительности.

Одним из видов государственной деятельности является уголовно-процессуальная деятельность. Соотносятся они между собой как целое к части. Отсюда является вполне правомерным суждение, согласно которому советская философия права и советская философия уголовно-процессуальной деятельности соотносятся между собой аналогичным образом. При этом каждое из них представляет собой целостное относительно самостоятельное явление (процесс).

Самостоятельность философии уголовно-процессуальной деятельности не означает её изолированности от положений советской философии права. Советская философия права – это прежде философия деятельности (жизни) в правовой сфере. Советская философия права представляла собой «познавательное раскрытие того, что составляет самую глубокую основу жизни»¹. Она рождалась «в жизни и от жизни, как ее необходимое и зрелое проявление; не от быта и не от животного существования, но и от жизни духа, от его страдания, созерцания и жажды... преобразовать сущность подлинной жизни»².

В отечественной юридической науке на такое место духа в организации философского знания не всегда обращается должное внимание, как не всегда обращается должное внимание и на духовную основу философских размышлений В.И. Ленина. Особенно это относится к тем, кто либо производно знаком с его творческим наследием, либо под идеологическим и политическим воздействием духа времени стремится посредством «надевания негативных ярлыков» унижить и умалить философское наследие российского народа.

Справедливости ради следует отметить, что в нашей процессуальной науке (особенно у тех ее представителей, кто отождествляет свои

---

¹ Ильин И.А. Религиозный смысл философии. М., 2003. С. 31.

² Там же.

интересы с государственно-общественными устремлениями) к ленинскому философскому наследию как ранее относились, так и ныне относятся творчески. Они видят в этом наследии истоки научного творчества. Так, положения философии В.И. Ленина исследователи анализируют непосредственно при осмыслении явлений и процессов, свойственных уголовно-процессуальной деятельности. Например, В.П. Проценко, исследуя теоретические основы систематизации принципов уголовного процесса посредством системного подхода, указывает на две работы В.И. Ленина – «Материализм и эмпириокритицизм» и «Философские тетради» как основы данного научного метода¹.

Положения ленинской философии науки непосредственно используются для объяснения и описания критериев систематизации принципов уголовного процесса. Такое непосредственное использование ленинского творческого наследия наглядно иллюстрирует факт того, что философия В.И. Ленина – это не идеология, а результат духовного опыта нашего народа. Такого духовного опыта, который стремился освободиться от насилия со стороны либерализма с его абстрактным либерально-правовым учением, основанным сугубо на западноевропейском разуме.

Во времена творчества В.И. Ленина представители либерально-правового учения отечественную науку о государстве свели к юрисдизму, отбросив в сторону его духовную основу. В результате складывалась ситуация, характерной чертой которой являлся отрыв идейных основ государства от духовности российской общности. В этом государстве право существовало не для обеспечения государством правды, включая и ту её часть, которая имеет отношение к уголовно-процессуальной деятельности, а удовлетворения идеи самоценности права. В этой связке народ с исстари свойственной ему духовностью оказался лишним. А сама духовность нашего народа была проигнорирована представителями либерально-правового учения. Ее игнорирование влекло за собой неясность и неопределенность государственного управления.

Неясность и неопределенность государственного управления влекли за собой активизацию дезорганизационных процессов в государственной деятельности, включая и ту её часть, которая имела непосредственное отношение к осуществлению уголовно-

---

¹ Проценко В.П. Принципы уголовного процесса и критерии их систематизации.. Краснодар, 2005. С. 28.

процессуальной деятельности. В результате формировалась ситуация, которая могла повлечь за собой утрату российской общностью своих фундаментальных основ.

В такой ситуации и зарождался духовный феномен, которому в дальнейшем было дано наименование «ленинская философия». В ней акцент делался не на гносеологии как единственно верной философской науке (отождествление законов бытия и законов познания), а на диалектическом материализме, основой которой являлся исторический материализм. На эту особенность философского мышления В.И. Ленина неоднократно указывалось в советской философии¹. Со своей стороны особенность философского мышления В.И. Ленина приводила к тому, что гносеология (теория познания) делалась производной и отходила на вторые, а может быть, даже на последние роли в деле формирования правовых концепций. Принципиальную позицию по данному вопросу вполне возможно уместить в методологическую установку В.И. Ленина: «Часть должна сообразоваться с целым, а не наоборот»².

На наш взгляд, такая же участь отводилась и основанному на гносеологии либерально-правовому учению. По крайней мере, в советской философии как наследнице ленинской философии однозначно была определена недопустимость отождествления законов бытия и законов познания. Отождествление законов познания и законов бытия вынуждает исследователя (если он хочет быть последовательным) «неправомерно сузить и обеднить свою деятельность, а именно ограничиться изучением только самых общих законов диалектики и отбросить множество важных и ценных диалектических принципов, законов и категориальных соотношений, действующих только в сфере познания, а значит, действующих специфическим образом»³.

В ряде своих работ В.И. Ленин отстаивал и развивал целостный взгляд на общество. Он писал, что общество есть «нечто определенное, целостное, проникнутое таким-то началом»⁴. Этим началом, по его мнению, является деятельность людей. При этом В.И. Ленин подчеркивал объективный, независимый от сознания человека ха-

---

¹ Шароградский В.И. Диалектика становления философской системы марксизма. М., 1987. С. 527.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 15. С. 362.

³ Диалектика научного познания: Очерки диалектической логики / под ред. И.С. Нарского. М., 1978. С. 5.

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 136.

рактер этого интегративного начала (деятельности) в жизни общества. В связи с этим высшую задачу он видел в необходимости охватить в общих и основных чертах логику эволюции деятельности в смысле общественного бытия, с тем чтобы было возможно приспособить к нему общественное сознание¹. Таким образом, философия В.И. Ленина представляет собой философию деятельности. В силу этого она своим потенциалом обеспечивала включение в государственную деятельность культурно-исторического и духовно-нравственного наследия нашего народа. Сказанное в полной мере может быть отнесено и к уголовно-процессуальной деятельности.

Советская концепция уголовного судопроизводства функционировала в форме общественного сознания, воплотившего в себя совокупность мировоззренческих идей (доктрин), обусловленных культурно-историческим и духовно-нравственным наследием советского народа. На мировоззренческом уровне отличительной особенностью советской концепции уголовного судопроизводства было то, что она идейно опиралась на ленинскую философию. В свою очередь ленинская философия в большей мере соответствовала не западной марксистской философии, а культурно-историческому наследию и духовно-нравственным основам российской общности (ментальному уровню советской правовой системы).

В такой ипостаси ленинская философия выступала в качестве системного начала уголовно-процессуальной деятельности. Своим потенциалом ленинская философия относилась и ныне относится к феномену, порожденному духовной (культурной) деятельностью российского народа. Ленинская философия иерархически упорядочила ценности, которые функционировали до этого в нашей общности, поставив в основу фундаментальные ценности российского народа. Такая иерархическая упорядоченность ценностей привела к двум значимым последствиям. Первое – либеральные идеи, выдавшие себя за истинные ценности, под воздействием ленинской философии оказались свернутыми, а развернута была система ценностей, соответствующая фундаментальным ценностям российского народа. Второе – фундаментальные ценности российского народа нашли свое воплощение в культурных целях, намерениях и интересах как в целом советского народа, так и отдельных его представителей. Вследствие этого они получили эмоциональную поддержку и зна-

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 345.

чимость, а цели культурной системы определили рамки, в которые должны были укладываться устремления её представителей. В большинстве своем они и укладывались в эти культурологические рамки. Данное обстоятельство и определило борьбу, в которой был использован потенциал уголовного судопроизводства.

Мировоззренческим уровнем не ограничивались особенности советской концепции уголовного судопроизводства. На уровне уголовно-процессуальной деятельности к отличительной особенности советской концепции уголовного процесса следует отнести и её крайне отрицательное отношение к различным проявлениям формальной логики, например презумпциям. Кроме того, положения советской концепции уголовного судопроизводства обеспечивали преобразование содержательной стороны внутреннего убеждения советского уголовного процесса, в основу которого были положены не индивидуальный разум с практическим разумом (совесть в ее протестантском понимании), а духовно-нравственное наследие нашего народа. В качестве системообразующей основы советского внутреннего убеждения выступала правда, которая была непосредственно связана с сущностью уголовно-процессуальной деятельности и имела высокое нравственное значение.

К ВОПРОСУ О СРЕДСТВЕ ЗЛУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

DOI 10.17223 9785751123871/3

О.В. Желева

В российской науке интерес к вопросу реализации прав личности и возможности их использования во вред другим субъектам возрос в связи с закреплением в ст. 10 ГК РФ пределов осуществления гражданских прав и введением нового понятия «злоупотребление правом». Из анализа положений международно-правовых актов, Конституции РФ и других нормативных документов следует, что в настоящее время эта категория имеет общеправовой характер, применяемая в том числе и к отрасли уголовно-процессуального права.

В литературе отмечается, что в уголовном процессе, в условиях правового спора, стороны зачастую используют свои права, руководствуясь собственными интересами, игнорируя при этом интересы других лиц и правосудия. В особенности данное поведение наблюдается у таких участников уголовного судопроизводства, как обвиняемый, подозреваемый при осуществлении ими тактики своей защиты.

Несмотря на распространенность данного правового явления, существует точка зрения о нелогичности самого термина «злоупотребление правом», поскольку он фактически означает действие, совершенное за пределами права, а сама правовая возможность не может быть противоправной¹. Однако более убедительной представляется точка зрения о самостоятельности данной правовой категории, поскольку злоупотребление связано не с нарушением границ права, а с нарушением порядка его осуществления². Следует отметить, что сторонники этой позиции не сформулировали понятие «злоупотребление правом», но выделили его основные признаки, к которым, в частности, относится наличие особого средства, с помощью которого управомоченное лицо причиняет вред другим участникам правоотношений в процессе реализации правовых возможностей и в противоречии с их назначением.

Вместе с тем в юридической науке не сложилось единого подхода в вопросе о том, что является средством злоупотребления правом. Как следствие, в литературе выделяется несколько позиций. Согласно первой средством злоупотребления является только субъективное право³. В теории права данное понятие трактуется как гарантированная государством мера возможного поведения, предоставленная лицу для защиты своих интересов⁴. Из этого определения вытекают следующие признаки субъективного права. Во-первых, это мера возможного поведения, которая предполагает свободу выбора субъек-

---

¹ См., напр.: *Малеин Н.С.* Юридическая ответственность и справедливость. М., 1992. С. 160.

² См., напр.: *Малиновский А.А.* Злоупотребление субъективным правом (теоретико-правовое исследование). М., 2007. С. 55–57.

³ См., напр.: *Андреева О.И.* К вопросу о злоупотреблении субъективным правом в уголовном процессе // Вопросы правовой теории и практики: сб. науч. тр. Омск: Омская акад. МВД России, 2011. Вып. 6. С. 135.

⁴ См., напр.: *Хохлова Е.М.* Субъективное право и юридическая обязанность в механизме правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2008. С. 19–20.

ектом определенного поведения из различных его вариантов. Во-вторых, назначение субъективного права заключается в удовлетворении потребностей управомоченного лица. В-третьих, осуществление субъективного права обеспечивается обязанностями другой стороны и тем самым гарантируется государством.

Общая характеристика субъективного права показывает, что оно, в сущности, является мерой внешней свободы лица. Однако никакая свобода не может быть абсолютной. Как следствие, законодатель либо устанавливает ее пределы с помощью запретительных норм, либо прямо предписывает субъекту конкретное поведение путем закрепления его в управомочивающих нормативных положениях. Несмотря на это, реализация субъективного права полностью зависит от усмотрения лица, от его воли и желания, в связи с чем и возникает опасность злоупотребления им.

Например, в судебной практике отмечены случаи злоупотребления обвиняемым субъективным правом на ознакомление с материалами уголовного дела, которое используется не столько как средство защиты, сколько как средство достижения неправомерного результата – затягивания данной процедуры. Результатом такого поведения становится нарушение прав остальных участников уголовного судопроизводства на доступ к правосудию и на рассмотрение дела в разумные сроки.

Согласно второй позиции средством злоупотребления является не только субъективное право, но и обязанность, поскольку она «... может содержать в себе потенциальную возможность самостоятельного выбора обязанными лицами того способа её исполнения, которым данная обязанность будет исполнена»¹. По мнению сторонников этой точки зрения, в случае, когда законодателем не закрепляется конкретный способ или перечень способов исполнения обязанности, у носителя права появляется возможность исполнить ее, в том числе вредоносным способом.

Необходимо отметить, что под юридической обязанностью принято понимать меру должного поведения обязанного субъекта, т.е. обусловленную требованием правовой нормы и обеспеченную возможностью государственного принуждения необходимость совер-

---

¹ *Наумов А.Е.* Злоупотребление правом: теоретико-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 20.

шения определенных действий¹. Отсюда следует, что обязанное лицо не обладает свободой ее реализации. В отличие от осуществления субъективного права в случае ненадлежащего исполнения или отказа от исполнения обязанности к субъекту могут быть применены меры юридической ответственности. Следовательно, нарушение порядка реализации обязанности необходимо расценивать не как злоупотребление правом, а как правонарушение.

В соответствии с третьей позицией в качестве средства злоупотребления может выступать полномочие². В науке понятие «полномочие» определяется как совокупность прав и обязанностей должностного лица, которые предоставлены ему законом и подзаконными актами при осуществлении им функций представителя власти либо выполнении организационно-распорядительных и административно-хозяйственных функций³. При этом в таких правах и обязанностях заключена возможность лица не только совершать определенные действия или воздерживаться от таковых, но и требовать от других участников правоотношений поступать тем или иным образом.

Отдельными исследователями в области уголовно-процессуального права также разделяется точка зрения о том, что полномочия могут выступать в качестве средства злоупотребления. Например, Н.А. Развейкина, занимавшаяся изучением проблемы неправомерного воздействия председательствующего на присяжных заседателей в уголовном судопроизводстве, выделила в качестве средства злоупотребления с его стороны различного рода полномочия: «1) полномочия, возложенные на суд как орган судебной власти, общие по отношению ко всем составам суда, основывающиеся на закрепленных в статьях 11, 15–17 УПК РФ принципах уголовного судопроизводства; 2) организационно-распорядительные полномочия, закрепленные в ст. 243 УПК РФ; 3) полномочия, вытекающие из особенностей производства в суде с участием присяжных заседателей»⁴.

---

¹ См., напр.: *Морозова Л.А.* Теория государства и права: учебник. М., 2002. С. 240.

² См., напр.: *Гончаров В.А.* Злоупотребление должностными полномочиями: законодательный и правоприменительный аспекты (по материалам судебной практики Ростовской области): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007. С. 16.

³ См., напр.: *Стренин А.С.* Квалификация злоупотребления должностными полномочиями: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 21.

⁴ *Развейкина Н.А.* Злоупотребление правом как способ неправомерного воздействия председательствующего на присяжных заседателей и средства защиты от него: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2007. С. 12.

О.И. Даровских, О.Я. Баев, несмотря на определение в качестве средства злоупотребления субъективное право как возможность действовать или пользоваться какими-то благами, выделяют его разновидность – злоупотребление правами должностными лицами, осуществляющими уголовное судопроизводство, к которым следует отнести судью, прокурора, следователя, руководителя следственного органа, дознавателя, начальника органа дознания¹. При этом О.Я. Баев и М.О. Баев связывают случаи злоупотребления правом с процессуально-тактическими методами, используемыми должностными лицами при производстве следственных действий или избрании меры пресечения. В качестве примеров злоупотребления правом они приводят: нарушение порядка задержания; необоснованное продление меры пресечения; использование неправомερных тактических методов при осуществлении обыска, допроса и др. О.И. Даровских же отмечает, что злоупотребление правом со стороны указанных властных субъектов возможно на любой стадии уголовного судопроизводства и связано с объемом дискреции в принадлежащих им полномочиях. В связи с этим она дополняет предыдущий перечень следующими примерами: неучет судом замечаний на протокол судебного заседания; неоправданное закрытие судебного разбирательства; необоснованные отказы в возбуждении уголовного дела; отказ в удовлетворении ходатайств по ложным доводам и др.

Авторы указывают, что действия и принятые в ходе них решения суда, следователя, руководителя следственного органа, дознавателя, начальника органа дознания, которые используют свои дискреционные полномочия, в том числе с целью преодоления пробельности права, не причиняют вред правам и свободам других участников уголовного судопроизводства, однако влияют на результат расследования и рассмотрения уголовного дела.

Из анализа данной позиции следует, что ее сторонники отождествляют понятия «субъективное право» и «полномочие».

Необходимо отметить, что действительно данные правовые категории обладают общими признаками. Во-первых, одной из целей использования субъективных прав и полномочий может быть удовлетворение лицом своих интересов (личных, служебных и др.); во-

---

¹ См., напр.: *Баев О.Я., Баев М.О.* Злоупотребление правом в досудебном производстве по уголовным делам. М., 2014. С. 57; *Даровских О.И.* Злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве России. Челябинск, 2013. С. 108.

вторых, возможность реализации их в противоречии с назначением; в-третьих, возможность причинения вреда другим лицам, обществу и государству в результате осуществления.

Между тем существует и ряд отличий. Во-первых, субъективное право – это мера возможного поведения субъекта, а должностное полномочие – это не только мера возможного, но и должного поведения. О.А. Поротикова указывает, что даже «в тех случаях, когда речь идет не об обязанностях, а о правомочиях, они все равно не становятся для этих должностных лиц субъективными правами, поскольку не соответствуют структуре (право на свои действия, на действия третьих лиц и на защиту)»¹. Во-вторых, частные лица используют права для удовлетворения своих потребностей и интересов, а должностные лица осуществляют свои полномочия в интересах третьих лиц, общества и государства. В-третьих, управомоченное лицо в своей воле и своем интересе определяет цель и средства ее достижения. При этом оно вправе изменить ранее поставленную перед собой цель по своему усмотрению. Для должностного лица цель и средства четко указаны в законодательстве, и любое отклонение от правовых предписаний следует расценивать как их нарушение.

Исходя из перечисленных отличий, можно прийти к выводу, что полномочия не могут являться средством злоупотребления правом. В связи с этим действия, указанные авторами в качестве примеров злоупотребления со стороны должностных лиц, в сущности, противоречат нормам права, являются результатом неправомерного использования предоставленных им полномочий.

В научной литературе есть суждение, принадлежащее А.В. Волкову, согласно которому средством злоупотребления является субъективное право². Он утверждает, что по правилам семантики русского языка логичнее использовать термин «субъективное право», поскольку он содержит в себе указание на главный признак – принадлежность права субъекту. Кроме того, по мнению автора, субъективное право есть некая идеальная среда, в которой злоупотребление правом невозможно. Именно поэтому средством злоупотребления могут выступать либо субъективные права, либо правомочия, заключенные в

---

¹ Поротикова О.А. Проблема злоупотребления субъективным гражданским правом. М., 2008. С. 73.

² Волков А.В. Злоупотребление гражданскими правами. Проблемы теории и практики. М., 2009. С. 129.

нем. С такой позицией нельзя согласиться, поскольку отсутствует четкое разграничение «субъектное» и «субъективное» право, кроме того, автор использует оценочные понятия.

Таким образом, средство является способом достижения конкретных целей. Лицо использует его для удовлетворения своих потребностей. Однако при злоупотреблении нарушается механизм использования данного средства, происходит замена его изначального положительного назначения на неправомерное, предусматривающее возможность причинения вреда другим участникам правоотношений, обществу, государству. Единственным средством злоупотребления выступает субъективное право, в том числе и в уголовно-процессуальных отношениях. Это обусловлено тем, что при его реализации управомоченное лицо свободно не только в выборе самого права, но и в определении способа его осуществления.

РЕАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

DOI 10.17223/9785751123871/4

В.К. Зникин

Преступность в современных условиях превращается в глобальную человеческую проблему, которая активно изучается во всем мире. Но тема при этом не становится банальной, а, напротив, требует с позиции ранней диагностики дальнейшего углубленного социально-философского, теоретико-правового научного анализа и прогноза.

Организованность, информированность, вооруженность, техническая оснащенность, наличие собственной разведки и контрразведки, тщательная подготовка к совершению преступлений, целенаправленное уничтожение доказательственной информации, в том числе и физическое устранение очевидцев преступных посягательств, превратились в характерные черты преступности. Она быстро приспосабливается к проводимой политике в области уголовного правосудия и к защитным механизмам государства, что делает преступность практически недосягаемой для традиционных средств

познания, не рассчитанных на активное информационное противодействие криминала.

Конституция РФ (ст. 2) провозглашает признание, соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина обязанностью государства. Одним из проявлений государственной защиты конституционных прав на жизнь, свободу и личную неприкосновенность является обеспечение безопасности гражданина в остроконфликтной сфере уголовного судопроизводства.

Но с начала 90-х гг. проблема противоправного воздействия на свидетелей, потерпевших, судей, прокуроров, следователей, дознавателей, их родственников и близких лиц приобретала особую остроту. Преступники используют различные средства и способы воздействия на участников уголовного судопроизводства: подкуп, шантаж, компрометацию, угрозы убийством, захват заложников, причинение вреда здоровью, уничтожение или повреждение имущества.

Потерпевшие, свидетели все чаще отказываются от участия в уголовном судопроизводстве, боясь мести со стороны преступников. Некоторые свидетели меняют свои показания, получив за это вознаграждение. Согласно статистическим данным, «ежегодно в России в ходе расследования уголовных дел гибнут от 5 до 8 свидетелей преступлений. В ходе судебного процесса из 10 миллионов свидетелей 2,5 миллиона меняют показания»¹.

По данным Генпрокуратуры, к настоящему времени в учреждениях ФСИН выявлено более 43 тыс. нарушений закона, касающихся условий содержания заключенных. В частности, не исполняются требования об охране их здоровья, испытывается дефицит медикаментов и дезинфицирующих средств.

Согласно докладу ведомства в 2012 г. в учреждениях УИС умерло 3907 человек, более 50% подозреваемых, обвиняемых и осужденных страдают туберкулезом, ВИЧ-инфекцией, наркоманией и различными психическими расстройствами. Неудовлетворительные условия содержания позволяют насильственные действия замаскировать под несчастный случай. Но ведь это именно те участники уголовного судопроизводства, в гибели которых заинтересованы организаторы преступных схем. Нет человека – нет проблемы разоблачения. Устраивает в отдельных случаях это и сторону обвинения

---

¹ Смолин А. Защитой свидетелей займется особое подразделение. 2009. 24 июня. URL: <http://www.pravo.ru>

из числа потерпевших. Поэтому, как бы это ни звучало кощунственно, они в первую очередь нуждаются в солидной и системной защите. А принцип «от сумы и от тюрьмы не зарекайся», всегда звучит предупреждением для разумных людей, которые о себе самих должны заботиться, находясь на свободе.

По данным Российского агентства правовой и судебной информации, сведения о покушениях и убийствах представителей судебной системы в РФ в 2012 г. конкретно выглядят следующим образом¹.

24 сентября в поселке Крестцы Новгородской области у себя дома был убит мировой судья Сергей Жиганов. Причиной смерти стал удар кочергой.

В ночь на 20 июля в поселке Чалтырь Ростовской области было совершено убийство председателя Мясниковского районного суда Ростовской области Самвела Манукяна. Четыре человека в масках через окно проникли в дом судьи и не менее пяти раз выстрелили в мужчину, дважды попав в цель. После этого нападавшие скрылись с места преступления. Судья в тяжелом состоянии был доставлен в больницу, где скончался.

6 июня в Тамбове подсудимый, бывший замначальника отдела информационных технологий инспекции ФНС России по Тамбову Андрей Ляшков, обвиняемый в мошенничестве, во время судебного процесса нанес ножевые ранения двум судьям. Председательствующего судью он ударил ножом в живот и руку, другого судью – в руку. Пострадавшие были доставлены в больницу.

23 апреля в Москве 36-летний Андрей Бородин ворвался в кабинет федерального судьи Таганского районного суда Елены Ивановой с требованием освободить участниц панк-группы Pussy Riot. При этом он пытался ударить судью топором. Судья оказала Бородину сопротивление, на ее крики о помощи прибежали судебные приставы, которые и задержали Бородина.

Вечером 10 апреля в Махачкале (Дагестан) на улице Маркова у дома председателя городского суда Хасавюрта Омара Омарова прогремел взрыв. В результате ранения получили его жена и годовалый внук. Преступники подложили гранату на подоконник дома председателя.

31 января в Краснодаре неизвестные избili судью Ленинского районного суда города Сергея Быкова. Это произошло возле гаража

---

¹ Сайт РАПСИ: http://rapsinews.ru/incident_publication/20130318/266748378.html

потерпевшего в Западном округе Краснодара, откуда он собирался ехать на работу.

В ночь на 8 июня в селе Унцукуль (Дагестан) был убит мировой судья Абдурахман Гамзатов. Его тело с двумя ранениями обнаружили в его собственном доме.

1 июня в Ивановской области был обнаружен труп помощника судьи Ивановского гарнизонного суда Татьяны Мезенцевой. Тело Мезенцевой с признаками насильственной смерти обнаружили ее знакомые в лесу около деревни Буньково Ивановского района.

12 апреля в Москве в подъезде своего дома был убит федеральный судья Эдуард Чувашов, который входил в судебную коллегия Мосгорсуда по уголовным делам и вел в Московском городском суде громкий процесс по делу группировки скинхедов «Белые волки». За время своей работы Чувашов рассмотрел более 20 уголовных дел, как правило, по тяжким и особо тяжким преступлениям – убийствам, в том числе на национальной почве, вымогательствам и получением взяток в особо крупном размере.

В этой трагической статистике нет случайности. Судья ставит точку в уголовном судопроизводстве, провозгласив обвинительный или оправдательный приговор, которым не всегда удовлетворены стороны участников процесса. Провозгласив обвинительный приговор с конкретным сроком лишения свободы, судья проблему своей вероятной опасности отодвигает на данный срок как минимум. Он может не помнить каждого осужденного, но каждый осужденный помнит судью. Часто угрозы начинают звучать в зале суда.

Для усиления государственной защиты этих лиц был принят ряд специальных правовых норм. Безусловно, базовыми являются нормы, предусмотренные Федеральным законом от 20.08.2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства». Позднее Постановлением Правительства РФ от 13.07.2013 г. № 586 была утверждена государственная программа «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2014–2018 годы».

Целью Программы является реализация мер государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства. Для ее достижения государство ставит основной задачей обеспечение безопасности граждан в связи с их участием в уголовном судопроизводстве.

Законодательство предусматривает возможность принятия мер государственной защиты и до возбуждения уголовного дела – в отношении заявителя, очевидца, жертвы преступления. В определенных случаях такие меры могут применяться и в отношении близких родственников указанных лиц, если в отношении них оказывается противоправное воздействие.

К мерам государственной защиты законодательство относит личную охрану, охрану жилища и имущества, выдачу специальных средств индивидуальной защиты, связи и оповещения об опасности, обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемом лице, переселение на другое место жительства, замену документов, изменение внешности и др. Часть из них может применяться только по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях, к которым уголовное законодательство относит преступления, максимальный срок наказания за которые свыше 5 лет лишения свободы.

Участниками Программы являются солидные органы, осуществляющие меры безопасности, – МВД, ФСБ, ФСКН, Министерство обороны, ФСИН, ФТС.

Но участники уголовного судопроизводства зачастую подвергаются давлению со стороны заинтересованных лиц и по-прежнему гибнут, несмотря на эти казалось бы эффективные действия и усилия государства. Значит, государство сделало не все, а точнее далеко не все, чтобы подобное не случалось. И здесь было бы уместно сказать о социально терпимом уровне преступных проявлений в отношении участников уголовного судопроизводства.

Изложенные выше доводы должны побуждать государство искать пути реагирования на преступность в целях удержания ее на социально терпимом уровне¹. Что же это такое и как материализовать данное понятие? По нашему мнению, такой уровень как раз и будет означать адекватное упреждающее или ответное действие на проявления криминала, т.е. воздействие на преступность. Этот уровень не должен давать возможность возникнуть противоречию между обществом и государством в силу своевременного и адекватного воздействия на преступные проявления против участников уголовного судопроизводства. Но пока этого нет!

Адекватное правовое реагирование на криминальные проявления посредством совершенствования возможностей оперативно-

---

¹ Сайт РАПСИ: http://rapsinews.ru/incident_publication/20130318/266748378.html

розыскной деятельности есть необходимое условие выживания, предопределения ситуации, целесообразности и разумности действий общества и государства в воздействии на преступность.

Сегодня от представителей юридической науки и практики требуется не только продолжение дискуссии о конкуренции различных познавательных технологий, но и внесение конкретных теоретических, методологических, нормативных и практических предложений, ведущих к принципиальному разрешению проблемы контроля, предупреждения и борьбы с преступностью.

Поэтому, чтобы мы ни говорили, а в России институт государственной защиты участников уголовного судопроизводства находится пока еще в стадии становления. Отсюда будет не совсем корректно утверждать, что нормативно-правовая база в целом уже сформирована.

ЧАСТНЫЙ ДЕТЕКТИВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ DOI 10.17223 9785751123871/5

Д.Н. Карпович

Российский законодатель вводит понятие «частный детектив» в правовой оборот с марта 1992 г., в том числе наделяя его правом осуществлять сбор сведений по уголовным делам, однако УПК РФ, изданный через девять лет, не имеет ни единого указания о частном детективе, его месте и роли в уголовном процессе.

Один из первых ученых, заявивших о необходимости допуска частного детектива в уголовный процесс, – А.В. Агутин. Проведя значительное исследование исторических и теоретических моментов деятельности частных детективов в разных странах мира, он предложил в 1996 г. революционный для России проект закона о частной детективной деятельности¹. Но, вопреки теоретическим рекомендациям о расширении полномочий детектива, включения его в состав участников уголовно-процессуальных правоотношений, законодатель взял в жесткие рамки как частные сыскные структуры (детективные организации, агентства), так и смешанные, охранно-сыскные

---

¹ Агутин А.В. Правовые и тактические аспекты частной сыскной деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1996.

организации, а также службы безопасности, чья деятельность регулировалась Законом РФ «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» (далее – Законом) и рассматривалась как помощь правоохранительным органам по противодействию в основном экономической преступности. Эти организации просто перестали существовать с 1 января 2010 г. согласно внесенным изменениям в Закон¹.

Применительно к частному сыску остались лишь сыщики-индивидуалы, сыщики – индивидуальные предприниматели, деятельность которых государство рассматривает даже не в качестве правозащитной, правоохранительной, а исключительно предпринимательской, направленной на извлечение прибыли.

В результате изучения теоретической базы имеющейся информации о частных детективах напрашивается вывод об ограниченной подаче самого материала в СМИ и научную теорию.

Особый интерес вызывает книга В.Г. Семенова «Деятельность частного детектива по защите интересов участников уголовного судопроизводства», наиболее подробно изучившего вопросы участия в уголовном процессе частного детектива. В книге подробно расписаны многие моменты в деятельности детектива, но тем не менее в основном со стороны принятия от него информации: «порядок получения и использования результатов частной детективной деятельности при расследовании уголовных дел»². Но недостаточно подробно, вскользь, затронуты вопросы о порядке получения частным детективом информации, значимой для уголовного процесса на ее первоначальной стадии возбуждения уголовного дела (доследственной проверки), и порядке ее передачи в уголовный процесс.

На стадии доследственной проверки, когда первоначально ни у клиента (нанимателя, заказчика сыскных услуг), ни у самого детектива нет полной картины происходивших или исследуемых им событий, когда происходит только сбор первоначальной информации о возможных фактах и обстоятельствах противоправной деятельности в отношении клиента или лицах, их совершивших, путь сыщика проходит по трем не зависимым друг от друга этапам:

---

¹ Закон РФ от 11.03.1992 г. № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации».

² Семенов В.Г. Деятельность частного детектива по защите интересов участников уголовного судопроизводства. М.: Юрлитинформ, 2008.

Клиент просит провести сыскные действия, направленные на проверку определенного рода информации, установление отдельных фактов возможного правонарушения. При осуществлении таких действий частным детективом выявляются факты противоправной деятельности, устанавливаются лица, совершившие преступление, устанавливается ущерб, причиненный клиенту, но клиент не желает привлекать виновное лицо к уголовной ответственности, желая ограничиться только «внутренним расследованием», только мероприятиями, проведенными частным детективом, в последующем прекращая трудовые отношения с установленным детективом лицом или взыскивая с него ущерб в добровольном порядке.

Клиент нанимает частного детектива для выяснения обстоятельств, перечисленных ранее в п. 1, и детектив в ходе осуществления сыскных мероприятий устанавливает факты, обстоятельства, лиц, совершивших правонарушение. По результатам проведенных мероприятий детектив составляет отчет для клиента, где подробно указывает на выявленные им факты. Клиент ограничивается отчетом детектива и самостоятельно либо через адвоката подает заявление в правоохранительные органы для принятия процессуального решения (возбуждения уголовного дела), приобщая к заявлению отчет детектива. В последующем, при возбуждении уголовного дела, частный детектив допрашивается в качестве свидетеля по данному делу, где поясняет основания для проведения сыскных мероприятий, прикладывает договор с клиентом и указывает на выявленные им обстоятельства.

Клиент нанимает сыщика для выяснения интересующих его вопросов, и в ходе осуществления сыскных мероприятий детектив убеждается, что в отношении клиента совершены противоправные действия. Частный детектив излагает ставшие ему известные обстоятельства и факты в своем отчете, клиент принимает данный отчет и настаивает на дальнейшем участии детектива в «расследовании» совместно с правоохранительными органами, выявлении всех возможных обстоятельств совершения преступления, установлении лиц, виновных в их совершении, уточнении ущерба, причиненного их действиями, возбуждении уголовного дела, привлечении виновных к уголовной ответственности и возможного возмещения ущерба, причиненного действиями виновных лиц. В данном случае сыщик получает «карт-бланш» на дальнейшее проведение сыскных действий и доверенность от клиента на представление его интересов

в правоохранительных органах, так как только с этой доверенностью детектив может самостоятельно подать заявление в правоохранительные органы от имени клиента, потенциального потерпевшего, уже как представитель потерпевшего и в дальнейшем, взаимодействуя с правоохранителями, осуществлять сыскные мероприятия по зарегистрированному у них материалу доследственной проверки.

Таким образом, все сыскные мероприятия по трем указанным этапам (причем по двум из них впоследствии может приниматься решение о возбуждении уголовного дела) проводятся детективом по договору с клиентом и соблюдению требований Закона, но действия детектива не могут регламентироваться п. 7 ч. 2 ст. 3 Закона, так как сыскные мероприятия, проводимые детективом по данному основанию, требуют наличия уже возбужденного уголовного дела и уведомления соответствующего должностного лица.

Все имеющиеся материалы научно-практического сообщества, ранее отраженные в научных работах, исследовали действия частного детектива в уголовном процессе лишь с позиции изучения именно п. 7 ч. 2 ст. 3 Закона (сбор сведений по уголовным делам на договорной основе с участниками процесса). Однако никем не обращено внимание, что зачастую до возбуждения уголовного дела, на стадии доследственной проверки, детективу приходится поднимать огромные пласты юридически значимой информации, отражающей суть обращения клиента к детективу, опрашивать десятки человек, проводить иные сыскные мероприятия, направленные на последующее принятие процессуального решения, на придание непроцессуальной информации, полученной детективом, в последующем статуса доказательств.

В данном случае детектив заключает договор с клиентом по иному основанию, предусмотренному ст. 3 Закона, а именно п. 2 ч. 2 (изучение рынка, сбор информации для деловых переговоров, выявление некредитоспособных или ненадежных деловых партнеров), п. 3 ч. 2 (установление обстоятельств неправомерного использования в предпринимательской деятельности фирменных наименований и знаков, недобросовестной конкуренции, а также разглашение сведений, составляющих коммерческую тайну), п. 5 ч. 2 (поиск без вести пропавших в случае обнаружения тела разыскиваемого с признаками насильственной смерти), п. 6 ч. 2 (поиск утраченного имущества в случае установления обстоятельств похищения этого имущества).

Работа, проводимая детективом по договору с клиентом по перечисленным выше основаниям, зачастую приводящая к принятию процессуального решения (возбуждению уголовного дела или отказу в возбуждении уголовного дела), является процессуальной, так как направлена на установление обстоятельств, фактов правонарушения, защиту законных интересов будущих потенциальных участников уголовного процесса. На мой взгляд, здесь уместно согласиться с мнением А.В. Агутина о том, что и без упоминания о частном детективе в тексте УПК РФ он (частный детектив) является участником уголовного процесса¹.

В данном контексте я могу согласиться и с мнением В.Г. Семенова о том, что «...лицо, подавшее заявление о совершенном преступлении, является участником процесса, с которым частный детектив вправе заключить договор...»², но категорически не согласен с тем, что договор должен заключаться по основанию, предусмотренному п. 7 ч. 2 ст. 3 Закона, так как данное основание четко предусматривает наличие возбужденного уголовного дела и уведомления лица, осуществляющего его расследование. От момента заключения договора клиента с детективом до подачи заявления и возбуждения уголовного дела могут пройти месяцы доследственной проверки и десятки проведенных частным детективом сыскных мероприятий. Как указывалось выше, данный договор заключается по иному основанию, и деятельность частного сыщика по нему должна быть представлена как процессуальная.

Полагаем, что признание деятельности частного детектива процессуальной, допуск его в уголовный процесс – это не «обуза» органам, осуществляющим правосудие, а реальная помощь участникам процесса.

Следует признать объективной возможностью участия частного детектива в отдельных стадиях уголовного процесса, отсутствие надлежащего процессуального регулирования данной деятельности и законодательной инициативы со стороны властных структур, а также необходимость тщательной научно-практической проработки вопросов взаимодействия частного детектива с участниками уголовного процесса, особенно на стадии доследственной проверки.

---

¹ Агутин А.В. К вопросу о роли и месте частного сыска в уголовно-процессуальном доказывании // *Оперативник (сыщик)*. 2004. № 1. С. 36.

² Семенов В.Г. Указ. соч. С. 132.

Вызывает оптимизм законодательная инициатива депутатов ГД РФ в части предоставления участникам уголовного судопроизводства права пользоваться услугами частного детектива на сбор сведений по уголовному делу и использовать полученные от него сведения для защиты прав и законных интересов. Согласно данной инициативе предлагается внести изменения в статьи УПК РФ: 5, 42, 46, 47, 53, 54, 86 и 89¹.

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТНОШЕНИЙ,
ВОЗНИКАЮЩИХ В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО
ПРОЦЕССА: СОЦИАЛЬНАЯ ОСНОВА, ПРАВОВАЯ
БАЗА, ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ
ПРЕДПОСЫЛКА И ПРАКТИЧЕСКАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

DOI 10.17223 9785751123871/6

С.Л. Лось

Рассматривая уголовный процесс как явление в обществе, необходимо отметить его многоаспектное значение в государстве и многостороннее влияние на происходящие в обществе и государстве процессы.

При определенных условиях развития общества уголовный процесс может проявляться как способ корректировки политики внутри государства, опирающейся на конкретную идеологическую или иную политико-религиозную основу. Используемый и управляемый на уровне государства инструмент «уголовный процесс» применялся в период правления И.В. Сталина для массовых репрессий против отдельных групп населения (30-е гг., конец 40-х). В период прихода к власти Н.С. Хрущева средства уголовного процесса были направлены в сторону корректировки сталинской политики. Вопреки дей-

---

¹ Обращение депутатов ГД РФ А.С. Кропачева и В.С. Золочевского к председателю ГД РФ С.Е. Нарышкину «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части предоставления участникам уголовного судопроизводства права пользоваться услугами частного детектива на сбор сведений по уголовному делу и использовать полученные от него сведения для защиты прав и законных интересов)» от 24.09.2014 г, вх. № 608808-6.

ствиям ГКЧП в начале 90-х гг. с помощью средств уголовного процесса удалось изолировать основных представителей этого Государственного комитета.

В этой связи уголовный процесс может рассматриваться как эффективный способ избавления от отдельных авторитетных, амбициозных или денежных личностей или ограничения их влияния в государстве среди населения, отдельных групп граждан. Подтверждением служат исторические факты в жизни Бухарина, Берия, Ходорковского и др.

Соответственно уголовный процесс может быть представлен как один из способов воздействия на человека, его политические, идеологические, религиозные установки, социальную корректировку поведения групп лиц. Например, во время Второй мировой войны в городах на военном положении в отношении мародёров, паникеров или на фронте во время боевых действий к дезертирам, предателям применялся особый порядок уголовной ответственности – рассмотрение дела, осуждение и расстрел на месте.

Таким образом, уголовный процесс как социальная категория имеет под собой широкую общественно-правовую основу, в состав которой могут быть включены и конфликтные общественно опасные деяния гражданского и административно-правового характера; предусмотренные УК РФ преступления в разнообразных областях жизнедеятельности человека; правовая база, определяющая поведение граждан государства и регламентирующая деятельность широкого круга государственных органов и их должностных лиц; специальная профессионально-образовательная подготовка и обучение лиц, претендующих на должности, требующих высшего юридического образования; и наконец, сама практическая деятельность уголовно-процессуально значимых субъектов в отношениях с существующими государственными органами, учреждениями, юридическими лицами, их руководителями и работниками, а также гражданами, вовлекаемыми в уголовно-процессуальные или смежные отношения.

Такой подход к исследованию уголовно-процессуальной деятельности и уголовно-процессуальных отношений предполагает формирование новых более общих и систематизирующих понятий, которые позволили бы увязывать «уголовный процесс» с его материальной уголовной основой, опираться на имеющуюся базу профессиональной подготовки кадров юристов, а также согласовывать чисто уголовно-процессуальную деятельность с отношениями в

смежных профессиональных, государственно-правовых, социальных сферах жизнедеятельности.

В настоящее время обозначилась и обострилась проблема науки уголовного процесса по возможности обобщить и систематизировать уголовно-процессуальные явления и понятия внутри научной категории «уголовный процесс» и объяснить связи их с социальной действительностью. Кроме того, материальными уголовно-правовыми отношениями порождается необходимость в более общих систематизированных категориях отраслевой науки, увязывающих материальные и процессуальные правоотношения между собой и с другими социально-правовыми явлениями¹.

Для решения этих и других вопросов научного, нормативного и практического характера автором предлагается ввести в научный оборот и использовать для исследования и более глубокого понимания реалий уголовного процесса следующие три научно-практических понятия:

- сфера уголовного процесса,
- отношения, возникающие в сфере уголовного процесса,
- отношения, смежные с уголовно-процессуальными – необходимые, обязательные и сопутствующие (правоотношения): необходимые – материальные, уголовно-правовые; обязательные – организационно-управленческие; сопутствующие – отношения ОРД, криминалистические, экспертные и др.

Высказанное предложение связано также с тем, что в «уголовном процессе» существуют явления и категории, которые имеют процессуальную многозначность и используются в других отраслевых науках или обладают обобщенным правовым смыслом, например: постановление, допрос, свидетель, экспертиза, судебное разбирательство и т.д.

---

¹ Отдельные аспекты этой проблемы поднимались сибирскими учеными – В.К. Зникиным, М.К. Свиридовым, Ю.К. Якимовичем. См., напр.: *Зникин В.К.* Теоретические и прикладные основы взаимосвязи оперативно-розыскной деятельности и уголовного процесса в вопросах доказывания: дис. ... д-ра юрид. наук. Красноярск, 2004. 324 с.; *Свиридов М.К.* О методе уголовно-процессуального регулирования и сфере его действия // *Право на судебную защиту в уголовном процессе: Европейские стандарты и российская практика: сб. ст. по материалам междунар. науч.-практ. конф. (г. Томск, 20–22 сентября 2007 г.)* / под ред. М.К. Свиридова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. С. 33–37; *Якимович Ю.К.* Насущные проблемы науки уголовного процесса // *Вестник ТГУ. Томск, 2012. № 354. С. 155–159.*

Для развития уголовного процесса значение имеют не только отношения, возникающие в его рамках, но и изначально находящиеся за его пределами. Например, при дорожно-транспортном происшествии, повлекшем смерть двух человек, необходимо выяснение и уточнение вопросов транспортного движения, технического состояния автомобилей и водителей, принятие мер охраны места ДТП, сохранности имущества граждан и организаций, вовлечение в отношении работников ДПС, медицинской помощи, страховых компаний, других необходимых или заинтересованных субъектов. И эта схема применима к широкому кругу преступлений, предусмотренных УК РФ, особенно пожарам, авариям, террористическим актам и т.д. Поэтому необходимо рассмотрение материального уголовно-правового вопроса о наличии и содержании преступного деяния с его социальными связями и последствиями, к существованию которого привязаны уголовно-процессуальные отношения и деятельность.

Дополнительно к этому возникают сопутствующие развитию уголовного процесса отношения по вовлечению граждан или представителей юридических лиц в решение организационных и уголовно-процессуальных вопросов, а также использованию результатов работы или возможностей граждан, работников организаций или сотрудников государственных органов. Привлечение понятых к следственным действиям, использование специалистов в разных областях знаний и получение результатов различных экспертиз, обращение к переводчикам и педагогам, решение вопросов внутри- и межведомственного характера и подследственности – эти и другие возникающие отношения организационного или управленческого характера формируют обязательную основу существования и развития уголовного процесса. Поэтому такие определенные социальные, профессиональные, государственные отношения становятся обязательным, необходимым элементом содержания или осуществления уголовно-процессуальной деятельности¹.

---

¹ Основные элементы и определенные аспекты правового регулирования отношений, возникающих в сфере уголовного процесса, автором уже исследовались в других работах. См., напр.: Правовое регулирование и его механизм при реализации уголовно-правовых норм в уголовном процессе (теоретический анализ проблемы) // Вопросы правового регулирования отношений, возникающих в сфере уголовного процесса: сб. статей С.Л. Лоя. Томск: Изд-во НТЛ, 2003. С. 11–21; Процесс правового регулирования отношений, возникающих в сфере уголовного судопроизводства, и уголовный процесс (теоретические вопросы) // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ): матер. междунар. науч.-практ. конф., г. Екатеринбург, 27–28 янв. 2005 г.: в 2 ч. Екатеринбург, 2005. Ч. 2.

Ко всему предшествующему следует добавить и то, что при определенных условиях на развитие уголовно-процессуальных отношений влияют неслужебные отношения, складывающиеся вокруг специальных субъектов уголовно-процессуальной деятельности, организующих развитие уголовного процесса, а также манипулирование информацией, относящейся к преступлению, заинтересованными лицами.

Поэтому изначально содержание понятия «сфера уголовного процесса» должно носить абстрактно-нормативный или теоретико-правовой характер, через которое должны устанавливаться все связи «чисто уголовно-процессуальных отношений» с обязательными, необходимыми и сопутствующими отношениями, смежными с уголовно-процессуальными. Вместе с тем по каждому конкретному преступлению «сфера уголовного процесса» приобретает свое конкретно-прикладное значение, в котором аккумулируются и выделяются определенные связи и отношения конкретных времени, места, круга лиц и их действий, результата и социальных последствий.

Итак, можно сделать вывод о том, что системное изложение правового регулирования «отношений, возникающих в сфере уголовного процесса», а также связей его с материальными уголовными, с организационно-управленческими, со смежными оперативно-розыскными, криминалистическими и другими отношениями возможно в рамках предлагаемой научной категории – «сфера уголовного процесса».

С. 20–26; Специализация и самостоятельность правотворческой, образовательной и правоприменительной деятельности, необходимость их систематизации при регулировании отношений, возникающих в сфере уголовного процесса // Международные юридические чтения: Ч. IV. Омск: Омский юридический институт, 2006. С. 18–21; «Ведомственный интерес» государственного органа и его значение в правовом регулировании отношений, возникающих в сфере уголовного процесса // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. ст. Ч. 59 / отв. ред. М.К. Свиридов, Ю.К. Якимович; под ред. О.И. Андреевой, И.В. Чадновой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2013. С. 61–67; Теоретические основы системного правового регулирования отношений, возникающих в обществе в связи с криминализацией деяний, совершением и расследованием преступлений, проведением оперативно-розыскной деятельности и криминалистических исследований, разрешением судом уголовных дел, назначением и исполнением уголовных наказаний специальными и уполномоченными государственными органами или должностными лицами // Проблемы предупреждения и борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: матер. Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. Н.Ю. Лебедева. Новосибирск: НГУЭУ, 2012. С. 355–359; Правосознание и правоизучение в системе правового регулирования отношений, возникающих в сфере уголовного процесса // Бюллетень Уральского отделения МАСП. 2009. № 2 (2). С. 122–130.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РЕФОРМЫ УГОЛОВНОЙ ЮСТИЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

DOI 10.17223 9785751123871/7

А.А. Михайлов

Любая проводимая в государстве реформа – это, прежде всего, изменение институтов. Именно поэтому для исследования эффективности реформы уголовной юстиции в современной России стоит применить институциональный подход.

Несмотря на то, что обозначенный подход к исследованию процессов социальной действительности наиболее разработан в экономической теории, тем не менее он по своей сущности является междисциплинарным, изучающим системные связи и закономерности развития экономических, политических, правовых и социальных институтов.

Институты – это, как их определяет один из теоретиков неоинституционализма нобелевский лауреат Д. Норт, ««правила игры» в обществе, или, выражаясь более формально, созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми»¹. Важной характеристикой института является то, что это «правило или совокупность правил, имеющих внешний механизм принуждения индивидов к исполнению»². Институты могут быть формальными (законы) и неформальными (обычаи и практики).

Совокупность основополагающих социальных, политических, юридических и экономических институтов образует институциональную среду, которая является динамичной и, образно выражаясь, выступает в роли почвы, от качества которой зависит, укоренится в ней тот или иной институт и насколько глубоко и прочно.

Одна из причин небольшой эффективности современной реформы уголовной юстиции состоит в том, что она на самом деле превратилась в ряд отдельных и малосвязанных между собой реформ судо-

---

¹ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997. С. 17.

² Институциональная экономика: Новая институциональная экономическая теория: учебник / под ред. А.А. Аузана. 2-е изд. М., 2011. С. 32.

устройства и судопроизводства, начавшихся в различных институциональных средах.

В результате затягивания с реформой уголовного судопроизводства была упущена возможность более глубокой институционализации в уголовном процессе в начале и середине 1990-х гг. гарантий прав личности, запрос на закрепление которых к тому времени сформировался в обществе.

Хотя естественно, что далеко не все либеральные идеи могли стать институтами в 1990-е, и тем более в 2000-е гг., когда изменился вектор институциональных изменений и началось строительство государственной вертикали. И законодатель, введя в судебном производстве при принятии УПК РФ 2001 г. состязательность англо-американского типа, совершил большую ошибку.

В ходе реформ всегда нужно учитывать такое явление, как институциональная инерция, которое означает, что в каждый данный момент времени могут произойти не любые (произвольные) институциональные изменения, а лишь те, которые оказываются осуществимыми в сложившихся ранее условиях.

Условия, необходимые для институциональных изменений, во многом определяются институтами, под которыми следует понимать убеждения, идеи, ценности и установки, доминирующие в соответствующей социальной общности и закрепляемые институтами. Упрощенно говоря, институты являются стереотипами мышления, тогда как институты – это стереотипы поведения. Институты вместе с неформальными институтами образуют социокультурные факторы (традиции). Обозначенные факторы, позволяющие эффективно работать судебному производству, основанному на англо-американской модели, в российском обществе отсутствуют.

В странах общего права отношения «гражданин – государство» обладают спецификой, выражающейся в том, что сфера активности государства должна иметь четкие границы, за пределы которых оно не должно выходить, ограничивая свободы и активность граждан. Данная специфика во многом является результатом политической борьбы в Англии в XIII и XVII вв., а также глубокого проникновения в общественное сознание англичан и североамериканцев либеральных теорий XVII–XVIII вв.

Кроме того, нельзя не учитывать, что само общее право изначально возникает как совокупность процессуальных решений, выносимых королевскими судами, где дела рассматривались с участием

присяжных. Как отмечает Р. Леже, «частные лица высоко оценили работу суда присяжных по определению фактических обстоятельств дела в процессе, разворачивавшемся в королевских судах. Эти суды основывали свои решения на системе доказательств, в которой главную роль играли свидетельские показания под присягой, в то время как в местных судах все еще господствовали иррациональные доказательства во главе с системой ордалий; в королевских судьях тяжущиеся видели судей высокой квалификации и считали, что исполнение решений, вынесенных от имени короля, будет более быстрым»¹. В связи с этим общественную ценность приобретает непосредственно состязательный процесс, а не материальное право.

Именно здесь следует искать глубинные истоки основных институциональных особенностей англо-американского уголовного процесса, в том числе выполнения судом роли беспристрастного, пассивного в собирании доказательств арбитра, разрешающего правовую спор между сторонами, и формальной истины.

В общественном сознании российских граждан государство несет ответственность за все, что происходит в стране. Это в значительной степени является следствием многовекового и широкого вмешательства российского государства практически во все сферы жизни общества (при самодержавии и советском тоталитаризме).

Поэтому в глазах населения судья как лицо, реализующее от имени государства функцию правосудия, отвечает за результат процесса независимо от активности сторон и отсутствия возможности в ряде случаев вынести правосудное решение в рамках установленных законом ограничений. Такие институции как раз и обуславливают необходимость закрепления в уголовном процессе всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела и направленность процесса на достижение объективной истины.

Кроме того, российская правовая система исторически тяготеет к правовым системам государств континентальной Европы, где материальный закон первичен по отношению к процессу, что обуславливает высокую публичность уголовного судопроизводства за счет влияния на него публичного по своей природе уголовного права. Р. Леже по поводу примата материального права в континентальных правовых системах справедливо указывает, что материально-

---

¹ *Леже Р.* Великие правовые системы современности: сравнительно-правовой подход. 3-е изд., перераб. М., 2011. С. 15.

правовые нормы «на континенте очень рано приобрели роль фундаментальных правовых принципов»¹. А правовые принципы – это ничто иное, как получившие институционализацию основополагающие общественные ценности.

Уголовный процесс России, как представляется, в ходе реформирования не сможет стать эффективным, пока не будут исправлены сделанные ранее ошибки институционального выбора, приводящие к возникновению эффекта колеи, о существовании которого в социально-экономических процессах пишут институционалисты².

Современный российский уголовный процесс в этом плане действительно находится в колее: в части досудебного производства – потому что попал в нее в результате институциональной деформации предварительного следствия и дознания в 1920-е гг., что обоснованно отмечает Л.В. Головкин³, а в части судебного производства – поскольку при принятии УПК РФ 2001 г. был сделан неправильный институциональный выбор в пользу англо-американской состязательности.

Реформировать институты при наличии эффекта колеи всегда очень сложно, поскольку за время, прошедшее с момента, когда был сделан соответствующий институциональный выбор, выбранный институт обрастает другими институтами, появляются организации со своими интересами, которые поддерживают эти институты и препятствуют их изменению и тем более замене новыми. Таким образом, возникает эффект блокировки.

Блокирование любых попыток существенных изменений досудебного производства в уголовном процессе России до настоящего времени во многом обусловливается существованием у ведомств, в которых функционируют подразделения следствия и дознания, собственных интересов, не связанных с целями реформ судебной и правоохранительной систем. Причем каждое из этих ведомств обладает большим лоббистским потенциалом. Это, в конечном итоге, приво-

---

¹ Леже Р. Указ. соч. С. 17.

² Аузан А. Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь. М., 2014; Нуреев Р.М. Россия и Европа: эффект колеи (опыт институционального анализа истории экономического развития) / Р.М. Нуреев, Ю.В. Латов. Калининград, 2009.

³ Головкин Л.В. Архетипы досудебного производства, возможные перспективы развития отечественного предварительного следствия // Уголовное судопроизводство. 2014. № 2. С. 12.

дит к отсутствию эффективного межведомственного взаимодействия между ними, а также в их отношениях с прокуратурой.

Как известно, вопрос дальнейшего реформирования досудебного производства в уголовном процессе России в настоящее время на повестку дня поставил Президент РФ В.В. Путин, рекомендовавший Верховному Суду РФ по итогам прошедшего 2 декабря 2014 г. заседания Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека в срок до 15 марта 2015 г. изучить предложения указанного Совета по созданию института следственных судей. Сегодня необходимо делать принципиальный выбор между институциональными моделями досудебного производства, сложившимися в уголовном процессе государств континентальной Европы, которая является более близкой к России, в том числе с точки зрения институциональной архитектуры. Здесь существуют две такие модели: французская и германская (или два, как их определяет Л.В. Головки, архетипа досудебного производства¹).

Говоря о перспективе реформы в этой части, нужно отметить, что созданная к сегодняшнему дню институциональная архитектура судебной и правоохранительной систем, являющаяся вертикально направленной, все же в большей степени ориентирована на выбор германской модели досудебного производства. Данная модель в современных российских условиях может опираться, в частности, на статус прокуратуры, которая, с одной стороны, в результате внесенных в 2014 г. в Конституцию РФ изменений стала проводником президентской власти, как и другие правоохранительные органы, подчиняющиеся напрямую Президенту РФ, однако, с другой стороны, в отличие от этих органов все же обладает очень важным преимуществом: прокуратура – конституционный, предусмотренный непосредственно Конституцией РФ орган, что определяет ее более высокое место в иерархии правоохранительных структур. Внедрение германской модели станет также более дешевым вариантом с финансовой точки зрения.

В то же время в институциональном плане французская модель досудебного производства, где на суд возложены функции расследования и судебного контроля, осуществляемые следственными судьями и судьями по свободам и заключению соответственно, представляется более эффективной за счет большей объективности в

---

¹ Головки Л.В. Указ. соч. С. 11.

принятии решений по делу и более высокой защищенности прав участников процесса, но и более дорогой (расходы только на выплаты вознаграждения следственным судьям будут гораздо выше расходов на оплату труда «полицейских дознавателей», не говоря уже о расходах на обеспечение гарантий судей и т.д.).

Следует отметить, что в современных социально-экономических условиях вопрос финансового обеспечения преобразований, к сожалению, может стать определяющим.

Если досудебное производство в уголовном процессе России должно быть более состязательным, то судебное производство, чтобы привести систему уголовного процесса в состояние равновесия, должно стать более публичным.

Вопрос о необходимости концептуального пересмотра положений УПК РФ 2001 г. в части судебного производства в своем постановлении от 2 июля 2013 г. №16-П поставил Конституционный Суд РФ, подчеркнув, что безусловное следование инициативе стороны обвинения или защиты, заявленному заинтересованным лицом ходатайству, которые всегда преследуют собственный процессуальный интерес, означало бы недопустимое ограничение самостоятельности суда как носителя публичной по своей природе судебной власти.

В то же время, говоря о реформе судебного производства в уголовном процессе России, необходимо отметить, что увеличение в нем публичности в любом случае не может быть в тех высоких объемах, в которых та существует в уголовном процессе Франции или Германии или существовала в период действия УПК РСФСР 1960 г., поскольку при концептуальном пересмотре положений УПК РФ должны быть учтены постановления Конституционного Суда РФ, в которых он формулирует свою позицию по вопросам состязательности в уголовном судопроизводстве, в том числе постановления Конституционного Суда РФ от 20 апреля 1999 г. №7-П и от 8 декабря 2003 г. №18-П, где выражена позиция относительно отказа прокурора от обвинения и изменения прокурором обвинения в суде.

Значительная часть существующих в современном уголовном процессе России проблем носит глубоко институциональный характер, в связи с чем их решение невозможно путем отдельных изменений действующего УПК РФ, необходимо комплексное изменение институтов досудебного и судебного производств в рамках уже нового Уголовно-процессуального кодекса.

ЦЕННОСТИ И ПРИОРИТЕТЫ СОВРЕМЕННОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

DOI 10.17223 9785751123871/8

А.В. Пиюк

Статус ценностей в праве имеют различные явления: правовые идеи, концепции, институты и т.д. Особо интересны важнейшие социальные ценности, которые с течением времени приобрели характер также и правовых, в качестве таковых в современный период без труда можно выделить неприкосновенность и свободу личности, равноправие членов общества, справедливость, гуманность и др.

Ценности, декларируемые обществом и законодателем, иногда вступают в конфликт друг с другом, конкурируют. Наличие конкуренции ценностей в рамках уголовного судопроизводства обусловлено необходимостью одновременной защиты разнонаправленных интересов, отстаиваемых различными субъектами процесса, а также существованием не одной, а целого ряда задач, решаемых в области как уголовно-процессуального, так и уголовного права, а также в сфере уголовной политики любого государства.

Правильно ли определены приоритеты российского уголовного судопроизводства в современный период?

В ст. 2 Конституции РФ права и свободы личности провозглашены высшей ценностью в государстве. В ст. 6 УПК РФ также определено, что назначением уголовного судопроизводства является защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. И.Г. Смирнова, руководствуясь закрепленными в Конституции РФ и УПК РФ положениями, пришла к выводу о том, что уголовное судопроизводство социально ценно потому, что предназначено охранять и защищать права и свободы личности. Она же указывает, что сфера уголовного судопроизводства «должна стать гомоцентричной, поскольку приоритет в государственной правовой охране на международном и национальном уровнях отдан защите личных интересов», и

полагает, что благо любой общественной системы определяется, в конечном счете, благополучием людей, ее составляющих¹.

Представляется, что делать вывод о приоритете охраны личных интересов над интересами публичными вряд ли оправдано. Здравый взгляд на любой уголовный процесс любого самого демократического и прогрессивного государства позволяет, как максимум, утверждать о паритетном учете частных интересов и интересов публичных. В целом же уголовный процесс любого типа исторически складывался как механизм политический, преследующий общегосударственные, публичные интересы, направленный на охрану государства и общества, в любом обществе исторически преобладает общественный интерес. Важнейшим назначением судопроизводства, в том числе и уголовного, является обеспечение стабильности и порядка в государстве и обществе. Вообще же, что касается соотношения категорий «интерес» и «ценность», очевидно, что данные категории несут различную нагрузку, категория «ценность» характеризует явление с точки зрения его объективной, не зависящей от воли людей значимости и важности, интересы же отдельных субъектов судопроизводства различны, они могут и вообще не содержать ценностной составляющей.

Обеспечение устойчивого поступательного развития общества невозможно без охраны существующих общественных отношений, без охраны и укрепления складывающегося правопорядка, и такая охрана также является задачей уголовного судопроизводства. Если подобного положения нет в УПК РФ и если в ст. 6 УПК РФ установлено, что назначением судопроизводства является лишь защита прав и интересов личности и организаций, это не значит, что в реальности УПК РФ не выполняет важнейшей правоохранительной функции. Уголовный процесс складывается исторически, под влиянием множества факторов, и нельзя изменить либо отменить действие какого-либо постулата, носящего правовой характер, простым его игнорированием.

Возвратимся немного назад и ответим на вопрос: действительно ли в современном российском обществе и соответственно в уголовном процессе, как декларировано, защита прав личности находится в приоритете? Если это так, откуда тогда многочисленные сообщения

---

¹ Смирнова И.Г. Социальная ценность российского уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук, Томск, 2012. С. 15, 34, 86–87 и др.

и публикации о нарушениях прав подсудимых, потерпевших, о применении незаконных методов расследования, об обвинительном уклоне в деятельности суда?

Известно, к примеру, что до настоящего времени образцом конституционного правотворчества среди ученых-государствоведов считается Конституция СССР 1936 г. Создателям УПК РФ также следовало бы поучиться четкости изложения и методологической грамотности у разработчиков УПК РСФСР 1960 г. При этом очевидно, что в реальной жизни многие положения, декларированные Конституцией СССР 1936 г., надлежащим образом не реализовывались, то же самое можно сказать о некоторых нормах УПК РСФСР.

Провозглашение приоритета принципа «социалистической законности» в правоприменительной деятельности еще не означает торжества законности в деятельности конкретных субъектов и участников уголовного процесса. Общество развивается поступательно и последовательно, «от низших форм к высшим», писаное право не всегда верно отражает складывающиеся исторически реалии.

Отметим, что одной из важнейших движущих сил в человеческом обществе всегда являлись передовые прогрессивные идеи, достаточно вспомнить положительное влияние на общество воззрений Вольтера, Ж.-Ж. Руссо, Д. Дидро, Д. Локка, Ш. Монтескье, приведших к формированию концепции «правового государства» и к постепенному реформированию всего человеческого социума. Декларирование какого-либо положения, хотя и труднореализуемого, но «взывающего к добрым чувствам» и призванного, при его исполнении, улучшить существующую объективную реальность, принципиальных возражений не вызывает. Гораздо хуже, когда в качестве прогрессивных и передовых представляются положения, ничего общего с таковыми не имеющие. Примером может служить введение в УПК РФ положений гл. 40-1, регламентирующей заключение «соглашений о сотрудничестве» – деятельности, не имеющей практически ничего общего с нормальным уголовно-процессуальным доказыванием. Представляется, что российское юридическое сообщество, опираясь на исторически сложившиеся представления и традиции, во многом не принимает данный «правовой институт» именно потому, что он противоречит исторически сложившимся в обществе представлениям о справедливости и морали. Не лишним будет в данном контексте и упоминание негативного исторического опыта тридцатых годов двадцатого столетия.

Различия между реальными, объективно существующими ценностями и приоритетами уголовного судопроизводства и теми, которые определяются властью, государством, имеются, в идеале государство должно стремиться к их совпадению. Плохо, когда написанное в законе не отвечает существующим реалиям, вдвойне же плохо, когда нормативные положения ориентируют не на достижение «светлого будущего», а на возвращение «темного прошлого».

Данные рассуждения не носят лишь умозрительного характера. В государстве и обществе должно быть четкое представление о целях и задачах, реализуемых мерами уголовного судопроизводства, если государство определится в ценностных приоритетах, процесс правотворчества наконец-то станет логичным и осмысленным.

Обратимся, например, к проблеме истины в уголовном судопроизводстве. Очевидно, что суд при принятии решения должен выяснить обстоятельства совершенного деяния. Только при достижении такого результата судопроизводство вправе именоваться правосудием и будет способствовать укреплению законности и правопорядка, предупреждению правонарушений, формированию уважительного отношения к праву и суду. На суд возлагается задача рассмотреть дело правильно, справедливо, что предполагает целевую направленность процессуальной деятельности на полное и точное установление действительных обстоятельств дела и их правильную юридическую квалификацию. Требование, чтобы приговор был справедливым или, иначе говоря, «праведный», «истинный», прослеживается уже в «Русской правде» Ярослава Мудрого. Справедливость, истинность исторически являются одной из наивысших социальных ценностей.

Подумаем, является ли ценностью такого же порядка состязательность? Еще М.С. Строгович считал состязательность одним из принципов, т.е. основополагающих начал уголовного процесса¹.

К числу принципов также традиционно принято относить законность, устность, непосредственность, неприкосновенность личности, гласность процесса, презумпцию невиновности и др.² Бесспорно, что

---

¹ *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса: в 2 т. М.: Наука, 1968. Т. 1. С. 149–157.

² См., напр.: Уголовный процесс: учебник / отв. ред. А.В. Гриненко. М.: Норма, 2009. С. 34–37; *Кудрявцев А.В., Лившиц Ю.Д.* О понятии принципа в уголовном процессе // Правоведение. 2001. № 4. С. 168; *Егоров С.Е.* Механизм применения общепризнанных прин-

каждый из принципов важен, они также сложились исторически в результате развития общества, следование этим принципам и ведет к вынесению справедливого приговора, однако представляется, что их ценность и ценность справедливого решения соотносятся как часть и целое либо как цель и средство.

Мы не ставим задачи создания какой-либо «иерархии ценностей» уголовного процесса, но полагаем, что при выявлении коллизий и противоречий в судопроизводстве законодатель должен соотносить ценность того или иного уголовно-процессуального института и явления и выбрать правильный путь разрешения возникших вопросов путем использования тех или иных мер стабилизации процесса.

В последнее время, к примеру, дискутируется вопрос о возвращении в УПК РФ института дополнительного расследования. Не секрет, что огромная часть проблем современного уголовного судопроизводства России обусловлена именно плачевным состоянием предварительного расследования. При неполном, некачественном доказательственном материале велик риск осуждения невиновного либо риск осуждения лица по более тяжкому либо менее тяжкому обвинению. Ни то ни другое не будет отвечать требованию справедливости приговора. Следует определиться, что важнее – безусловное соблюдение принципа состязательности либо справедливое в итоге решение суда? Очевидно, что справедливость – одна из социальных и правовых ценностей наивысшего порядка, а состязательность, которая тоже ценна, – это способ познания и способ организации судопроизводства, ограниченный к тому же определенными пределами. И либо суд в целях вынесения справедливого решения, утрачивая беспристрастность и незаинтересованность, будет доделывать за органы предварительного расследования их работу, либо устранять свои недоработки будут сами органы расследования, что предпочтительнее.

Представляется, при конкуренции ценностей, подлежащих защите, выбор следует производить с учетом аксиологического подхода, защищая наибольшую ценность. При этом, естественно, следует минимизировать возможные отрицательные последствия такого выбора, совершенствуя и развивая положения соответствующих институтов судопроизводства.

РОДСТВЕННИКИ УМЕРШЕГО ОБВИНЯЕМОГО (ПОДСУДИМОГО) КАК СУБЪЕКТЫ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

DOI 10.17223 9785751123871/9

Л.В. Симанчева

Действующий уголовно-процессуальный закон предусматривает, что уголовное дело не может быть возбуждено, а возбужденное уголовное дело подлежит прекращению в случае смерти подозреваемого или обвиняемого, за исключением случаев, когда производство по делу необходимо для реабилитации умершего (п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ).

Возможность прекращения уголовного дела в отношении умершего подсудимого предусмотрена ч. 1 ст. 254 УПК РФ.

Прекращение уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям, согласно ч. 2 ст. 27 УПК РФ, возможно только с согласия лица, в отношении которого решается вопрос о прекращении. В то же время очевидно, что согласие умершего подозреваемого, обвиняемого, подсудимого получено быть не может.

Законодатель, предусмотрев необходимость дальнейшего производства по делу для реабилитации умершего, не определил в уголовно-процессуальном законе, каким именно образом должна определяться необходимость продолжения расследования уголовного дела, кто и в каком порядке может ставить вопрос о дальнейшем судопроизводстве.

Длительное время следственная и судебная практика шли по пути автоматического прекращения производства по делу в случае смерти лица, в отношении которого производство велось. В 2012 г. органами предварительного следствия и дознания в связи со смертью подозреваемых (обвиняемых) по России было прекращено 4351 дело, что составляет 11 % от общего количества прекращенных дел¹. При этом не учитывалось, в какой именно стадии находилось производство по делу, собраны ли достаточные доказательства виновности умершего лица в совершении преступления. Решение следовате-

---

¹ Карпенко В.М. О процессуальном порядке прекращения уголовного дела в связи со смертью подозреваемого (обвиняемого) // Российский следователь. 2014. № 2. С. 12–16.

ля (дознателя) о прекращении уголовного дела (преследования) не подменяет собой приговор и, следовательно, не является актом, который устанавливает виновность лица в совершении преступления. В то же время такое решение влечет ряд последствий.

По сведениям Информационного центра, в 2014 г. в Иркутской области судом прекращены уголовные дела в отношении 109 умерших подсудимых, следствие прекращено в отношении 185 умерших подозреваемых (обвиняемых), отказано в возбуждении уголовного дела в связи со смертью в отношении 178 лиц.

Положения п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК и ч. 1 ст. 254 УПК в их взаимосвязи стали предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации и Постановлением от 14.07.2011 г. № 16-П признаны не соответствующими Конституции Российской Федерации (ч. 1 ст. 21, ч. 1 ст. 23, ч. 1 и 2 ст. 46 и ст. 49) в той мере, в какой эти положения в системе действующего правового регулирования позволяют прекратить уголовное дело в связи со смертью подозреваемого (обвиняемого, подсудимого) без согласия его близких родственников¹.

Данная позиция подтверждена в Определениях Конституционного Суда Российской Федерации от 06. 03. 2013 г. № 354-О и от 17. 06. 2013 г. №1003-О.

В обоснование своей позиции Конституционный Суд Российской Федерации указал, что только по приговору суда лицо может быть признано виновным в совершении какого-либо преступления, прекращение по нереабилитирующим основаниям без согласия заинтересованных лиц противоречит принципу презумпции невиновности, поскольку конституционное право на охрану достоинства личности распространяется не только на период жизни человека, оно обязывает государство создавать правовые гарантии для защиты чести и доброго имени умершего, сохранения достойного к нему отношения. Кроме того, отметил Конституционный Суд РФ, у близких родственников умершего может быть намерение не только защитить честь и достоинство умершего и добрую память о нем, но и собственные честь и достоинство, страдающие ввиду сохранения

---

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14. 07.2011 №16-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 части первой статьи 24 и пункта 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.И. Александрина и Ю.Ф. Ващенко // Рос. газета. 2011. № 165. 29 июля.

известной неопределенности в правовом статусе умершего, а также у них может быть и законный имущественный интерес.

Правильность данного решения Конституционного Суда РФ не вызывает сомнений.

Конституционный Суд РФ обоснованно говорит о необходимости наделения близких родственников процессуальными правами в случае несогласия их с прекращением уголовного дела в связи со смертью подозреваемого (обвиняемого, подсудимого).

В юридической литературе обсуждался вопрос о процессуальном положении близких родственников умершего подозреваемого, обвиняемого.

В.М. Карпенко в обозначенной работе, анализируя такие понятия, как легальное представительство и представительство по соглашению, говорит о том, что близкие родственники умершего не должны именоваться представителями умершего, и предлагает именовать их заинтересованными лицами и допускать к участию в деле постановлением, например постановлением о допуске близкого родственника к участию в деле.

Другие авторы настаивают на том, что в случае смерти подозреваемого, обвиняемого возникают отношения по представительству и близкие родственники должны признаваться законными представителями умершего¹.

В основном в юридической литературе уделяется внимание именно процессуальному положению близких родственников.

Однако Конституционный Суд РФ говорит не только о близких родственниках, но и об иных заинтересованных лицах, и, следовательно, не только близкие родственники, но и другие родственники, а также лица, не состоящие в родстве с умершим, могут быть заинтересованы в реабилитации умершего. При этом целью привлечения заинтересованных лиц к участию в уголовном процессе является не только защита доброго имени умершего, но и защита прав и законных интересов заинтересованных лиц в вопросе реабилитации умершего.

---

¹ *Маслов И.В.* Прекращение уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям: как исполнять решение КС РФ // Уголовный процесс. 2012. № 5; *Максимкина Ю.О.* Процессуальная форма участия близких родственников умершего подозреваемого (обвиняемого) в производстве по уголовному делу. <http://sibac.info/sibac.info/2009-07-01-10-21-16/10025>.

Несмотря на то, что данная позиция Конституционного Суда РФ высказана более трех лет назад, изменения в уголовно-процессуальный закон до настоящего времени внесены не были.

На практике как на стадии досудебного производства, так и на стадии судебного разбирательства возникают проблемы с определением круга лиц и их правами в случае прекращения уголовного преследования в отношении умершего.

1. Не совсем ясно, кто такие иные заинтересованные лица и каковы пределы их заинтересованности. Можно ли считать заинтересованными лицами администрацию учреждения, где работал умерший, если он обвинялся в совершении преступления, не связанного с деятельностью этого учреждения, но руководство этого учреждения считает, что признание умершего виновным в совершении преступления без судебного разбирательства подрывает авторитет этого учреждения?

2. Каким образом следует устанавливать близких родственников и каких?

У умершего может быть несколько близких родственников. Представляется, что если хотя бы один из них настаивает на дальнейшем производстве по делу, то проблем нет. А если один из родственников, известный следствию или суду, согласен на прекращение уголовного преследования, но есть информация, что имеются другие близкие родственники, местонахождение которых неизвестно, то как быть в этом случае?

Например, в Иркутском областном суде имеется уголовное дело, в ходе разбирательства по которому один из подсудимых умер, и мать умершего не возражает против прекращения уголовного преследования. Однако суд располагает информацией, что у умершего есть несовершеннолетний сын, место проживания которого не известно. Может ли суд прекратить уголовное преследование или должен рассмотреть дело по существу в отношении умершего?

3. Какими правами наделяются родственники умершего и иные заинтересованные лица?

Конституционный Суд РФ по этому вопросу отметил, что указанным лицам должны быть обеспечены права, которыми должен был бы обладать подозреваемый, обвиняемый (подсудимый), аналогично тому, как установлено ч. 8 ст. 42 УПК РФ применительно к умершим потерпевшим. Однако права, которыми наделяются подозреваемые, обвиняемые, подсудимые, к сожалению, в УПК РФ сформулированы не только в ст. 46, 47 УПК РФ.

В частности, возникает вопрос, имеют ли родственники умершего и иные заинтересованные лица право на выбор формы судопроизводства: единолично, судом присяжных и т.п. Например, в ходе предварительного слушания обвиняемый настаивал на рассмотрении дела с участием присяжных заседателей, другие обвиняемые возражали. К началу судебного разбирательства данный обвиняемый умер. Могут ли родственники умершего настаивать на дальнейшем рассмотрении дела с участием присяжных или на первый план выступают интересы других лиц, возражавших против суда присяжных?

4. В случае когда на момент принятия решения сведений о близких родственниках или иных заинтересованных лицах нет, то каковы последствия обнаружения таких лиц в дальнейшем? Необходимо ли отменять постановление о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) и вновь проводить расследование или судебное разбирательство? Необходимо ли устанавливать какие-то процессуальные сроки, в течение которых заинтересованное лицо вправе обратиться с заявлением об отмене постановления и проведении разбирательства по делу в целях реабилитации умершего?

Например, 29 декабря 2008 г. в ходе досудебного производства было прекращено уголовное преследование в отношении Х., другие лица по данному уголовному делу осуждены в 2011 г. Иркутским областным судом. Сестра умершего с момента вынесения приговора в отношении других лиц обжалует указанное постановление. Другие осужденные по делу также обжалуют данное постановление, поскольку при вынесении в отношении них приговора были использованы показания умершего.

Обозначенные проблемы требуют серьезной теоретической проработки и внесения изменений в УПК РФ.

В первую очередь необходимо внести изменения во второй раздел УПК РФ «Участники уголовного судопроизводства», закрепить процессуальное положение заинтересованного в реабилитации умершего подозреваемого (обвиняемого, подсудимого) лица, определив его процессуальные права.

Однако, на наш взгляд, определение круга лиц необходимо не для того, чтобы связывать дальнейшее производство по делу с их согласием либо несогласием на прекращение производства по делу. Как уже отмечалось выше, исходя из позиции Конституционного Суда РФ, круг заинтересованных лиц неопределенный, очень широко

кий и не может быть полностью известен органам предварительного расследования, что порождает ряд отмеченных проблем.

Представляется, что во всех случаях необходимо предварительное расследование проводить в полном объеме. При этом, в зависимости от результатов расследования, на наш взгляд, органом предварительного расследования в случае смерти подозреваемого (обвиняемого) по очевидным преступлениям может выноситься постановление о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) в отношении умершего, как по реабилитирующим основаниям, так и по п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ¹. По неочевидным преступлениям, на наш взгляд, орган предварительного расследования должен выносить постановление о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) в отношении умершего подозреваемого (обвиняемого) только по реабилитирующим основаниям. В случае если, по мнению органа предварительного расследования, умерший виновен в совершении преступления, уголовное дело в силу презумпции невиновности подлежит направлению в суд для решения вопроса о виновности либо невиновности умершего лица. При этом уголовное дело направляется в суд с постановлением аналогично, как это делается в отношении невменяемых лиц.

В случае смерти подсудимого судебное разбирательство проводится также в полном объеме.

К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ ПОНЯТЫХ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПО УПК РФ

DOI 10.17223/9785751123871/10

Н.С. Соколовская

Федеральным законом № 23-ФЗ от 4 марта 2013 г. были внесены существенные изменения в ст. 170 УПК РФ, тем самым законода-

---

¹ Вопрос об очевидности преступления вызвал дискуссию на Всероссийской научно-практической конференции «Правовые проблемы укрепления российской государственности», состоявшейся 29–31 января 2015 г. в Юридическом институте Томского государственного университета. Однако, на наш взгляд, преступления, совершенные при большом количестве свидетелей, при покушении и задержании в момент покушения, можно отнести к очевидным, не вызывающим сомнения в причастности умершего подозреваемого (обвиняемого) к данному преступлению.

тель фактически упразднил институт понятых из уголовного процесса, предоставив следователю, дознавателю возможность обходиться при производстве следственных действий без понятых, заменяя их присутствие на применение технических средств фиксации. Но насколько такие изменения УПК РФ обоснованы? Попробуем разобраться.

Как известно, институт понятых в уголовном процессе долгое время являлся и до сих пор является предметом научных дискуссий. Одни ученые выступают за полное упразднение понятых из уголовного процесса¹, другие предлагают предусмотреть в законе только отдельные случаи, когда необходимо прибегать к участию понятых², третьи не видят никакой целесообразности в законодательном ограничении случаев участия понятых в следственных действиях³. Сторонники полного или частичного упразднения института понятых зачастую аргументируют это тем, что понятые не могут эффективно исполнить свои обязанности и подтвердить правильность производства следственного действия⁴. Вряд ли можно признать такой аргумент состоятельным, поскольку в соответствии с ч. 1 ст. 60 УПК РФ понятые привлекаются к участию в следственном действии для удостоверения факта его производства, а также содержания, хода и его результатов. Правильность производства следственного действия в принципе не может удостоверяться понятым, поскольку это правовой вопрос и может быть разрешен только уполномоченным на то юристом – руководителем следственного органа, прокурором, судьей. Некоторые процессуалисты идут еще дальше и указывают в качестве недостатков участия понятых при производстве следственных действий следующие обстоятельства: у понятых неполное восприятие картины следственного действия в силу различных субъективных причин; они не понимают происходящее действие; длительность следственных действий приводит к путанице в памяти понятого; у них отсутствуют необходимые научные знания и др. Такое

---

¹ См., напр.: *Белкин Р.С.* Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. М., 2001. С. 211.

² См., напр.: *Серазетдинова А.Р., Сафронов В.В.* Институт понятых как атавизм российской правовой системы // Основные тенденции развития российского законодательства. 2012. № 7. С. 136.

³ См., напр.: *Баев М.О., Баев О.Я.* Заметки об очередных изменениях Уголовно-процессуального кодекса РФ (о новеллах Федерального закона № 23-ФЗ от 04.03.2013 г.) // Судебная власть и уголовный процесс. 2013. № 2. С. 48.

⁴ См., напр.: *Серазетдинова А.Р., Сафронов В.В.* Указ. соч. С. 135.

ощущение, будто авторы считают, что все понятые непременно должны страдать каким-то расстройством психики. Думается, что некоторые ученые не совсем верно понимают задачи участия понятых при производстве следственных действий.

Однако в рамках данной статьи не стоит задача дать оценку институту понятых в уголовном процессе. Большой интерес вызывает современная редакция ст. 170 УПК РФ. В частности, вызывает вопрос относительно по меньшей мере странного выбора законодателя следственных действий, по которым вроде бы участие понятых обязательно. Это любой обыск, выемка электронных носителей информации, личный обыск и опознание. Вопрос: почему с участием понятых должен производиться любой обыск, а выемка с обязательным участием понятых производится только тогда, когда изымаем электронные носители? Выемка меньше ограничивает конституционные права граждан? Или при выемке меньше вероятности злоупотреблений со стороны сотрудников правоохранительных органов? Или что лежит в основе такого выбора следственных действий, которые должны производиться с участием понятых? В то же время по поводу обязательности участия понятых даже в этих четырех действиях тоже возникают вопросы. В соответствии с ч. 1 и 3 ст. 170 если данные следственные действия производятся в труднодоступной местности при отсутствии надлежащих средств сообщения и если производство следственного действия связано с опасностью для жизни и здоровья людей, то следственные действия могут производиться и без участия понятых, с применением технических средств фиксации. Выходит, что так называемые «обязательные» случаи участия понятых легко превращаются в необязательные. Особенно если учесть, что УПК РФ не определяет, что понимается под «труднодоступной местностью», чем являются «надлежащие средства сообщения».

Из анализа ст. 170 УПК РФ следует, что в настоящее время практически любое следственное действие может производиться следователем, дознавателем без привлечения понятых. При этом в соответствии с ч. 1 (1) и 3 указанной статьи в этих случаях обязательно должны применяться технические средства фиксации. Однако в этих же частях указывается, что «если в ходе следственного действия применение технических средств фиксации невозможно, то следователь делает в протоколе соответствующую запись». Выходит, что не только участие понятых теперь не обязательно, но и

применение технических средств фиксации тоже вовсе не обязательно! В итоге следователь может провести практически любое следственное действие в отсутствие понятых и без применения технических средств, сделав об этом соответствующую запись в протоколе следственного действия. Вызывает недоумение такой подход законодателя. Видимо, теперь законодатель не считает важной для уголовного процесса возможность удостоверения факта производства следственного действия, его хода и результатов. Как будет решаться вопрос о достоверности полученных таким образом доказательств во время судебного разбирательства – приходится только догадываться.

Кроме того, хотелось бы также обратить внимание на предусмотренную законом альтернативу участия понятых в следственных действиях – применение технических средств фиксации. Некоторые процессуалисты отмечают, что технические средства гораздо лучше обеспечивают объективность проведения следственных действий, поскольку результаты применения технических средств более информативны по сравнению со свидетельствами понятых¹. В то же время применение технических средств фиксации вызывает множество вопросов. Часть 6 ст. 164 УПК РФ лишь в общем виде регулирует возможность применения технических средств без указания на то, кем и как они могут применяться. Относительно того, кто может применять, возможны два варианта – или следователь (поскольку именно он проводит следственное действие), или специалист (возможность его участия в следственном действии определяется ч. 1 ст. 168 УПК РФ). Однако привлекать специалиста или нет – решает следователь, это его право. Таким образом, получается, что следователь может и не прибегать к помощи специалиста и самостоятельно осуществлять запись следственного действия. Возникает вопрос: следователь обладает специальными познаниями в данной области, чтобы можно было получить качественный результат? Ответ очевиден – нет, не обладает. Что касается специалиста, то в какой именно области научного знания он должен быть специалистом и есть ли сейчас такие специалисты на службе в правоохранительных органах? Возникают вопросы и к самой технике, которую можно было бы использовать в качестве технического средства фиксации (на-

---

¹ См., напр.: *Львов С.В.* Участие понятых в следственных действиях // Вестник Омского университета. Сер. «Право». 2008. № 1 (14). С. 236.

пример, можно ли использовать сотовый телефон?), а также к форме закрепления полученных данных.

Учеными отмечаются и другие проблемы, с которыми трудно не согласиться. Так М.О. Баев и О.Я. Баев указывают на два негативных обстоятельства, связанных с применением технических средств: 1) фиксация может быть осуществлена избирательно; 2) цифровое фото и видеотехника позволяют осуществлять любой монтаж, распознавание которого практически маловероятно¹. Д.В. Муленков, отмечая, что применение видеозаписи при производстве следственных действий является перспективным, доступным и универсальным средством фиксации, тем не менее указывает на существенные недостатки применения такого средства: отсутствие методических указаний относительно применения технических средств, слабая подготовка, привлекаемых к участию в следственных действиях специалистов². Отсюда проблемы с качеством видеозаписи (съемка проводится в хаотичном порядке, в кадре мало что можно разобрать – затемненная и нерезкая картинка и др.).

Таким образом, мы видим, что законодатель предусмотрел альтернативу привлечения понятых при производстве следственных действий – применение технических средств фиксации. В то же время фактически такая альтернатива вызывает больше вопросов и обоснованных сомнений. Применение таких средств неизменно приведет к увеличению проблем, связанных с определением допустимости и достоверности доказательств, а также к увеличению сроков рассмотрения уголовных дел, поскольку, во всяком случае, когда будут фигурировать технические средства в качестве средств фиксации, необходимо будет назначать трудоемкие и дорогостоящие экспертизы для исключения какого-либо вмешательства в аудиовидеозапись следственного действия. В результате приходим к выводу, что лучшим средством удостоверения факта, хода и результатов следственных действий является участие в этих действиях понятых.

---

¹ Баев М.О., Баев О.Я. Указ. соч. С. 48.

² Муленков Д.В. Особенности применения видеозаписи в практической деятельности правоохранительных органов // Вестник НГУ. Сер. «Право». 2014. Т. 10, вып. 1. С. 90.

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ ОБЖАЛОВАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

DOI 10.17223 9785751123871/11

А.Ю. Фролов

Настоящая статья посвящена проблеме злоупотребления правом обжалования в уголовном процессе. Данная проблема в настоящее время стоит особо остро в условиях загруженности судов и лиц, причастных в силу своего должностного положения к обжалованию судебных решений, решений должностных лиц. В Гражданском кодексе Российской Федерации имеется понятие «злоупотребление правом», закрепленное в ст. 111 ГК РФ, которая гласит, что не допускаются осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом).

Согласно ГК РФ не допускается использование гражданских прав в целях ограничения конкуренции, а также злоупотребление доминирующим положением на рынке. В Арбитражном процессуальном кодексе также присутствует норма о злоупотреблении правом, а именно ст. 111 АПК РФ, которая гласит, что в случае, если спор возник вследствие нарушения лицом, участвующим в деле, претензионного или иного досудебного порядка урегулирования спора, предусмотренного федеральным законом или договором, в том числе нарушения срока представления ответа на претензию, оставления претензии без ответа, арбитражный суд относит на это лицо судебные расходы независимо от результатов рассмотрения дела. Однако ни в Уголовном кодексе Российской Федерации, ни в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации данного понятия нет, а следовательно, нет и каких-либо негативных последствий, которые могут быть применены к лицу, злоупотребляющему правом, что, на взгляд автора настоящей статьи, является существенным пробелом нашего законодательства.

Почему законодатель, предусмотревший данную норму в ГК РФ и АПК РФ, не предусмотрел подобной нормы в УПК РФ, непонятно. Ведь именно в рамках уголовного процесса в наибольшей степени затрагиваются права и свободы гражданина, однако также именно

здесь лицо, привлекаемое к уголовной ответственности, наиболее сильно противостоит государству и пользуется любыми законными, а иногда и незаконными методами для того, чтобы избежать привлечения к уголовной ответственности.

В рамках данной статьи наиболее подробно стоит остановиться на злоупотреблении правом обжалования, которое закреплено в ст. 123 УПК РФ, часть первая которой гласит, что «действия (бездействие) и решения органа дознания, дознавателя, начальника подразделения дознания, следователя, руководителя следственного органа, прокурора и суда могут быть обжалованы в установленном настоящим Кодексом порядке участниками уголовного судопроизводства, а также иными лицами в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы». Обжаловать решения вышеперечисленных лиц можно руководителю следственного органа, прокурору либо в суд, чему посвящены ст. 124, 125 УПК РФ.

А теперь рассмотрим, к чему приводит злоупотребление правом на примере: следователь или дознаватель в своей работе выносит множество постановлений (постановление о возбуждении уголовного дела, постановление о назначении различных экспертиз, постановление о продлении предварительного следствия, постановление о привлечении в качестве обвиняемого и т.д.), которые можно обжаловать руководителю следственного органа, в прокуратуру или суд. Как показывает практика, наиболее часто решения обжалуются в суде.

Теперь рассмотрим ситуацию, в которой каждое постановление следователя будет обжаловаться в судебном порядке, а ведь нередки случаи, когда в рамках одного уголовного дела находится десять и более обвиняемых и материалы уголовного дела сформированы в десятки томов. Как правило, это уголовные дела, связанные с организованной преступностью, где противодействие следствию и так сильно, как законными – затягивание уголовного процесса, умышленный срыв следственных действий, так и незаконными методами – оказание давления на потерпевших, свидетелей с целью дачи последними ложных показаний или отказа от дачи показаний.

Согласно действующему законодательству каждый обвиняемый вправе обжаловать каждое постановление следователя прокурору, руководителю следственного органа либо в суд. В случае если решение обжалуется прокурору либо руководителю следственного органа, то они рассматривают поступившую жалобу в течение 5 су-

ток единолично, что позволяет рассматривать поступившую жалобу в относительно разумный срок. Однако в случае судебного обжалования в судебном заседании вправе присутствовать заявитель, его защитник, законный представитель, представитель, лицо, чьи действия обжалуются, представитель прокуратуры. В случае если кто-либо из названных лиц не явился в судебное заседание, при этом не заявив о рассмотрении в его отсутствие и предоставив уважительную причину неявки в судебное заседание (болезнь, подтвержденная справкой из больницы), то процесс должен быть перенесен. Фактически жалоба не рассмотрена, однако все указанные выше лица потратили свое время, а такие переносы могут быть неоднократными. В случае множества жалоб работа государственных органов будет фактически парализована.

А ведь жалобы могут быть полностью одинаковыми и не рассчитанными на их удовлетворение. Подача подобного числа жалоб может быть средством защиты обвиняемых, которые согласно действующему законодательству вправе защищаться любыми не запрещенными законом способами. Цель подачи такого количества жалоб – отвлечь следователя, дознавателя от производства следственных действий, ведь при этом следователь постоянно занят в суде и не имеет возможности работать по уголовным делам, находящимся у него в производстве, также заняты представитель прокуратуры, судья. Все перечисленные должностные лица фактически не имеют возможности исполнять возложенные на них обязанности, что скажется на разумном сроке рассмотрения иных уголовных дел.

В данном случае в силу того, что обвиняемые злоупотребляют своими правами, граждане, потерпевшие от преступлений, противоправных деяний, не имеют судебной защиты, ведь судья занят рассмотрением жалоб обвиняемых, т.е. мы получаем ситуацию, в которой суд работает не на защиту прав потерпевших, а на обвиняемых, злоупотребляющих имеющимися у них обширными правами. Также порой обвиняемые при написании своих жалоб даже не понимают, что конкретно они обжалуют, и судье приходится выяснять непосредственно в процессе у обвиняемого, что же тот хотел сообщить в своей жалобе. После получения объяснения часто судье необходимо запросить документы, имеющие отношение к рассматриваемой жалобе, для чего вновь требуется перенести рассмотрение жалобы на неопределенный срок.

Согласно ст. 6.1 УПК РФ уголовное судопроизводство должно осуществляться в разумный срок. Фактически в данной ситуации

нормы о разумном сроке судебного судопроизводства и праве на обжалование вступают в противоречие. Разрешить данное противоречие могло бы введение понятия «злоупотребление правом» в УПК РФ. В рамках данного понятия, на взгляд автора настоящей статьи, необходимо установить следующие ограничения:

– запрет обжалования одного и того же постановления по одним и тем же основаниям в рамках одного и того же уголовного дела. В случае если заявитель не согласен с решением суда, он вправе обжаловать данное решение в вышестоящий суд. Но другой заявитель в рамках данного уголовного дела не вправе подать точно такую же жалобу на то же самое постановление;

– запрет подачи немотивированных жалоб. В жалобе должно быть четко обозначен предмет обжалования, указано, какие права нарушены, в чем выразилось нарушение данных прав, какие последствия имели нарушения данных прав.

Указанные нормы ни в коей мере не ограничивают право обжалования, однако позволяют избежать злоупотребления правом. В случае несоблюдения указанных выше условий жалоба должна оставаться без рассмотрения, что позволит избежать судам, а также иным государственным органам ненужной работы и сосредоточиться на защите прав граждан.

К ВОПРОСУ О ЗАЩИТЕ: ПРАВО НА ЗАЩИТУ ИЛИ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ

DOI 10.17223 9785751123871/12

И.В. Чаднова

Постановлением Пленума Верховного Суда РФ № 29 от 30 июня 2015 г. «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве»¹ наряду с обязанностью суда реагировать на каждое выявленное нарушение или ограничение права обвиняемого на защиту установлено право на отказ в удовлетворении ходатайств защиты и на иное ограничение правомочий обвиняемого либо защитника, если это обусловлено

---

¹ Бюл. Верховного Суда РФ. 2015. № 9. Сент.

явно недобросовестным использованием ими этих правомочий в ущерб интересам других участников процесса.

Такое ограничение, по мнению Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ), не будет считаться нарушением права на защиту, так как является злоупотреблением процессуальными правами. При этом единственным правовым обоснованием допустимости «не признать право обвиняемого на защиту нарушенным» ВС РФ полагает ч. 3 ст. 17 Конституции РФ «Осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц».

Ссылка на ч. 3 ст. 17 Конституции РФ в обоснование возможности ограничения процессуальных прав обвиняемого по меньшей мере неубедительна, потому как указанная конституционная норма определяет не злоупотребление правом в принципе, а недопустимость нарушения прав иных лиц, конкретных лиц с имеющимися у них конкретными интересами. Следовательно, такой аргументацией Пленум ВС РФ утверждает, что недопустимо одним субъектам уголовного судопроизводства, используя свои права, причинять ущерб правам иных субъектов уголовного судопроизводства.

В круг субъектов уголовного судопроизводства, кроме участников, чьи права и законные интересы затронуты преступлением, входят также дознаватели, следователи, прокуроры, а также иные процессуальные лица, не обладающие охраняемым законом материальным интересом. Исходя из принципа состязательности (суть которого как раз и состоит в том, чтобы каждая из сторон причиняла ущерб процессуальным интересам оппонента), интересы стороны защиты (обвиняемого и его защитника) противоречат интересам стороны обвинения, а исходя из задач функции уголовного преследования, интерес следователя (дознавателя) не только прямо противоположен интересам обвиняемого, но и может расходиться с интересами потерпевшего.

Очевидно, что предлагаемое ВС РФ расширительное понимание нормы ч. 3 ст. 17 Конституции РФ позволяет расценивать многие действия обвиняемого и его защитника как нарушение прав потерпевшего (или, что еще абсурднее, следователя), что в результате приведет к многочисленным злоупотреблениям со ссылкой на указанную норму и мнение Пленума ВС РФ. Так, например, ходатайства защиты о допросе большого количества свидетелей можно расценить как нарушение права потерпевшего на разумный срок производства по делу.

Институт добросовестности не содержится в УПК РФ, однако в действующем законодательстве встречается. Вопрос добросовестного использования предоставленных прав нормативно урегулирован в ГК РФ, согласно ст. 10 ГК РФ добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются, и запрещено действовать недобросовестно, с намерением причинить вред другому лицу, в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом).

При этом о злоупотреблении правом можно говорить лишь тогда, когда управомоченный субъект, действуя в границах принадлежащего ему субъективного права, использует такие формы его реализации, которые выходят за установленные законом пределы осуществления права¹, т.е. совершает формально разрешенные действия, например, в каждом судебном заседании заявляет множество ходатайств, постоянно меняет предмет или основания иска, использует различные «уважительные» причины для отложения судебного заседания и т.д. Причем такое требование добросовестности не применимо, если в законе предусмотрен специальный запрет на злоупотребление правом (например, ограничение на представление новых доказательств при апелляционном пересмотре дела).

В уголовном процессе также существуют запреты на «стандартные» злоупотребления, например: отказ в удовлетворении необоснованного ходатайства, назначение защитника вместо неявившегося в установленные законом сроки и др.

Однако при наличии в действиях субъекта тех или иных предусмотренных УПК РФ злоупотреблений суд ограничивает сторону защиты в процессуальных правах не по собственному усмотрению, не на основании ссылки на некие конституционные нормы, а в установленном уголовно-процессуальным законом порядке (выносит мотивированное постановление, ожидает явки защитника определенное количество дней и т.д.). То есть суд ограничивает обвиняемого во времени ознакомления с материалами дела не потому, что страдает право потерпевшего на рассмотрение дела в разумные сроки или у следователя истекают сроки предварительного расследования, но только при явном затягивании времени ознакомления (хотя формулировка уже позволяет

---

¹ *Белых В.С., Избрехт П.А.* Злоупотребление субъективными гражданскими правами в предпринимательских отношениях // <http://ppt.ru/news/65956>.

некий судебский произвол в определении степени явности). Возможно, в ряде случаев и усматривается некое злоупотребление стороной защиты предоставленными ей правами, однако суд не может быть уверен, что вызов на допрос заявленного защитой в последний момент свидетеля не повлечет благоприятного изменения положения обвиняемого или оправдательного приговора.

Даже для процесса с более выраженным состязательным началом – гражданского – самым разумным вариантом является запрет на злоупотребление определять конкретной нормой, а не декларативной ссылкой на статью Конституции РФ. Безусловно, невозможно определить законом все многообразие злоупотреблений и соответственно запретов, потому суды в ряде случаев уполномочены по своему усмотрению оценивать процессуальное поведение сторон. Однако предоставляя суду полномочия по своему усмотрению отказывать лицам, злоупотребляющим своим правом, нужно учитывать различия в реализации принципа состязательности в ГПК РФ и УПК РФ. В гражданском процессе на сторону возлагается риск несовершенства действий, и в логике этого процесса скорее правильно, когда ошибки стороны могут негативно повлиять на результат рассмотрения дела. В уголовном процессе положения презумпции невиновности и правило о бремени доказывания однозначно указывают на то, что обвиняемый не должен помогать стороне обвинения, а несовершенство защиты не должно ложиться бременем последствий на самого обвиняемого.

Помимо этого, любое ограничение права должно соответствовать не только ч. 3 ст. 17, но и ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, а также общепризнанным принципам и нормам международного права, в частности, ст. 29 Всеобщей декларации прав человека, провозглашающей, что при осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе¹.

Статья 55 Конституции РФ устанавливает, что права и свободы могут быть ограничены только федеральным законом, причем толь-

---

¹ См., напр., Постановление Конституционного Суда РФ от 21 мая 2013 г. № 10-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2013. № 5.

ко в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. В то же время УПК РФ не содержит ни одной нормы, устанавливающей зависимость реализации какого-либо предусмотренного данным Кодексом процессуального права от добросовестности его осуществления или злоупотребления им.

Между тем согласно позиции Конституционного Суда РФ, отраженной в п. 3.3 мотивировочной части Постановления от 01.03.2012 №5-П: «Из принципа юридического равенства применительно к реализации конституционного права на судебную защиту вытекает требование, в силу которого однородные по своей юридической природе отношения должны регулироваться одинаковым образом»¹. Норма о добросовестности закреплена в ранее упомянутой ст. 10 ГК РФ, присутствует она и в процессуальных кодексах (ч. 2 ст. 41, ч. 2 ст. 111 АПК РФ, ч. 1 ст. 35 ГПК РФ).

Основной вопрос любого ограничения права, тем более права на защиту – это ограничительное толкование соответствующей нормы и полная определенность перечня случаев, когда такое право может быть ограничено. Однако использованный Пленумом ВС РФ в постановлении критерий «явно недобросовестное использование правомочий обвиняемого или его защитника в ущерб интересам других участников процесса» является оценочным и соответственно не может отвечать данным критериям. Собственно, нормы о злоупотреблении правом в абстрактном виде или повлекут не установленное законом излишнее ограничение прав на защиту, или будут иметь исключительно декларативный характер.

Представляется, что правовое регулирование затронутого в постановлении Пленума ВС РФ вопроса о возможности ограничения права на защиту в силу недобросовестности его использования должно быть закреплено на уровне соответствующего федерального закона (УПК РФ) с определением перечня оснований для признания данного ограничения допустимым и обусловлено обязанностью следствия или суда мотивировать наличие объективных причин для такого ограничения.

---

¹ Вестник Конституционного Суда РФ. 2012. № 2.

ОСОБЕННАЯ ЧАСТЬ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СТАТУС ПРОКУРАТУРЫ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

DOI 10.17223 9785751123871/13

А.Н. Ахпанов

Статья 83 Конституции Республики Казахстан устанавливает главные параметры статуса прокуратуры. Они раскрываются в функциях и отраслях (направлениях) прокурорского надзора, основополагающих организационно-правовых началах построения системы органов прокуратуры, особых гарантиях правового положения прокурора.

Анализ конституционных и иных норм законодательства о прокуратуре показывает, что участие прокурора в судопроизводстве и иные формы представительства интересов государства в суде – лишь часть компетенции казахстанской прокуратуры. Несмотря на специфику правовой природы прокурорского надзора, Основным Законом Республики Казахстан нормы о статусе прокуратуры включены в раздел «Суды и правосудие». Такая конструкция, вероятно, обусловлена тенденцией пересечения прокурорского надзора и судебного контроля, сфера применения которого расширяется на постсоветском правовом пространстве¹.

Гарантом независимости прокуратуры являются централизация её системы, особые полномочия и подотчетность Президенту Республики Казахстан, равноудаленному от законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти. Генеральный прокурор РК в течение срока своих полномочий обладает привилегиями от уголовного преследования.

Сотрудники органов прокуратуры отнесены к представителям государственной власти, осуществляющим возложенные на них функции от имени государства. Они не подчинены ни одной из вет-

---

¹ См.: Щерба С.П., Решетникова Т.А., Фролова М.А. Полномочия органов прокуратуры государств-участников СНГ. М., 2013. С. 10–11.

вей государственной власти, независимы от других государственных органов и их должностных лиц, поскольку функции прокуратуры, её исключительные полномочия и методы деятельности обусловлены социальными, экономическими и политическими условиями функционирования государства¹.

Прокуратура не представляет судебную власть и не входит в судебную систему, не позиционируется с исполнительной властью, не претендует на роль четвертой (контрольно-надзорной) ветви государственной власти. В системе органов государственной власти при президентской форме правления прокуратура Казахстана обладает особым конституционным статусом и служит одним из элементов механизма сдержек и противовесов, обеспечивающего разделение властей².

Конституционные функции прокуратуры представлены в частях первой и четвертой ст. 83 Конституции Республики, конкретизированы и детализированы в Законе Республики Казахстан «О прокуратуре». Их содержание образуют следующие положения:

- осуществление высшего надзора за точным и единообразным применением законов, указов Президента РК и иных нормативных правовых актов на территории Республики;
- осуществление высшего надзора за законностью оперативно-розыскной деятельности, дознания и следствия, административного и исполнительного производства и принятие мер по выявлению и устранению любых нарушений законности;
- опротестование законов и других правовых актов, противоречащих Конституции РК и законам Республики;
- осуществление уголовного преследования;
- участие прокурора во всех видах судопроизводства;
- представительство интересов государства в суде;
- формирование государственной правовой статистики и ведение специальных учетов соответствующим Комитетом Генеральной прокуратуры;
- координация деятельности правоохранительных и иных органов РК в борьбе с преступностью;

---

¹ См.: Мами К.А. Комментарий к статье 83 Конституции Республики Казахстан // Конституция Республики Казахстан. Научно-практический комментарий. Алматы, 2010. С. 362–364.

² См.: Бахтыбаев И.Ж. Концептуальные основы деятельности прокуратуры Республики Казахстан по обеспечению законности. Алматы, 2008. С. 116.

– участие прокуратуры в правотворчестве и правовом мониторинге законодательства;

– сотрудничество с органами уголовного преследования в сфере международно-правовых отношений.

1. В отличие от иных государственных органов, наделенных контрольно-надзорной функцией, прокуратура Казахстана выступает высшей инстанцией надзора, который осуществляется исключительно от имени государства на всей его территории и распространяется на все источники нормативных и иных правовых актов. Высший надзор гарантируется особым конституционным статусом прокуратуры и широкими полномочиями, эффективным механизмом прокурорского реагирования на нарушения законности.

2. Прокурорский надзор в досудебном производстве осуществляется за интегрированным оперативно-розыскным и уголовно-процессуальным производством по уголовным делам.

Из задач оперативно-розыскной деятельности с 1 января 2015 г. исключено «раскрытие преступлений». Прокурор осуществляет надзор в ходе ОРД за соблюдением законности при выявлении, предупреждении и пресечении преступлений. Каждое преступление подлежит обязательной регистрации в Едином реестре досудебных расследований (информационная система Генеральной прокуратуры РК), и задача его раскрытия возлагается на органы дознания и предварительного следствия, в том числе с применением негласных следственных действий, поручаемых органам – субъектам ОРД.

Для обеспечения законности, повышения качества досудебного расследования и эффективности прокурорского надзора предусматривается «сквозной» надзор по уголовному делу в лице процессуального прокурора. Он же будет поддерживать государственное обвинение в суде и приносить протесты. Как правило, такой прокурор несменяем.

Принятие прокуратурой мер по выявлению и устранению любых нарушений законности не ограничивается отраслями надзора и простирается на всякие правоотношения в рамках установленной Конституцией РК, законами её компетенции и реализуется во всех формах и видах осуществляемого ею прокурорского надзора.

3. Прокуратура правомочна опротестовывать законы и другие правовые акты, противоречащие Конституции и законам Республики. Тем самым гарантируются такие принципы, как конституционная законность и верховенство Основного Закона, соблюдение

иерархии нормативных правовых актов. Между тем остается проблемным вопрос о правовой процедуре подобного опротестования, вследствие чего отсутствует практическая реализация данной функции.

В соответствии с разъяснением Конституционного Совета РК от 6 марта 1997 г. № 3 названное полномочие прокуратуры включает в себя и право опротестовывать решения, приговоры и иные постановления судов¹.

Независимо от участия в судебном разбирательстве дела прокурор вправе опротестовывать в вышестоящий суд не вступившие в законную силу решения, приговор и иное постановление суда (судьи) в случаях их несоответствия закону или необоснованности. Генеральный прокурор вправе внести протест на неконституционное или противоречащее законам нормативное постановление Верховного Суда РК по вопросам правоприменительной практики. Введенное в уголовное судопроизводство обязательное для сторон правило последовательного обжалования не вступивших и вступивших в законную силу судебных актов не распространяется на протесты прокурора.

4. Функция уголовного преследования прокуратуры проявляется в ряде полномочий, закрепленных нормами Уголовно-процессуального кодекса РК в редакции от 4 июля 2014 г. (с поправками от 7 ноября 2014 г.).

По-прежнему УПК не определена исключительная подследственность органов прокуратуры². В то же время прокурор обладает дискреционными полномочиями начинать³ при наличии повода досудебное расследование независимо от предусмотренной УПК подследственности уголовного дела.

В целях обеспечения объективности досудебного производства органы прокуратуры сохранили право изымать у любого органа до-

---

¹ См.: Постановление Конституционного Совета РК от 6 марта 1997 г. № 3 «Об официальном толковании пункта 1 статьи 4, пункта 1 статьи 14, подпункта 3 пункта 3 статьи 77, пункта 1 статьи 79 и пункта 1 статьи 83 Конституции Республики Казахстан // Сборник постановлений Конституционного Совета РК. Астана, 2010. С. 44.

² Примечательно, что не УПК, а указанием Генерального прокурора РК от 08.02.2013 г. № 1/15 к исключительной подследственности органов прокуратуры отнесено расследование уголовных дел о пытках (подобное «нормотворчество» прямо противоречит ст. 3 Закона РК «О нормативных правовых актах»).

³ С 1 января 2015 г. из УПК РК исключены стадия возбуждения уголовного дела и её этап – следственная проверка.

судебного расследования, принимать в свое производство и расследовать уголовные дела независимо от установленной законом подследственности.

Генеральный прокурор Республики Казахстан, его заместитель, прокуроры областей и приравненные к ним прокуроры в исключительных случаях при установлении фактов неполноты и необъективности расследования, сложности и значимости дела могут образовать группу из числа прокуроров, а также следователей и оперативных сотрудников одного или нескольких органов, осуществляющих досудебное расследование, назначив при этом прокурора руководителем этой группы.

В сфере уголовного преследования прокурор обладает традиционными полномочиями. К ним относятся дача обязательных для исполнения органами расследования указаний, участие в следственных действиях, санкционирование следственных действий и мер процессуального принуждения за исключением отнесенных к компетенции следственного судьи, отмена незаконных процессуальных решений органов уголовного преследования, изменение подследственности, внесение представления на лишение неприкосновенности от уголовного преследования, направление дела в суд и ряд других.

Новой редакцией УПК РК, вступившего в силу 1 января 2015 г., в ведение следственного судьи отнесено 20 процессуальных решений и действий органов уголовного преследования (до этого суд санкционировал 6, связанных с арестом, домашним и экстрадиционным арестом, продлением их срока, принудительным помещением лица в медицинскую организацию для производства судебно-психиатрической экспертизы, помещением несовершеннолетнего в специальное детское учреждение)¹.

В уголовном процессе значительно расширены права прокуратуры. Прокурор инициирует или заключает процессуальные соглашения: о признании лицом вины (с момента регистрации повода к началу досудебного расследования и до удаления суда первой инстанции в совещательную комнату), о сотрудничестве с подозреваемым, обвиняемым, подсудимым, осужденным; санкционирует негласные следственные действия (те, которые по содержанию идентичны специальным оперативно-розыскным мероприятиям), а также во всех случаях до передачи материалов следственному судье поддерживает

---

¹ О следственном судье: см. часть третья ст. 54, 55 и 56 УПК Республики Казахстан.

либо не поддерживает ходатайство органа досудебного расследования о проведении следственного действия, применении мер процессуального принуждения.

Кроме того, прокурором утверждается постановление о квалификации деяния подозреваемого (аналог привлечению в качестве обвиняемого) в отношении адвоката, прокурора, следователя, дознавателя, начальника следственного отдела и начальника органа дознания при совершении ими преступлений, связанных с выполнением профессиональных и служебных обязанностей. Прокурором также утверждаются императивные и дискреционные решения органов досудебного расследования о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) по всем нереабилитирующим основаниям.

Помимо указанного, с 1 января 2018 г. прокурор может инициировать перед судом производство о конфискации имущества, полученного незаконным путем, до вынесения приговора (конфискация *in rem*).

5. Функция участия прокурора в установленных Конституцией РК формах судопроизводства (уголовном, гражданском и административном) направлена на оказание содействия суду в принятии законного, обоснованного и мотивированного решения.

Такая задача универсальна для всех форм, стадий и этапов судопроизводства. Но при этом различны процессуальные формы, средства и способы реализации полномочий прокурора, которые детально регламентированы соответствующими процессуальными кодексами и Кодексом РК об административных правонарушениях. Вместе с тем развитие казахстанского судопроизводства свидетельствует о расширении состязательных начал процесса и формировании баланса между правовыми возможностями сторон.

В частности, сторона защиты при отказе органа уголовного преследования в удовлетворении заявленного ходатайства об обеспечении явки ранее опрошенного ею лица, назначении экспертизы, истребовании предметов и документов вправе обратиться за содействием к следственному судье.

6. Представление интересов государства в суде признается приоритетной функцией прокуратуры. Постановлением Конституционного Совета Республики Казахстан от 6 марта 1997 г. № 3 подтверждено соответствие данной функции Основному Закону страны.

В силу принципа публичности и согласно Закону РК «О прокуратуре» во всех формах судопроизводства и на каждой его стадии

прокурор представляет интересы государства. Объем и пределы процессуальных полномочий прокурора и условия их реализации определены соответствующими судопроизводственными кодексами и нормами. Его участие при осуществлении надзора за досудебным производством, поддержании государственного обвинения, опротестовании судебных актов и рассмотрении дела в проверочных судебных инстанциях (апелляции, кассации и надзоре) обязательно по уголовным делам публичного и частнопубличного обвинения. Прокурор вправе предъявить иск в защиту интересов государства подозреваемому, обвиняемому, подсудимому или лицу, несущему за их действия имущественную ответственность.

Участие прокурора обязательно в судебном разбирательстве по гражданским делам: в предусмотренных законом случаях, при признании необходимым судом или вышестоящим прокурором, по возбуждаемым по инициативе последних делам, в случаях затрагивания интересов государства, по делам страдающих физическими и психическими недостатками лиц, не могущих самостоятельно отстаивать свои интересы, несовершеннолетних (за исключением дел о взыскании алиментов), об оспаривании решений и действий (бездействия) органов государственного управления и их должностных лиц, выселении граждан без представления другого жилого помещения, о восстановлении на работу, возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина.

Представление прокурором интересов государства в суде не ограничивается функцией стороны процесса. Прокурор в судебном заседании следит за соблюдением прав и законных интересов сторон и каждого участника процесса, принимает предусмотренные законом меры по устранению нарушений законности. В этом проявляется правозащитный аспект данной функции, когда прокурор как публичный представитель государственной власти, не связанный частным интересом, создает предпосылки для объективного, беспристрастного рассмотрения и разрешения дела, точного и единообразного применения закона. Данный аспект не противоречит конституционному принципу независимости суда и не расценивается как вмешательство в процесс отправления правосудия.

7. Отличительная черта прокуратуры Казахстана заключается в централизации и унификации формирования государственной правовой статистики.

Функция возложена на Комитет по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры и его территориальные управления. Примечательно, что на постсоветском пространстве не имеется аналогичного межведомственного органа.

Комитет сочетает полномочия по формированию правовой статистики и ведению специальных учетов с ведением контроля и надзора в этой сфере. Объединение видов правовой информации и специального учета позволяет системно формировать достоверный информационный банк данных о состоянии криминогенной ситуации, количественно-качественных показателях деятельности органов уголовного преследования и суда, работе государственных органов по защите и поддержке предпринимательства, об административных правонарушениях, внедрять инновационные технологии правовой статистики и специальных учетов. Также Комитетом собирается, систематизируется и классифицируется ряд специальных учетов. К данным обеспечен доступ правоохранительных и специальных государственных органов, судов, а также граждан. Их мониторинг и анализ способствуют принятию адекватных современным вызовам и востребованных обществом, государством решений.

8. Координация деятельности правоохранительных и иных органов РК в борьбе с преступностью и иными правонарушениями заключается в выработке и практической реализации под эгидой, надзором и контролем прокуратуры межведомственных системных мер по наиболее значимым и требующим разрешения вопросам данной сферы. При этом соблюдается самостоятельность каждого субъекта координации, основной целью которой является консолидированный подход с использованием возможностей различных ведомств для эффективного решения единой задачи.

Формы координации – взаимодействие государственных и иных органов, взаимный обмен информацией и согласованность их действий для достижения общих целей.

9. Правотворческая функция прокуратуры состоит в участии заместителей Генерального прокурора в работе постоянных межведомственных комиссий Министерства юстиции по вопросам законопроектной деятельности, совершенствования гражданского, гражданского процессуального, административного, уголовного, уголовно-процессуального законодательства; в непосредственном участии прокуратуры в разработке законопроектов и внесении предложений по законопроектам; в проведении правовой экспертизы законопро-

ектов, поступающих в Генеральную прокуратуру из Правительства, Мажилиса и Сената Парламента; в участии на заседаниях рабочих групп, комитетов Парламента по обсуждению проектов законов с правом совещательного голоса.

10. Международно-правовое сотрудничество прокуратуры Казахстана основано на многосторонних и двусторонних договорах о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам, договорах о выдаче преступников. В стадии досудебного расследования уголовных дел международное сотрудничество органов уголовного преследования осуществляется через центральный орган – Генеральную прокуратуру.

Казахстаном заключены такие договоры с 37 странами, ведется подготовка к подписанию 70 двусторонних договоров с 33 государствами. Ежегодно исполняется около 600 иностранных ходатайств и направляется около 700 просьб РК об оказании правовой помощи по уголовным делам. В течение 2012–2014 гг. РК выдано более 300 разыскиваемых лиц в 15 государствах, из-за рубежа экстрадировано в РК 200 лиц.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ УПРОЩЕННЫХ СУДЕБНЫХ ПРОЦЕДУР

DOI 10.17223 9785751123871/14

А.В. Боярская

Предметом рассмотрения в данной статье выступают материально-правовые (уголовно-правовые) основания упрощенных судебных процедур, свойственных уголовному процессу России. При этом для обеспечения большей четкости объекта познания оговоримся, что нас будут интересовать лишь уголовно-процессуальные производства, относящиеся, согласно классификации, разработанной Ю.К. Якимовичем, к числу основных¹.

Под материально-правовыми основаниями (или материально-правовым базисом) упрощенных судебных процедур будет пониматься система материально-правовых норм, на применение кото-

---

¹ Якимович Ю.К. Структура уголовного процесса: система стадий и система производств: основные и дополнительные производства // Избранные труды. СПб.: Юридический центр-Пресс, 2011. С. 149–151.

рых рассчитана определенная уголовно-процессуальная форма. И целью данной статьи будет определение того, насколько существенно нормы уголовного права, для реализации которых предназначено то или иное производство, определяют специфику его процедуры.

Полагаем, в настоящее время систему упрощенных судебных процедур уголовного процесса России образуют «обычный» вариант особого порядка судебного разбирательства, предусмотренный гл. 40 УПК РФ, особый порядок при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, закрепленный гл. 40.1 УПК РФ, судебное производство, соответствующее сокращенному дознанию, конструируемое ст. 226.9 УПК РФ, а также производство по уголовным делам частного обвинения.

На применение каких уголовно-правовых норм рассчитаны перечисленные процессуальные формы? Дадим их краткий обзор.

Соглашаясь с позицией А.С. Александрова, А.Ф. Кучина, А.Г. Смолина, можно принять за основу утверждение, что «под уголовно-правовым (материальным) основанием, упоминаемым в ч. 1 ст. 314 УПК, надо понимать состав преступления, вмененного в вину обвиняемому, за которое наказание не превышает 10 лет лишения свободы»¹. Как известно, уголовно-правовые основания особого порядка судебного разбирательства подвергались изменению и изначально, до принятия Федерального закона от 04.07.2003 г. № 92-ФЗ², включали нормы о преступлениях, наказание за которые не превышает 5 лет лишения свободы. При этом предложения по их изменению продолжают поступать достаточно регулярно. Например, озвучиваются позиции о необходимости повышения планки наказуемости деяний, рассматриваемых судом в порядке гл. 40 УПК РФ, или даже о снятии всех ограничений, содержащихся в ч. 1 ст. 314 УПК РФ³.

Особый порядок судебного разбирательства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве не предполагает ограничений по степени общественной опасности рассматриваемых преступных посягательств. Хотя, как верно указывает Т.В. Топчиева, статистически ча-

---

¹ Александров А.С., Кучин А.Ф., Смолин А.Г. Основания и условия реализации особого порядка судебного разбирательства // Рос. судья. 2007. № 9. С. 37.

² Федеральный закон от 04.07.2003 г. № 92-ФЗ (ред. от 29.12.2010 г.) «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 27 (ч. 1). Ст. 2706; Рос. газета. 2010. 31 дек.

³ Уголовно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты сделки о признании уголовного иска / И.А. Александрова и др. Н. Новгород: Нижегород. акад. МВД РФ, 2007. С. 211.

ще всего досудебное соглашение о сотрудничестве применяется по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях¹.

Д.П. Великий полагает, что особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве допускается по делам о преступлениях, совершенных в соучастии, когда есть необходимость в содействии в розыске имущества, добытого преступным путем в результате данного преступления, имеют место смягчающие обстоятельства, указанные в п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ, и отсутствуют отягчающие обстоятельства².

Выделение второго из приведенных критериев в качестве ограничительного вызывает сомнения, к тому же, как указывает сам автор, он игнорируется судебной практикой.

Но одним из самых дискуссионных для данного производства является вопрос о том, возможно ли заключение упомянутого соглашения только по уголовным делам о преступлениях, совершенных подозреваемым или обвиняемым в соучастии³, или по более широкой категории уголовных дел⁴.

Далее обратимся к новой упрощенной судебной процедуре, предусмотренной ст. 226.9 УПК РФ.

Материально-правовую базу данного производства составляют деяния, прямо перечисленные в п. 1 ч. 3 ст. 150 УПК РФ. То есть она является единой для обычного дознания и сокращенного дознания со следующим за ним судебным производством, предусмотренным ст. 226.9 УПК РФ. Отличия в их основаниях связаны с факторами только уголовно-процессуального характера.

И, наконец, производство по уголовным делам частного обвинения. Оно предназначено для применения всего лишь трех норм УК РФ, перечисленных в ч. 2 ст. 20 УПК РФ, содержащих только три состава преступления, по которым, как обычно пишут, необходим максимальный учет мнения потерпевшего о возможности возбужде-

---

¹ *Топчиева Т.В.* Досудебное соглашение о сотрудничестве в российском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2013. С. 16.

² *Великий Д.П.* Досудебное соглашение о сотрудничестве в российском уголовном процессе // Журнал российского права. 2010. № 2. С. 84–90.

³ *Головизнин М.В.* О природе особого порядка принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ *Костенко Н.С.* Досудебное соглашение о сотрудничестве в уголовном процессе: правовые и организационные вопросы: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2013. С. 10; *Николаева Т., Ларкина Е.* Некоторые вопросы заключения досудебного соглашения о сотрудничестве // Уголовное право. 2009. № 6. С. 88.

ния или прекращения производства по уголовному делу¹, что и обуславливает специфику рассматриваемой процессуальной формы.

В отношении данной процедуры высказывается позиция, что она применяется по слишком незначительному кругу уголовных дел, который мог бы быть шире². За весь период действия УПК РФ обозначенная норма четырежды подвергалась изменениям, количество охватываемых ею составов преступлений изменялось в следующей динамике: семь – пять – два – три, т.е. подвергалось сокращениям.

Полагаем, на основании изложенного при первом приближении можно сформулировать следующие выводы:

– во-первых, материально-правовые основания упрощенных судебных производств, свойственных уголовному процессу России, характеризуются нестабильностью, часто подвергаются изменениям;

– во-вторых, они определяются посредством разнородных признаков, не сводимых к степени общественной опасности преступлений, рассматриваемых в том или ином порядке. Иногда законодатель ограничивается простым перечислением статей УК РФ;

– в-третьих, обозначенные в законодательстве критерии далеко не всегда позволяют с должной четкостью обрисовать уголовно-правовой базис той или иной процедуры, оставляя значительный простор для дискуссий. Споры могут касаться как толкования положений действующего законодательства, так и предложений по его изменению;

– в-четвертых, уголовно-правовые основания всех упрощенных судебных процедур существенно ограничиваются требованиями уголовно-процессуального характера;

– в-пятых, в последние годы стали появляться уголовно-процессуальные процедуры, характеризующиеся общностью уголовно-правовых оснований, различающиеся только процессуальными условиями их применения.

Отталкиваясь от приведенных рассуждений, попробуем взглянуть на охарактеризованную ситуацию с еще более общих позиций. Ю.К. Якимович в данной связи указывает, что законодатели, вводя в уголовное судопроизводство новые уголовно-процессуальные фор-

---

¹ Генералова А.С. Особенности процессуального статуса потерпевшего по уголовным делам частного обвинения // СПС «КонсультантПлюс».

² Лекции по истории уголовного процесса России / науч. ред. И.В. Смолькова; отв. ред. Р.В. Мазюк. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2010. С. 310–311.

мы, игнорируют и уголовно-правовой, и уголовно-процессуальные критерии дифференциации¹.

То есть тенденции развития отечественного уголовно-процессуального законодательства демонстрируют разрушение связи дифференциация уголовного права (в данном случае под дифференциацией уголовного права понимается дифференциация оснований уголовной ответственности) – дифференциация уголовно-процессуального права (в виде дифференциации уголовно-процессуальной формы).

Полагаем, причина разрыва данной связи состоит в том, что законодатели, осуществляя нормотворческую деятельность, рассуждают не о том, какое видоизменение процессуальной формы допускают те или иные уголовно-правовые нормы, содержащие отдельные составы преступлений, а о том, на какой уголовно-правовой базе можно распространить новые процессуальные формы, введение которых в уголовное судопроизводство является желательным в конкретный момент времени.

Взамен возникает новая связка: дифференциация уголовно-процессуальной формы – дифференциация уголовной ответственности в виде установления специальных правил назначения наказания, помогающих корректировать уголовно-правовые последствия упрощенных судебных процедур, чтобы их можно было распространять на более широкий круг уголовных дел.

МОДЕЛИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ СЛЕДОВАТЕЛЯ И ЗАЩИТНИКА НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

DOI 10.17223/9785751123871/15

А.А. Брестер, Л.С. Белецкая

Согласно данным проведенного нами анкетирования², на сегодняшний день следователи склонны видеть в защитнике не столько

---

¹ Якимович Ю.К. Дифференциация уголовного судопроизводства должна иметь разумные пределы и не приводить к упрощенчеству // Вестник Томского государственного университета. Сер. «Право». 2014. № 2 (12). С. 106–107.

² Анкетирование проводилось на территории Красноярского края. В нем приняли участие 43 адвоката из различных адвокатских образований края и 25 следователей трех

лицо, реализующее законные интересы доверителя и способствующее правосудию, сколько процессуального противника, с которым необходимо соперничать.

Действующий УПК РФ помимо закрепления в тексте закона принципа состязательности называет следователя и защитника «сторонами». Тем же понятием оперирует раздел II УПК РФ, который формально относит следователя к стороне обвинения. Это обстоятельство позволяет некоторым процессуалистам утверждать, что деятельность следователя является обвинительной, а его взаимоотношения с защитником носят характер противоборства, противостояния, борьбы¹.

Подобная модель взаимоотношений – *модель противоборства* – характерна для крайней формы состязательности уголовного судопроизводства, и некоторым ее примером является уголовный процесс США, где полиция, являясь органом исполнительной власти и производящая расследование, действует исключительно в интересах обвинения, формируя не «единое дело», а свое собственное «досье»². Отличается американская модель от российской и тем, что по-иному организована деятельность защитника: он наделен правом по сбору доказательств³, поскольку сами по себе понятия «противоборство», «противостояние» предполагают наличие двух сторон, которые имеют примерно равный объем полномочий для реализации такой конфронтации. При этом важно понимать, что сторона защиты

следственных отделов г. Красноярска ГСУ СК России по Красноярскому краю. Согласно результатам 81 % опрошенных следователей воспринимают адвоката как процессуального противника, а 80 % опрошенных адвокатов отметили, что сталкивались в своей работе с ситуациями, которые они оценивают как противодействие адвокатской деятельности со стороны следователя.

¹ Вишневецкая О.В. Состязательная деятельность защитника на предварительном следствии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2004. С. 16. Аналогичные суждения см., напр.: Лобанова А.А. Адвокат как сторона защиты в состязательном досудебном производстве по уголовному делу: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2003. С. 45–46.

² Головки Л.В. Архетипы досудебного производства, возможные перспективы развития отечественного предварительного следствия // Уголовное судопроизводство. 2014. № 2. С. 9–16.

³ Упоминание российским законодателем в УПК о том, что защитник вправе собирать доказательства без указания на механизм реализации такого права, позволило ряду исследователей опубликовать немало работ, посвященных тактике и стратегии адвокатского расследования. См., напр.: Мартынич Е.Г. Адвокатское расследование: понятие, природа, особенности и сущность (к разработке модели) // Адвокатская практика. 2004. № 1. С. 16–21; Маслов И.В. Адвокатское расследование // Законность. 2004. № 10. С. 34–38; Стройков В.А. Реализация права защитника на опрос лиц // Законность. 2004. № 6. С. 52–54.

в американском процессе не вправе ограничивать конституционные права личности. В этом смысле полного равенства сторон на досудебной стадии не может существовать¹.

Истории российского уголовного процесса не чужда идея о противостоянии следователя и защитника, но высказывалась она в трудах дореволюционных ученых исключительно в контексте невозможности обеспечить и санкционировать обязанность следователя осуществлять расследование по уголовному делу, устанавливая обстоятельства, как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого².

Из того же основания исходят и современные процессуалисты. Например, С.А. Шейфер подмечает обязанность современного следователя «устанавливать факты, не совместимые с обвинением, опровергающие его», но далее пишет: «Следователь не может не испытывать чувства раздвоенности, сознавая себя, с одной стороны, обвинителем, а с другой – лицом, обязанным опровергать себя как обвинителя, собирая и исследуя оправдывающие обвиняемого доказательства»³.

Подобное основание позволяет сформулировать отдельным учебным мнением о том, что защитник во что бы то ни стало должен действовать в интересах своего клиента с целью опровержения тезиса следователя о виновности подзащитного или смягчения его ответственности⁴. Тем самым роль защитника усматривается в том, чтобы

---

¹ Настоящая работа призвана описать две модели взаимоотношений участников и субъектов уголовного судопроизводства: модель противоборства, противодействия, борьбы и в качестве противоположной ей модели взаимодействия. Говорить о реализации таких моделей в чистом виде на практике не приходится, они имеют скорее научное значение и выступают в качестве идеала, ориентира деятельности.

² *Даневский В.П.* Наше предварительное следствие, его недостатки и реформа. М., 1915. С. 10–13; *Гернет М.Н.* Устав уголовного судопроизводства. Систематический комментарий. Вып. 3. Ст. 249–594. М., 1914. С. 618. Мы позволяем себе ссылаться на авторов дореволюционного периода, поскольку видим существенные сходства между тем, какое назначение возлагал на судебного следователя законодатель XIX в. и на следователя действующий УПК. Опуская некоторые детальные различия, прежде всего, речь идет о том, что судебный следователь был обязан исследовать с полным беспристрастием все обстоятельства дела, как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого. Такая обязанность была прямо закреплена в ст. 265 Устава Уголовного судопроизводства. Что касается УПК РФ, то ст. 73 носит аналогичный характер: среди обстоятельств, подлежащих доказыванию, закон называет как «уличающие», так и «оправдывающие» обстоятельства.

³ *Шейфер С.А.* Следственная власть: история и современность. URL: [http:// www.iuaaj.net/node/478](http://www.iuaaj.net/node/478) (дата обращения: 11.09.2015).

⁴ Например, читаем у О.В. Вишневайской: «Целью состязательной деятельности защитника на предварительном следствии является охрана прав, свобод и личных интересов подозреваемого и обвиняемого. Под охраной мы понимаем не процесс, а результат, то

защитить своего доверителя от обвинения в любом случае вне зависимости от того, является ли законным его интерес. Мы полагаем, это может сделать невозможным достижение цели уголовного судопроизводства. Под целью уголовно-процессуальной деятельности мы понимаем установление обстоятельств, подлежащих доказыванию, сформулированных в ст. 73 УПК РФ¹.

Предположим, что следователь осуществляет свою функцию по расследованию преступления путем объективного, всестороннего, полного исследования, действуя в соответствии с законом, и в таких условиях появляется защитник, который имеет право на параллельное расследование. Это не позволяет следователю достичь цели по установлению обстоятельств, подлежащих доказыванию, так как второй субъект получит возможность этому препятствовать, в том числе уничтожать доказательства, искажать информацию. Начнется «гонка» за доказательствами, которая вряд ли станет основой получения достоверного итога расследования.

Модель противоборства обсуждается сегодня на самом высоком уровне и претворяется в концепции создания лица, которое таким противоборством будет управлять. Речь идет об идее возрождения института следственных судей². Авторы и сторонники концепции

есть сохранение за подозреваемым (обвиняемым) всех прав, свобод и интересов, которыми он обладал до начала уголовного преступления. Такая цель сохраняется в деятельности защитника и в случае, когда он объективно уверен в невинности своего подзащитного, и тогда, когда есть сомнения в его невинности или даже уверенность, что доказательства его вины достоверны и достаточны. Если обвиняемый отрицает свою вину, защитник обязан стоять на этой же позиции, независимо от обвинительных доказательств». *Вишневская О.В.* Состязательная деятельность защитника на предварительном следствии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2004. С. 16. Аналогичные суждения см., напр.: *Адаменко В.Д.* Сущность и предмет защиты обвиняемого. Томск, 1983. С. 111–115.

¹ *Барабаш А.С.* Публичное начало российского уголовного процесса: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Красноярск, 2006. С. 24–26.

² Началом большому обсуждению послужила статья А.В. Смирнова «Почему России нужен новый Уголовно-процессуальный кодекс», опубликованная в сентябре 2014 г. в журнале «Уголовный процесс». После этого последовало еще несколько статей того же автора в сети Интернет: «Российский уголовный процесс: от заката до рассвета» (декабрь 2014 г.), «Российский уголовный процесс: необходима новая модель» (январь 2015 г.). На данный момент идея введения следственных судей опубликована на уровне концепции: «Возрождение института следственных судей в российском уголовном процессе». URL: http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20150224_/273218436.html (дата обращения: 11.09.2015). Далее в тексте – концепция.

изначально исходят из наличия сторон и говорят о необходимости обеспечить им равенство возможностей¹.

Помимо прочего, существуют попытки обосновать модель противоборства с точки зрения экономики со ссылкой на исследование недавнего нобелевского лауреата Жана Тироля в соавторстве с Матиасом Деватрипоном «Адвокаты», утверждая, что авторы пришли в статье к выводу: только в процессе с конфликтующими сторонами возможно обнаружить полный набор доказательств «за» и «против»².

Действительно, в статье Ж. Тироля³ говорится о том, что возложение бремени доказывания на двух сторон, каждая из которых отстаивает свой тезис и осуществляет поиск информации для его аргументации с точки зрения затрат, предпочтительнее, чем возложение обязанности по сбору такого же объема информации на одно лицо, принимающее решение. Авторы приходят к выводам о том, что при наличии двух сторон, каждая из которых собирает необходимую ей информацию соответствующей позиции (в том числе по уголовному делу)⁴, между этими сторонами неизбежно появляется конкуренция, которая позволяет получить либо больше информации, либо такое же количество информации, но при более низких затратах и за более короткий промежуток времени. При существовании же единственного субъекта сбора информации и принятия решений, например, судьи или следователя, во-первых, увеличивается период времени, за которое собирается такое же количество информации, во-вторых, такая ситуация вынуждает субъекта прилагать больше усилий и, в-третьих, предполагает несение больших затрат.

---

¹ Например, в документе пишется следующее: «Главный дефект нынешнего УПК РФ – господство на так называемых досудебных стадиях процесса стороны обвинения и фактическое процессуальное неравноправие с ним стороны защиты, в результате чего судебные доказательства формируются, по сути, одним лишь публичным обвинителем (следователем, дознавателем), тогда как другая сторона – защита – такой возможностью не обладает». О компетенции и порядке формирования института следственных судей в РФ см.: *Брестер А.А.* Следственный судья шагает по стране – обсуждение в регионах: авторский блог преподавателя. URL: <http://alex-brester.livejournal.com> (дата обращения: 7.09.2015).

² Extra Jus: Суд как игра судьи с самим собой // Ведомости. URL: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2014/02/06/sud-kak-igra-sudi-s-samim-soboj> (дата обращения: 15.09.2015).

³ *Tirole D.* Advocates // The Journal of Political Economy. 1999. Vol. 107, no. 1. P. 1–39.

⁴ Особо следует обратить внимание на то обстоятельство, что Ж. Тироль пишет не об уголовном судопроизводстве, а использует его лишь в качестве одного из примеров.

Но предметом исследования автора является развитое капиталистическое общество. Охарактеризовать так российское общество и культуру на нынешнем этапе едва ли возможно. Кроме того, в исследовании Ж. Тироля указывается и на недостатки состязательной модели, в частности, внимание уделяется возможности манипулирования информацией обеими сторонами¹, что упускается теми, кто ссылается на статью в обоснование модели противоборства.

В качестве противоположной модели взаимоотношений следователя и защитника рассматривается *модель взаимодействия*, которая предполагает, что у следователя и защитника нет противоположных целей, что, конечно, не означает, что цель у них общая. Каждый из них способствует правосудию, а уголовно-процессуальные механизмы устроены таким образом, чтобы не допустить односторонность субъекта деятельности на данной стадии. В основе такой модели лежит метод объективного, всестороннего и полного исследования обстоятельств дела².

Идея о взаимодействии, а не противоборстве защитника и властных субъектов, об обеспечении защитником реализации органами следствия, прокуратуры и суда и их должностными лицами публичного предназначения также высказывалась дореволюционными исследователями и признавалась в качестве возможной и разумной, в сторонах виделись помощники суда³.

Если односторонность в состязательном процессе поощряется, то в публичном процессе и в модели взаимодействия его участников

---

¹ *Tirole D. Advocates. P. 16–23.*

² *Брестер А.А.* Начало, форма и метод российского уголовного процесса: дис. ... канд. юрид. наук: Томск, 2013. 219 с.; *Стойко Н.Г.* Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и романо-германской правовых систем. СПб., 2006. С. 102, 115.

³ Читаем у А.Ф. Кони: «Состязательное начало в процессе выдвигает как необходимых помощников судьи в исследовании истины – обвинителя и защитника. Их совокупными усилиями освещаются разные, противоположные стороны дела и облегчается оценка его подробностей». *Кони А.Ф.* Нравственные начала в уголовном процессе. Избранные произведения. М.: Госюриздат, 1956. При разработке проекта Устава Уголовного судопроизводства члены Комиссии 1862 г. единогласно признавали необходимость допущения защиты на следствии, мотивируя это тем, что защитник полезен не только обвиняемому, но и самому следователю, поскольку помогает сохранить последнему объективность. Необходимость в защите на предварительном следствии виделась в том, чтобы защитник указывал следователю на обстоятельства, оправдывающие обвиняемого. См.: Журнал Соединенных департаментов законов и гражданских духовных дел Государственного сената. 1864. С. 32. Цит. по: Объяснительная записка к проекту новой редакции Устава уголовного судопроизводства. СПб.: Сенатская типография. 1900 г. Т. II. С. 127.

и субъектов односторонность в деятельности органов государства – явление негативное и предполагает необходимость наличия процессуальных механизмов, способных ее уравновесить. Таким процессуальным механизмом и является деятельность защитника. Он должен обратить внимание на отдельные обстоятельства расследуемого преступления, тем самым предотвратив обвинительный уклон в деятельности следователя.

Действующий УПК РФ содержанием ст. 73 настраивает нас на модель взаимодействия следователя и защитника¹. Это обусловлено, прежде всего, той ролью, которую закон возлагает на следователя, а именно обязанностью осуществления активной познавательной деятельности, что порождает неравенство прав и возможностей субъектов и участников уголовно-процессуальной деятельности. Только следователь вправе осуществлять следственные действия, только он наделен правом применять меры процессуального принуждения в случае неисполнения участниками деятельности возложенных на них обязанностей и осуществления ими препятствий по расследованию преступлений. Защитник лишен возможностей по реализации таких полномочий, он при таких обстоятельствах не вправе ограничивать конституционные права личности.

Таким образом, нами выделены две модели взаимоотношений лица, ведущего расследование от государства, и защитника. Модель противоборства обосновывается, прежде всего, тем, что следователь не может поставить себя в позицию исследователя.

Но действующий уголовно-процессуальный закон не содержит механизма реализации модели противоборства следователя и защитника, не давая последнему никаких полномочий для такого противоборства, но предоставляя все полномочия по ведению расследования следователю. Это позволяет говорить о том, что закон нацеливает на взаимоотношения по иной модели – модели взаимодействия, которая предполагает выстраивание институциональных механизмов таким образом, чтобы максимально преодолеть односторонность субъекта доказывания.

---

¹ Подробнее об этом см., напр.: *Барабаш А.С.* Борьба или взаимодействие – основа отношений в уголовном процессе России // Вестник КазНУ. Сер. юридическая. 2012. № 5. С. 25–29.

О ДОСТИЖЕНИИ ЗАКОННОСТИ КАК ОСНОВНОЙ ЦЕЛИ СОВРЕМЕННОЙ ПРОКУРОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

DOI 10.17223 9785751123871/16

О.В. Воронин

Общей целью прокурорского надзора служит обеспечение законности.

В отечественной юридической науке понятие законности многоаспектно и многогранно. Более того, оно неоднократно эволюционировало в различные исторические периоды, начиная от выделения ее классового понимания как принуждения к исполнению советских законов¹, требования о неуклонном соблюдении нормативных предписаний всеми советскими людьми², свойства, объективно необходимого социалистическим общественным отношениям³, и заканчивая ее определением как совокупности нормативных требований в широком понимании⁴, режима государственной и общественно-политической жизни⁵, состояния общественных отношений⁶, метода правового регулирования общественных отношений⁷, принципа деятельности публичных органов⁸, принципа права⁹ и (или) в качестве различных комбинаций данных категорий.

Применительно к деятельности прокуратуры на основе изложенных подходов понятие законности в основном используется в

---

¹ Российская юридическая энциклопедия / под ред. А.Я. Сухарева. М., 1999. С. 335.

² *Вышинский А.Я.* Вопросы теории государства и права. М., 1949. С. 87.

³ *Самоценко И.С.* Охрана режима законности советским государством (правоохранительная деятельность Советского государства – метод обеспечения социалистической законности). М., 1960. С. 21; *Недбайло П.Е.* Применение советских правовых норм. М., 1960. С. 445.

⁴ *Алексеев С.С.* Общая теория социалистического права. Вып. 1. Свердловск, 1963. С. 173.

⁵ *Явич Л.С.* Право и общественные отношения. М., 1968. С. 42.

⁶ *Рабинович П.М.* Упрочнение законности – закономерность социализма. Львов, 1975. С. 121.

⁷ *Лукашева Е.А.* Социалистическое правосознание и законность. М., 1973. С. 27; *Кудрявцев В.Н.* Социалистическая законность и юридическая наука // Правда. 1981. 3 июля. С. 2–3.

⁸ *Витрук Н.В.* Законность: понятие, защита и обеспечение. Общая теория права: Курс лекций. Н. Новгород, 1993. С. 350.

⁹ *Марченко М.Н.* Теория государства и права. М., 2005. С. 353; *Иоффе О.С., Шаргородский М.Д.* Вопросы теории права. М., 1961. С. 294.

трех смыслах: в качестве одного из принципов организации и деятельности прокуратуры; как метода реализации прокурорских полномочий (прокурорской власти) и как цели прокурорской деятельности.

Как принцип организации и деятельности прокуратуры законность означает построение, формирование, функционирование и определение компетенции прокуратуры исключительно в соответствии с Конституцией РФ и законами, действующими на территории России.

Законность как метод реализации прокурорской власти означает осуществление особого вида наблюдения за исполнением и соблюдением нормативно-правовых требований, содержащихся в актах высшей юридической силы – Конституции РФ и законах. Основная специфика заключается, во-первых, в характере прокурорского надзора, определяемого его предметом: надзоре за предписаниями, обладающими наибольшей юридической силой (в силу чего в условиях прежнего законодательства прокурорский надзор носил высший и исключительный характер), во-вторых, в содержании этого наблюдения, складывающегося из выявления (слежения и обнаружения) и восстановления нарушенной законности путем устранения негативных последствий и возвращения прежнего правомерного состояния. В свою очередь, восстановление законности может протекать в простой (путем применения сугубо надзорных правовых средств) и усложненной (с помощью возбуждения административных, судебных и прочих производств) формах.

Наибольший интерес представляет законность как цель прокурорской деятельности. В этом случае она означает достижение реального и активного функционирования всех нормативных факторов, призванных распространить на общественные отношения состояние их правомерности. Как результат деятельности законность характеризуется следующими параметрами: субъектами ее обеспечения, этапами (формами) реализации, а также видом или характером (юридической значимостью) реализуемых предписаний. Выделяют три уровня обеспечения законности: национальный (общероссийский), общепрокурорский и отраслевой (специальный).

Национальный (общероссийский) уровень законности означает распространение на общественные отношения состояния их правомерности, устанавливаемое всеми нормативно-правовыми регуляторами (источниками права), действующими во всех сферах, со сторо-

ны всех публичных органов на всех этапах (во всех формах) реализации законности. Прокуратура в этом случае наряду с иными государственными органами вносит свою лепту в обеспечение реальности и эффективности правового регулирования общественных отношений путем соблюдения, исполнения, использования и применения требований, закрепленных в Конституции РФ и других нормативных источниках, во всех сферах государственной и общественной жизни. Законность в этом смысле представляет собой общероссийский конечный совместный результат деятельности прокуратуры с иными публичными органами по применению норм права.

Результатом общепрокурорского уровня законности служит, главным образом, обеспечение реализации принципа законности в деятельности поднадзорных лиц. Обеспечивая законность в этом случае, прокурор руководствуется установленными общими пределами прокурорского надзора, определяющими круг поднадзорных лиц, виды нормативно-правовых актов, за исполнением которых надзирает прокуратура, а также этапы реализации законности. Согласно Закону о прокуратуре обеспечение законности со стороны прокуратуры ограничивается наблюдением за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, исполнением Конституции РФ и законов, действующих на территории России, со стороны лиц, указанных в ст. 1, 21 и др. Закона о прокуратуре, а также соответствием издаваемых ими актов требованиям Конституции РФ и законов, действующих на территории страны. Таким образом, для этого уровня характерно сужение ее содержания с учетом общей роли и места прокуратуры в обеспечении законности.

Наконец, последний, отраслевой, или специальный, уровень представляет собой специализацию общей прокурорско-надзорной деятельности применительно к отдельным сферам общественной и государственной жизни исключительно прокурорским надзором. В этом случае происходит еще большее ее сужение с учетом требований действующего законодательства, регулирующего прокурорский надзор в отдельных отраслях. Конкретное содержание обеспечения законности на этом уровне специфично для каждой отрасли прокурорского надзора и варьируется в зависимости от роли поднадзорных лиц в регулировании общественных отношений, а также от общих особенностей правового регулирования общественных отношений в данной сфере публичной жизни. Для более точного определения содержания законности применительно к деятельности прокура-

туры (на общепрокурорском и специальном уровнях) в литературе единый прокурорский надзор принято разграничивать на отдельные отрасли.

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «УСТАНОВЛЕНИЕ» И «УДОСТОВЕРЕНИЕ» ЛИЧНОСТИ ПОДСУДИМОГО

DOI 10.17223/9785751123871/17

А.А. Гавриленко

Неустановление личности (персоны) подсудимого, бесспорно, оценивается судом как существенное нарушение уголовно-процессуального закона¹. Полагаем, что личность подсудимого, в том числе его анкетные данные, должны надлежащим образом изучаться в стадии предварительного расследования, без чего эта стадия не может считаться завершенной.

В свою очередь, приговор суда касается определенной личности, поэтому она – эта личность – должна найти в нем свое индивидуально-конкретное выражение, включая достоверные персонаграфические данные².

В качестве примера недостаточного внимания органов предварительного расследования и суда к установлению и изучению личности обвиняемого может являться следующее дело.

Согласно протоколу опознания, потерпевший М. по фотографии опознал гражданина, как видно из справки, это Патиев М.А. Характеристики, сведения о судимости следователем запрошены в отношении Патиева М.А.

22 января 2002 г. по подозрению в совершении преступления задержан Тумгоев А.Д. В этот же день следователем СО при Октябрьском РОВД г. Иркутска вынесено постановление об изъятии отпечатков пальцев рук Тумгоева А.Д., которые были отобраны 17 янва-

---

¹ См.: Постановление Президиума Московского городского суда от 28 августа 2009 г. по делу № 44у-264/09.

² Гуськова А.П. Теоретические и практические аспекты установления данных о личности обвиняемого в российском уголовном судопроизводстве: учеб. пособие. М.: Юрист, 2002. С. 117.

ря 2002 г.; при этом фамилия лица, у которого отобраны отпечатки пальцев, указана – Тангуев (Патиев) А. Согласно справке о судимости отпечатки пальцев принадлежат Патиеву М.А., 23 августа 1973 г. рождения, уроженцу г. Орджоникидзе Северо-Осетинской АССР.

При допросе 22 января 2002 г. в качестве подозреваемого Тумгоева А.Д. последний пояснил, что паспорт он получал в 1990 г. Согласно фотокопии заявления по форме № 1, приобщенной адвокатом к надзорной жалобе, 3 апреля 1990 г. получал паспорт Патиев М.А., а Тумгоевым А.Д. паспорт получен 22 сентября 1992 г., что усматривается из ксерокопии заявления формы № 1.

При предъявлении обвинения 2 августа 2002 г. в качестве обвиняемого допрошен Тумгоев А.Д. – Патиев М.А. Судом приговор постановлен в отношении Тумгоева А.Д.

На основании этих обстоятельств Президиумом Иркутского областного суда был сделан вывод о том, что судом первой инстанции допущены нарушения ст. 73 УПК РФ, влекущие отмену приговора, так как ни органами предварительного расследования, ни судом не установлена личность подсудимого¹.

В приведенном выше примере из практики Иркутского областного суда имеется ссылка на ст. 73 УПК РФ, которая, по мнению этого органа, требует установления данных о личности подсудимого. Но с этим нельзя согласиться, так как в ст. 73 УПК РФ нет непосредственного указания на необходимость установления личности обвиняемого (подсудимого), а только обстоятельств, ее характеризующих (п. 3 ч. 1 данной статьи). Таким образом, УПК РФ нигде не говорит о необходимости установления личности (персоны) обвиняемого (подсудимого), кроме ст. 265 УПК РФ, относя этот вопрос на усмотрение суда.

Обратим внимание на содержание ч. 1 ст. 265 УПК РФ. Фактически суд, видимо, не только проверяет результаты работы органов предварительного расследования по установлению личности обвиняемого, но и сам принимает меры по ее установлению. Думается, выявление факта неустановления личности подсудимого, по смыслу положений ч. 1 ст. 265 УПК РФ, является основанием для возвраще-

---

¹ Нарушение требований ст. 73 УПК РФ, связанных с неустановлением данных о личности осужденного, повлекли отмену приговора. См.: Постановление суда надзорной инстанции Иркутского областного суда // Архив Иркутского областного суда за 2007 г.

ния дела прокурору по п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ. Согласно п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 марта 2004 г. № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» судья вправе возвратить дело прокурору в целях устранения нарушений уголовно-процессуального закона, исключающих возможность постановления законного, обоснованного и справедливого приговора, если это не связано с восполнением неполноты дознания или предварительного следствия¹.

Существующая судебная практика также подтверждает такой вывод. Например, в соответствии с материалами уголовного дела обвиняемый О. представился по имени своего брата-близнеца А., предъявив его паспорт. Сомнений у следователя в отношении данной информации не возникало, так как она подтверждалась в ходе предварительного расследования содержанием протоколов допросов свидетелей, что фактически привело к тому, что в материалах дела фигурировало другое лицо. В качестве меры пресечения была выбрана подписка о невыезде и надлежащем поведении. В процессе проведения предварительного расследования обвиняемый О. всегда являлся по первому вызову следователя. В качестве единственного документа, удостоверяющего личность О., была использована копия формы №-1 П в отношении А., при этом в ходе допроса О. сообщил о себе информацию, соответствующую содержанию этого документа, что, по мнению следователя, оказалось достаточным для установления личности обвиняемого. Затем уголовное дело было направлено в суд, и обвиняемого А., фигурировавшего в материалах дела, вызвали на судебное заседание. О. в этот период времени был вынужден уехать в командировку, повестка была получена А., что и выяснилось при выполнении судьей требований ст. 265 УПК РФ. Данные обстоятельства явились основанием для направления дела прокурору в порядке, предусмотренном ст. 237 УПК РФ, а личность О. была установлена посредством допроса свидетелей (соседей и родственников), получения образцов почерка и проведения почерковедческой экспертизы в отношении О. и А., а также прове-

---

¹ О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.03.2004 № 1 // Бюл. Верховного Суда РФ. 2004. № 5.

дения такого следственного действия, как предъявление для опознания¹.

Сделанный вывод подтверждается и аналогичной практикой применения названных положений УПК РФ, существующей в иных регионах. Например, предметом рассмотрения Президиума Нижегородского областного суда стало уголовное дело, по которому в ходе предварительного расследования и судебного заседания личность Р.Б.В. устанавливалась на основании копии формы № 1 П паспортно-визовой службы.

Допрошенный в качестве свидетеля Р.К.М. показал, что при задержании и первоначальных объяснениях он назвался именем своего двоюродного брата – Р.Б.В., поскольку своего паспорта у него не было, и он опасался депортации с территории РФ. В ходе расследования уголовного дела, а также в суде он всегда назывался именем Р.Б.В. Допрошенная в качестве свидетеля старший следователь СО при Горьковском ЛУВДТ Н.Т.П. показала, что она проводила предварительное следствие по уголовному делу № <...> по обвинению Р.Б.В. и С.С.С. В ходе допроса Р.Б.В. последний сообщил, что паспорт им утрачен при неизвестных обстоятельствах, в связи с чем в качестве документа, удостоверяющего личность Р.Б.В., к материалам уголовного дела была приобщена копия формы №-1П на Р.Б.В., представленная сотрудниками ЛОВД на ст. Горький-Сортировочный. В ходе допроса Р.Б.В. сообщил о себе данные, которые соответствовали данным, указанным в форме №-1П. При предъявлении лица для опознания по фотографии Н.Т.П. опознала Р.К.М., <...> 1979 г. рождения, как лицо, которое в ходе предварительного следствия представлялось Р.Б.В., <...> 1981 г. рождения.

Данные обстоятельства стали основанием для отмены приговора районного суда, а уголовное дело возвращено прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ ввиду допущенного существенного нарушения закона, не устранимого в судебном производстве и исключающего возможность постановления судом приговора или вынесения иного законного решения².

---

¹ Уголовное дело № 1-232-2009 // Архив Усольского городского суда Иркутской области.

² Постановление президиума Нижегородского областного суда от 02.03.2011 по делу № 44-у-30/2011 // http://oblsud.nnov.sudrf.ru/modules.php?name=bsr&op=show_text&srvcnum=2&id=52400001103091634482811000408993.

Тогда возникает вопрос: а насколько суд должен удостовериться в личности обвиняемого или его задача представляется иной? Если обратиться к толковому словарю, «установить» означает «доказать, выяснить, обнаружить», а «удостоверить» – «убедиться на основании каких-нибудь несомненных данных, доказательств»¹. Таким образом, «установление» является понятием более широким, нежели «удостоверение».

Но по смыслу ч. 1 ст. 265 УПК РФ и необходимо говорить о проверке анкетных данных о личности, которые представлены органом предварительного следствия или дознания в целях подтверждения личности обвиняемого. В связи с чем полагаем, исходя из содержания ст. 265 УПК РФ, целесообразно говорить не об установлении, а об удостоверении личности подсудимого, ведь суд лишь проверяет данные о личности обвиняемого, которые представлены преимущественно стороной обвинения².

Помимо этого, обратим внимание на то обстоятельство, что механизм установления личности судом никак не регламентирован, что позволяет отдельным авторам выступать с весьма сомнительными предложениями о побуждении подсудимых судом к получению документов, удостоверяющих личность³.

По нашему мнению, суд должен быть освобожден от деятельности по установлению личности (персоны) подсудимого, поэтому при наличии сомнений в личности подсудимого в соответствии со ст. 237 УПК РФ необходимо возвращать дело прокурору.

Поэтому полагаем возможным ст. 265 УПК РФ именовать как «Удостоверение личности подсудимого, установление данных о личности подсудимого и своевременности вручения ему копии обвинительного заключения или обвинительного акта».

Часть 1 ст. 265 УПК РФ предлагаем изложить в следующей редакции: «Председательствующий удостоверяется в личности подсуд-

---

¹ Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 1999. С. 827, 841.

² Установление личности имеет не только процессуальное, но и криминалистическое значение. См.: *Поврезнюк Г.И.* Криминалистические методы и средства установления личности в процессе расследования преступлений: по материалам стран СНГ. М.: Юрлитинформ, 2005. С. 38.

³ См.: *Смирнов А.В., Калиновский К.Б.* Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под общ. ред. А.В. Смирнова. 5-е изд. М.: Проспект, 2012; Комментарий к статье 265 УПК РФ [Электронный ресурс]. Доступ через СПС «КонсультантПлюс».

димого, проверяя наличие соответствующих документов и выясняя его фамилию, имя, отчество, год, месяц, день и место рождения, выясняет, владеет ли он языком, на котором ведется уголовное судопроизводство, место жительства подсудимого, место работы, род занятий, образование, семейное положение и другие данные, касающиеся его личности»¹.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРИМЕНЕНИЯ СТ. 285 УПК РФ В ОСОБОМ ПОРЯДКЕ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА, ПРЕДУСМОТРЕННОГО ГЛ. 40 УПК РФ

DOI 10.17223 9785751123871/18

А.В. Гелбутовский

Принятый в 2001 г. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ), закрепил в гл. 40 новый для российского уголовного процесса институт – особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (далее – особый порядок).

Указанный особый порядок, исходя из классификации, предложенной Т.В. Трубниковой² (в зависимости от степени сложности процессуальных форм процессуальные производства подразделяются на обычные, упрощенные производства и производства с более сложными процессуальными формами), можно отнести к числу упрощенных производств. Хотя на протяжении становления и развития Российского государства в уголовном процессе существовали разные упрощенные порядки судебного разбирательства при признании обвиняемым своей вины: в том виде, в каком особый порядок закреплён в гл. 40 УПК РФ, данный институт представлен впервые.

Вместе с тем следует отметить, что в настоящее время особый порядок набирает всё большую популярность. Так, например, в первом полугодии 2014 г. на территории Томской области в судах общей

---

¹ Отметим, что и в ч. 2 ст. 278 речь также должна идти об удостоверении личности свидетеля (как в ст. 278.1 УПК РФ).

² Трубникова Т.В. Теоретические основы упрощенных судебных производств. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. С. 90.

юрисдикции в особом порядке рассмотрено 67,2 % от общего числа дел. Для сравнения стоит отметить, что в первом полугодии 2013 г. в особом порядке было рассмотрено 59,8 %, в первом полугодии 2012 г. – 50,9 %. Одной из причин популярности особого порядка уголовного судопроизводства, предусмотренного гл. 40 УПК РФ, является значительное упрощение судебной деятельности при рассмотрении уголовного дела. В частности, судья не проводит в общем порядке исследование и оценку доказательств, собранных по уголовному делу.

Между тем, несмотря на то, что рассмотрение дела в особом порядке отличается от традиционного способа судебного разбирательства, не стоит забывать о распространении на особый порядок в полной мере общих положений уголовного судопроизводства, в частности, его назначения уголовного судопроизводства.

Напомним, ст. 6 УПК РФ к назначению уголовного судопроизводства относит в том числе назначение виновным справедливого наказания, под которым в уголовном законодательстве понимается соответствие наказания характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного (ст. 6 УК РФ).

Одновременно следует согласиться с тем, что вынесенный приговор не может считаться справедливым, если наказание осужденному назначено без учета характеристики личности осужденного, а также смягчающих и отягчающих обстоятельств, которые, в свою очередь, могут относиться как к обстоятельствам совершения преступления (например, совершение преступления в результате физического или психического принуждения), так и личности виновного.

Вместе с тем в настоящее время в судебной практике возникают вопросы с определением пределов исследования доказательств при установлении обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание, а также характеристики личности, поскольку действующий УПК РФ прямо не закрепляет порядок исследования этих обстоятельств.

Однако является очевидным, чтобы применить при вынесении приговора пункт «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ, а именно, признать действия подсудимого на предварительном следствии или дознании активно способствующими раскрытию и расследованию преступления, изблечения других соучастников преступления, недостаточно просто сослаться на обвинительное заключение.

Согласно ст. 240 УПК РФ в судебном разбирательстве все доказательства по уголовному делу подлежат непосредственному исследо-

дованию за исключением случаев, предусмотренных разделом X УПК РФ. Вместе с тем ч. 5 ст. 316 УПК РФ запрещает в особом порядке исследование и оценку доказательств, собранных по уголовному делу. При этом могут быть исследованы обстоятельства, характеризующие личность подсудимого, а также обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание.

Анализ приведенной выше нормы позволяет сделать вывод о том, что законодатель ограничивает действие принципа непосредственности лишь при исследовании доказательств, относящихся к событию преступления, виновности лица в совершении преступления (в том числе формы его вины и мотивов), характеру и размеру вреда, причиненного преступлением, обстоятельствам, подтверждающим, что имущество, подлежащее конфискации, добыто преступным путем.

Как следствие, можно сделать вывод, что уголовно-процессуальный закон позволяет для целей характеристики личности и установления смягчающих и отягчающих обстоятельства изучать материалы уголовного дела.

Возвращаясь к нашему примеру, подытожим, что для применения пункта «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ необходимо исследовать протоколы следственных действий (протоколы выемки, допросов обвиняемого, проверки показаний на месте подозреваемого (обвиняемого)), а также иные документы (расписки потерпевшего о возвращении похищенного имущества, объяснения подозреваемых (обвиняемых)). Однако возникает логический вопрос, каким образом необходимо исследовать указанные материалы, не нарушив пределы, установленные гл. 40 УПК РФ, а именно запрет на исследование и оценку доказательств.

Думается, для выхода из сложившейся ситуации необходимо применять положения ст. 285 УПК РФ.

Напомним, что в силу ч. 1 ст. 285 УПК РФ протоколы следственных действий, заключение эксперта, данное в ходе предварительного расследования, а также документы, приобщенные к уголовному делу или представленные в судебном заседании, могут быть на основании определения или постановления суда оглашены полностью или частично, если в них изложены или удостоверены обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела.

Оглашая вышеуказанные протоколы следственных действий в части, относящейся к характеристике личности, а также к обстоятельствам, смягчающим и отягчающим наказание, государственный обвинитель не нарушит условия ч. 5 ст. 316 УПК РФ, поскольку

фактически в судебном заседании не будут исследоваться обстоятельства, относящиеся к виновности подсудимого и иным фактическим обстоятельствам совершения преступления.

Не стоит забывать и о том, что действия ст. 285 УПК РФ не распространяются на оглашение показаний свидетелей и потерпевших. В данном случае необходимо руководствоваться положениями ст. 281 УПК РФ, а именно, оглашение ранее данных показаний свидетелей или потерпевших возможно лишь при неявке последних, если они надлежащим образом уведомлены. При этом оглашению показания свидетелей также подлежат лишь в части, относящейся к характеристике личности, а также к отягчающим и смягчающим наказанию обстоятельствам.

Стоит отметить, что применение ст. 285 УПК РФ справедливо не только при исследовании обстоятельств, характеризующих личность, а также смягчающих и отягчающих наказание, но и при решении вопроса о прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям.

Напомним, что в соответствии с п. 12 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 05 декабря 2006 г. № 60¹ гл. 40 УПК РФ не содержит норм, запрещающих принимать по делу, рассматриваемому в особом порядке, иные, кроме обвинительного приговора, судебные решения, в частности, содеянное обвиняемым может быть переqualифицировано, а само уголовное дело прекращено (например, в связи с истечением сроков давности, изменением уголовного закона, примирением с потерпевшим, амнистией, отказом государственного обвинителя от обвинения и т.д.), если для этого не требуется исследования собранных по делу доказательств и фактические обстоятельства при этом не изменяются.

Рассмотрим на примере прекращения уголовного дела по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ст. 228 УК РФ. Так, согласно примечанию 1 к указанной статье лицо освобождается от уголовной ответственности, если добровольно сдало наркотические средства, а также активно способствовало раскрытию или пресечению преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств.

---

¹ О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.12.2006 № 60. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Таким образом, для решения вопроса о прекращении уголовного дела, рассматриваемого в особом порядке, по указанному примечанию необходимо установить обстоятельства добровольной выдачи подсудимым наркотических средств, а также обстоятельства его способствования раскрытию преступления, а именно: протокол явки с повинной, объяснения подсудимого, данные им до возбуждения уголовного дела, протоколы выемки, протоколы допросов подозреваемого (обвиняемого) и протоколы иных следственных действий.

Как и в первом примере, соблности запрет на исследование доказательств поможет применение ст. 285 УПК РФ, поскольку в указанном случае протоколы следственных действий и иные документы будут исследоваться не как доказательства по делу, а как материалы, подтверждающие обстоятельства освобождения от уголовной ответственности.

В заключение можно отметить, что изложенная выше практика применения ст. 285 УПК РФ при исследовании в особом порядке материалов уголовного дела отвечает не только принципу непосредственности судебного разбирательства, но и одновременно позволяет решать возникающие вопросы по вынесению законных, обоснованных и справедливых приговоров.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СЛЕДОВАТЕЛЮ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

DOI 10.17223 9785751123871/19

Ю.В. Денисенко

Вопросы представления и использования результатов либо реализации материалов оперативно-розыскной деятельности¹ практически постоянно находятся в центре внимания учёных и практиков².

---

¹ Далее – ОРД.

² Только за последние два года непосредственно к обозначенной теме обращались декан юридического факультета Приволжского филиала РАП А.Ю. Введенский, профессор Академии управления МВД России П.И. Иванов, адвокат-аспирант Бурятского госуни-

Связано это с тем, что рассматриваемые проблемы возникают на стыке двух видов деятельности – процессуальной и оперативно-розыскной¹, что неизбежно влечёт противопоставление интересов следователя и оперативного работника. Первый, как правило, старается выжать из ситуации максимум, перекладывая массу рутинной работы (получение признательных показаний потенциального подозреваемого лица, допросы очевидцев-свидетелей, экспертные исследования-экспертизы, сбор дополнительных косвенных доказательств и т.д.) на оперуполномоченного до момента официального приёма-передачи материалов, тем самым облегчая себе жизнь после возбуждения уголовного дела. В значительной степени такой подход обусловлен тем, что сотрудники оперативных подразделений после передачи результатов ОРД следователю и возбуждения уголовного дела, как правило, самоустраиваются от активной оперативно-розыскной деятельности по раскрытию преступления.

Второй участник правоотношения, возникающего при представлении результатов ОРД, оперуполномоченный, руководствуясь требованиями того же УПК РФ², ФЗ об ОРД³, других законов⁴ и подзаконных правовых актов⁵, стремится как можно быстрее избавиться от собранного при проведении ОРМ материала и желательно с достижением цели по делу оперативного учёта. При этом для оперуполномоченного раскрытие преступления, исходя из требова-

---

верситета О.В. Викулов, старший преподаватель кафедры организации оперативной работы ВЮИ ФСИН России Л.Е. Щетнёв. В рамках общих проблем уголовного судопроизводства этим вопросам уделяли внимание советник Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор А.В. Смирнов, профессор Российского университета дружбы народов, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ В.Н. Махов и другие авторы.

¹ *Иванов П.И.* Правоотношения, возникающие при использовании результатов оперативно-розыскной деятельности в процессе доказывания / П.И. Иванов // *Оперативник (сыщик)*. 2013. № 3 (36). С. 56.

² Статья 89. Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ.

³ Статья 11. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности Федерального закона от 12.08.1995. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности».

⁴ О полиции: Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] // Информационно-справочная система «Консультант-Плюс». Электрон. дан. [М.]. URL: <http://www.consultant.ru>, свободный. Заглавие с экрана. Яз. рус.

⁵ Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю или в суд: межведомственный приказ от 27.09.2013 МВД РФ № 776, Минобороны РФ № 703, ФСБ РФ № 509, ФСО РФ № 507, ФТС РФ № 1820, СВР РФ № 42, ФСИН РФ № 535, ФСКН РФ № 398, СК РФ № 68, зарегистрированный в Минюсте России 05.12.2013.

ний нормативных правовых актов, регламентирующих ОРД, не является приоритетной или конечной целью¹.

В итоге, как всегда, страдает общий конечный результат – потерпевший в результате преступления имеет лишь 6 % вероятности того, что его права будут реально защищены правоохранительной системой².

В соответствии со ст. 6 УПК РФ в число гарантий обеспечения защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, входит своевременное возбуждение уголовного дела, его расследование, изобличение виновных лиц и привлечение их к ответственности в кратчайшие сроки.

Процессуальные сроки позволяют оптимизировать сам процесс расследования, предупреждая медлительность, волокиту, определяют темпы выполнения следователем процессуальных действий, обеспечивая тем самым максимально быстрое раскрытие преступлений.

Однако превышение разумного срока допускается уже на стадии передачи материалов ОРД. А ведь именно несвоевременное возбуждение уголовного дела ведет к затягиванию сроков доследственного производства, созданию предпосылок для дальнейшей волокиты при производстве расследования.

Приведу пример наглядно демонстрирующий вышесказанное. Так, 9 июня 2014 г. по результатам оперативно-розыскной деятельности Центра по противодействию экстремизму ГУ МВД России по Алтайскому краю³ был составлен и зарегистрирован рапорт об обнаружении признаков преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ (возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства), по факту размещения гражданином Н. в сети Интернет в свободном доступе материалов, направленных на возбуждение международной вражды и ненависти, который на следующий день, в соответствии с Инструкцией о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд⁴, с

---

¹ *Махов В.Н.* О необходимости реформирования начальной стадии российского уголовного процесса // *Оперативник* (сыщик). 2007. № 2 (11). С. 52–53.

² *Смирнов А.* Российский уголовный процесс: от заката до рассвета // http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20141202/272697983.html 16:30 02.12.2014.

³ Далее – ЦПЭ.

⁴ Далее – Инструкция от 27 сентября 2013 г. (Инструкция о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд: приказ от 27 сентября 2013 г. МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ Рос-

приложением необходимых оперативных документов и материалов направлен в СУ СК России по Алтайскому краю¹ для принятия решения в порядке ст. 144–145 УПК РФ.

Однако спустя неделю указанный материал был направлен почтой в СО по ЗАТО Сибирский (примерно 40 км от Барнаула), куда он поступил спустя три недели и был снова зарегистрирован. Далее, уже по требованию прокурора, решение о возбуждении уголовного дела не было принято в связи с отсутствием предварительного опроса подозреваемого в совершении преступления. Спустя ещё 9 дней подозреваемый был опрошен приехавшими оперуполномоченными ЦПЭ, дал признательные показания, от него получена явка с повинной, которая снова зарегистрирована, но уже в ОМВД по Тальменскому району. В ходе опроса гражданин Н. пояснил, что преступление им совершено в общежитии, которое находится на территории Железнодорожного района г. Барнаула. После предоставления указанных материалов в СО СУ СК по ЗАТО Сибирский было принято решение направить материалы в СО по Железнодорожному району г. Барнаула. Через 3 дня данный материал вернулся обратно в СУ СК, откуда спустя ещё 4 дня был направлен в СО СУ СК по Железнодорожному району для принятия решения и через 3 дня был в очередной раз там зарегистрирован. По прошествии 3 дней, в соответствии с УПК РФ, срок проверки был продлен до 10 суток, и 7 августа 2014 г. материал с постановлением о возбуждении уголовного дела был направлен на согласование в прокуратуру Железнодорожного района, где по указанию помощника прокурора продлен до 30 суток для назначения повторной лингвистической экспертизы.

В результате всех вышеописанных, подчеркну, вполне законных, действий различных органов, в конечном итоге уголовное дело по ч. 1 ст. 282 УК РФ было возбуждено спустя 2,5 месяца со дня начала предоставления результатов оперативно-розыскной деятельности следователю. В суд в порядке ст. 222 УПК РФ оно направлено 10 ноября 2014 г. Таким образом, срок расследования преступления оказался равен сроку предоставления результатов оперативно-розыскной деятельности следователю. И это ещё не «рекорд».

сии № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68).

¹Далее – СУ СК.

В уже вышеупомянутом СО СУ СК по ЗАТО Сибирский по другому материалу (по факту распространения экстремистской литературы прихожанами деструктивной религиозной организации в Тальменском районе), собранному в результате ОРД ЦПЭ, процесс предоставления материалов следователю тянулся 8 месяцев.

При очевидности предмета доказывания, необходимого для принятия законного решения, следственным органом 6 раз принимались решения об отказе в возбуждении уголовного дела, из которых первоначальное отменено прокурором, а все последующие – руководителем СО. Дважды прокурором выносились требования с указанием на нарушения разумных сроков судопроизводства, одно из которых в адрес руководителя следственного управления Следственного комитета России по краю.

В среднем по полтора года потребовалось оперативникам для предоставления материалов ОРД следователям СО СУ СК по Индустриальному району г. Барнаула по двум фактам обнаружения экстремистской литературы у членов деструктивной религиозной организации и размещения в сети Интернет ряда видеоматериалов.

Таким образом, очевидно, что на практике возникали ранее и возникают в настоящее время серьезные проблемы осуществления процедуры предоставления результатов ОРД. При этом положения УПК РФ, ФЗ об ОРД, а также Инструкция от 27 сентября 2013 г. не регулируют в полной мере это процесс.

В этой связи предлагается разработать и закрепить на законодательном уровне единый алгоритм возбуждения уголовного дела по представляемым результатам ОРД, который будет понятен оперативным работникам, собирающим материал, следователям, принимающим решения о возбуждении уголовного дела, и надзирающим прокурорам. В частности, предлагается предусмотреть в указанном алгоритме, что при выявлении признаков преступления субъектом ОРД в органы следствия предоставляются материалы ОРД вместе с результатами проведенного лингвистического исследования. В дальнейшем следственным подразделением в кратчайшие сроки назначается проведение лингвистической экспертизы (в том же экспертном учреждении, где было проведено исследование), и по получении заключения эксперта с положительными результатами следователем принимается решение по материалу о возбуждении уголовного дела в порядке ст. 144–145 УПК РФ. Сразу после возбуждения

уголовного дела проводятся обыск, задержание и допрос подозреваемого.

Подобная последовательность действий, на наш взгляд, позволит свести к минимуму случаи изменения показаний основных свидетелей и подозреваемых, уничтожения ими улик, а также позволит в дальнейшем существенно сократить процессуальные сроки расследования преступлений и в конечном итоге повысит вероятность реальной защиты прав потерпевших хотя бы ещё на один процент, что в количественном выражении будет соответствовать десяткам тысяч граждан нашей страны.

К ВОПРОСУ ОБ ОШИБКАХ ПРИМЕНЕНИЯ НОРМ ГЛ. 40.1 УПК РФ (ОБЗОР СЛЕДСТВЕННОЙ И СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ)

DOI 10.17223 9785751123871/20

Н.А. Дудина

Сегодня, наверное, никто не будет спорить с тем, что настоящий УПК РФ далек от совершенства. В нем просматриваются неточные и двусмысленные формулировки, отступление от принципов, декларированных самим УПК РФ, и др. Все вышеуказанные факторы могут способствовать наступлению негативных правовых последствий, а также нарушению прав и свобод отдельных участников процессуальной деятельности.

Анализируя нормы гл. 40.1 УПК РФ, которую законодатель назвал «Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве», нетрудно заметить, что вопреки этому названию, нормы данной главы регулируют не только судебное производство по уголовному делу, но и досудебную его часть, в чем, как нам видится, состоит его отличительная особенность, выражающаяся в наличии института досудебного соглашения. В рамках указанной главы не определены критерии и пределы сотрудничества обвиняемого (подозреваемого) со следствием, что порождает неопределенность по поводу наступления благоприятных последствий для обвиняемого (подозреваемого) в случае успешного сотрудничества. До сих пор не разрешен вопрос, касаю-

щийся ограничения прав потерпевших в процедуре заключения досудебного соглашения о сотрудничестве.

Для того чтобы внести определенные корректировки в законодательство, регулирующее данное производство, необходимо выявить существующие проблемы и ошибки в правоприменительной деятельности.

При изучении следственной и судебной практики разных регионов России было установлено, что практика применения судами норм гл. 40.1 УПК РФ не единообразная.

Хотелось бы привести несколько примеров, которые свидетельствуют о нарушениях применения положений гл. 40.1 УПК РФ или о наличии противоречий в самих нормах указанной главы:

1. Не был соблюден установленный порядок заявления обвиняемым ходатайства о заключении досудебного соглашения¹.

2. Прокурор не вынес представление об особом порядке проведения судебного заседания².

3. Назначение наказания подсудимым, с которыми было заключено досудебное соглашение о сотрудничестве при наличии отягчающих обстоятельств, в соответствии со ст. 62 УК РФ³.

4. Суд разрешил вопрос о правах и обязанностях лица, не привлеченного к участию в деле, без тщательной проверки данных, имеющих значение для дела, тем самым нарушил требования уголовно-процессуального закона⁴.

5. Несогласованность условий между обвиняемым и прокурором в заключенном соглашении о сотрудничестве (отсутствие указания на квалификацию действий виновного, в том числе квалифицированного признака совершение преступлений «организованной групп

---

¹ Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за третий квартал 2010 года. Определение № 66-О10-41. <http://mirsud.tomsk.ru/index.php?act=full&id=15&show=sudprakt>

² Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за третий квартал 2010 года. Определение № 48-О10-70. <http://mirsud.tomsk.ru/index.php?act=full&id=15&show=sudprakt>

³ Обобщение по результатам применения норм главы 40.1 УПК РФ судами Красноярского края в 2010 году и первом полугодии 2011 года // http://kraevoy.krk.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=151; Обобщение по результатам изучения практики применения судами МО норм главы 40.1 УПК за 2010 год и первое полугодие 2011 года. http://www.mosobsud.ru/ss_detale.php?id=143377.

⁴ Нижегородский областной суд. Официальный сайт <http://oblsudnn.ru/index.php/obzory-sudebnoj-praktiki-2/1100-obobshchenie-sudebnoj-praktiki-vozvrashcheniya-ugolovnykh-del-prokuroru-nizhegorodskim-oblastnym-sudom-v-poryadke-st-237-upk-rf-za-2006-god-5>.

пой», что повлекло за собой изменение обвинения на более тяжкое, не предусмотренное досудебным соглашением¹).

6. Постановление приговора незаконным составом суда (рассмотрение судьей уголовного дела в отношении лица по вопросам, взаимосвязанным с обстоятельствами, которые уже исследовались и оценивались тем же судьей в рамках рассмотренного уголовного дела в отношении соучастников преступления², и др.).

Эти и другие не менее важные проблемы требуют скорейшего реформирования, для того чтобы избежать серьезных ошибок в правоприменительной деятельности.

О ПРЕДМЕТНОЙ ПОДСУДНОСТИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ СУДУ ПРИСЯЖНЫХ

DOI 10.17223 9785751123871/21

Н.А. Дудко

Предметная подсудность определяется видом преступления, по которому ведется уголовное судопроизводство. По этому признаку все преступления, предусмотренные УК РФ, распределены между судами различных звеньев. Например, для верховных судов республик в составе РФ, краевых и областных судов, судов городов федерального значения (Москва, Санкт-Петербург, Севастополь), суда автономной области и судов автономных округов УПК РФ содержит исчерпывающий перечень статей УК РФ (ст. 31 ч. 3 п. 1 УПК РФ). Предметная подсудность именно этого звена судебной системы необходима для исследования производства в суде с участием присяжных заседателей.

В проекте раздела 10 УПК РСФСР, разработанном во исполнение Распоряжения Президента РФ от 22 сентября 1992 г. № 530-рп,

---

¹ Обобщение судебной практики по рассмотрению районными (городскими) судами дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (глава 40.1 УПК РФ), причин отмены и изменения судебных решений в апелляционном и кассационном порядке за 1-е полугодие 2014 г. Саратовский областной суд. http://oblsud.sar.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=9880.

² Нижегородский областной суд. Официальный сайт <http://oblsudnn.ru/index.php/obzory-sudebnoj-praktiki-2> / 1100-obobshchenie-sudebnoj-praktiki-vozvrashcheniya-golovnykh-del-prokuroru-nizhegorodskim-oblastnym-sudom-v-poryadke-st-237-upk-rf-za-2006-god-5.

предусматривалось рассмотрение дел с участием присяжных заседателей в районных (городских) народных судах и краевых, областных, городских судах¹. В предметную подсудность районных (городских) народных судов проект включал уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ст. 89, ч. 4, 90, ч. 4, 91, ч. 2, 103, 108, ч. 2, 117, ч. 3, 126-1, 146, ч. 2, 173, ч. 2, 174, ч. 2, 174-1, ч. 2, 211, ч. 3, 218-1, ч. 3, 224, ч. 2, 224-1, ч. 2 УК РСФСР. Эти составы преступлений представляли собой наиболее тяжкие преступления с максимальными санкциями до 15 лет лишения свободы. В предметную подсудность краевых, областных, городских судов по проекту включались уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ст. 77, 87, ч. 2, 88, ч. 2, 93-1, 102, 117, ч. 4, 174, ч. 3, 191-2, 213-2 УК РСФСР. Перечисленные статьи УК РСФСР содержали санкции до 15 лет лишения свободы или смертную казнь (по пяти составам: ст. 77, 102, 117, ч. 4, 191-2, 213-2). Предполагалось, что по ходатайству обвиняемого суд присяжных в краевом, областном, городском суде мог бы рассматривать также дела о преступлениях, подсудных суду присяжных в районном (городском) народном суде.

Федеральный закон РФ от 16 июля 1993 г. «Об изменениях и дополнениях...»² закрепил создание суда присяжных только в краевых, областных, городских судах и определил их предметную подсудность более широко, чем в проекте. Статья 421 раздела 10 «Производство в суде присяжных», введенного Законом от 16 июля 1993 г., установила: суд присяжных в краевом, областном, городском суде рассматривает дела о преступлениях, перечисленных в ст. 36 УПК РСФСР. Соответственно ст. 36 УПК РСФСР содержала перечень, включающий 61 состав преступлений (по проекту предлагалось всего 9 составов).

Наряду со ст. 421 УПК РСФСР в период с 1 января 1997 г. по 1 июля 2002 г. действовала ч. 3 ст. 15 УПК РСФСР, в соответствии с которой предметную подсудность суда присяжных составляли только 19 составов преступлений: преступления с максимальным нака-

---

¹ Предложения по дополнению Закона о судостроительстве РСФСР и УПК РСФСР // Советская юстиция. 1993. № 1. С. 20–30.

² Федеральный закон РФ от 16.07.1993 № 5451-1 «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 33. Ст. 1313.

занием в виде лишения свободы на срок свыше 15 лет, пожизненно-го лишения свободы или смертной казни.

Еще более узкий перечень преступлений содержит ст. 20 Конституции Российской Федерации: особо тяжкие преступления против жизни, за которые предусмотрена исключительная мера наказания – смертная казнь. С такой характеристикой в УК РФ всего 5 составов преступлений: ст. 105 ч. 2, ст. 277, 295, 317, 357.

В ходе обсуждения проектов УПК РФ многие процессуалисты предлагали определить предметную подсудность суда присяжных в рамках ст. 20 Конституции РФ (С.И. Добровольская¹, В. Степалин², А.П. Шурыгин³, С.В. Марасанова⁴, В.В. Мельник⁵). Были и противоположные предложения – не сокращать подсудность дел суду присяжных. Особого внимания заслуживает мнение П.А. Лупинской: «За что бы я высказалась совершенно категорически – это за сохранение той подсудности, которая сегодня определена судам присяжных. Сокращение его подсудности – два шага назад...»⁶.

По УПК РФ к предметной подсудности суда присяжных относятся уголовные дела о преступлениях, указанных в п. 1 ч. 3 ст. 31 УПК РФ, т.е. дела, подсудные Верховному суду республики, краевому или областному суду, суду города федерального значения, суду автономной области и суду автономного округа (п. 2 ч. 2 ст. 30 УПК РФ).

В перечень п. 1 ч. 3 ст. 31 УПК РФ в редакции ФЗ от 18.12.2001 было включено 77 составов преступлений, в том числе 5 составов с санкцией, предусматривающей лишение свободы до 20 лет, а также пожизненное лишение свободы, смертную казнь.

За прошедшие годы (с 2002 по 2014 г.) перечень уголовных дел, подсудных суду присяжных, изменялся семнадцать раз. До 1 января 2013 г. этот перечень содержал 79 составов преступлений. По дейст-

---

¹ Добровольская С.И. Суд присяжных – актуальные проблемы организации и деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995. С. 24.

² Степалин В. Судебный марафон с препятствиями // Рос. юстиция. 1998. №3. С. 9.

³ Шурыгин А.П. За пять лет суд присяжных дошел до девяти регионов // Рос. юстиция. 1998. № 12. С. 5–7.

⁴ Марасанова С.В. Суд присяжных состоялся // Рос. юстиция. 1998. № 12. С. 8.

⁵ Мельник В.В. Искусство доказывания в состязательном уголовном процессе. М., 2000. С. 54.

⁶ Не время революции, но время судебной реформы // Рос. юстиция. 1995. № 5. С. 5.

вующей редакции ФЗ от 05.05.2014 г.¹ (вступил в силу с 1 января 2015 г.) в перечне только 30 составов. Сокращение предметной подсудности суду присяжных произошло по нескольким причинам. Уголовные дела о преступлениях, подсудных до этого суду присяжных, были либо переданы на обязательное рассмотрение судом в составе коллегии из трех судей федерального суда общей юрисдикции; либо включены в подсудность районных судов; либо включены в подсудность Московского окружного военного суда и Северо-Кавказского окружного военного суда.

Считаем, что значительное сокращение подсудности уголовных дел суду присяжных было необоснованным. Прежде всего, это касается уголовных дел о преступлениях, отнесенных к подсудности районных судов.

В пояснительной записке² к проекту Федерального закона № 433-ФЗ³ от 29.12.2010 указано следующее: «В связи с тем, что увеличение штатной численности судей Верховного Суда Российской Федерации не предполагается, в законопроекте в целях нормального функционирования апелляционной инстанции в Верховном Суде Российской Федерации предполагается сократить количество уголовных дел, подсудных верховным судам республик, краевым, областным и равным им судам, посредством передачи этих дел в юрисдикцию районных, гарнизонных (военных) судов». Вряд ли аргумент о штатной численности Верховного Суда РФ может быть обоснованием изменения предметной подсудности краевых (областных) и районных судов.

Вопрос о необходимости возвращения «прежних полномочий суду присяжных» был обсужден на встрече Президента РФ с членами Совета по развитию гражданского общества и правам человека, уполномоченными по правам человека, по правам ребенка и по за-

---

¹ Федеральный закон от 05.05.2014 № 130-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 19. Ст. 2335.

² Пояснительная записка к проекту Федерального закона 402468-5 «О внесении изменений в УПК РФ и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) РФ» // Сайт Государственной думы РФ. URL: <http://www.duma.gov.ru>

³ Федеральный закон от 29.12.2010 № 433-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 45.

щите прав предпринимателей, состоявшейся 5 декабря 2014 г.¹ В результате 20 января 2015 г. Президент РФ подписал перечень поручений по итогам встречи², в которых рекомендовано «Верховному Суду Российской Федерации совместно с Правительством Российской Федерации, Администрацией Президента Российской Федерации, Генеральной прокуратурой Российской Федерации и Советом при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека подготовить предложения о расширении применения института присяжных заседателей» до 30 марта 2015 г.

В целях выполнения поручений Президента РФ Верховный Суд Российской Федерации совместно с Российским государственным университетом правосудия провел 19 февраля 2015 г. круглый стол на тему «Перспективы реформирования суда присяжных в Российской Федерации», в ходе которого были рассмотрены вопросы совершенствования подходов в реализации положений ч. 5 ст. 32 Конституции Российской Федерации о праве граждан Российской Федерации на участие в отправлении правосудия³. Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека также планирует в марте проведение заседаний для выработки предложений о расширении применения института присяжных⁴.

Это дает основание предположить, что в ближайшее время в УПК РФ будут внесены изменения по расширению предметной подсудности суда присяжных, что усилит гарантии реализации конституционного права обвиняемого на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей.

---

¹ Стенограмма встречи Президента РФ с федеральными и региональными омбудсменами // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://news.kremlin.ru>

² Перечень поручений по итогам встречи с членами Совета при Президенте по развитию гражданского общества и правам человека, уполномоченными по правам человека, по правам ребёнка и по защите прав предпринимателей // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://news.kremlin.ru>

³ Сайт Верховного Суда РФ. URL: <http://www.vsrif.ru>

⁴ Сайт РИА «Новости». URL: <http://ria.ru/society/20150219/1048672318.html>

ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ПОЛИГРАФА В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ДОКАЗЫВАНИИ

DOI 10.17223 9785751123871/22

А.Г. Калугин

Психофизиологические исследования с применением полиграфа за многолетнюю практику использования в деятельности правоохранительных органов Российской Федерации прочно вошли в арсенал методов и средств, используемых при выявлении, раскрытии и расследовании преступлений различной подследственности, в том числе совершаемых организованными преступными группами и преступными сообществами.

Первоначально применение полиграфа в борьбе с преступностью в нашей стране осуществлялось в рамках оперативно-розыскной деятельности. Использование полиграфа при осуществлении оперативно-розыскного мероприятия «Опрос» показало свою эффективность при выборе направления расследования в случае дефицита ориентирующей информации и при оценке ее надежности; при построении системы следственных версий, для работы по выявлению новых эпизодов преступной деятельности, новых источников доказательственной информации.

Вслед за этим постепенно сложилась практика использования метода психофизиологического исследования с применением полиграфа и в уголовно-процессуальной деятельности. Сразу следует оговориться, что применение полиграфа в качестве технического средства при производстве следственных действий, в частности допроса, принципиально противоречит уголовно-процессуальному порядку. Методика опроса на полиграфе предусматривает постановку формализованных вопросов, рассчитанных на односложный ответ (да/нет), тогда как процедура допроса предполагает свободный рассказ допрашиваемого об известных ему обстоятельствах дела и развернутые ответы на вопросы следователя. Процессуальный порядок допроса предусматривает участие защитника, законного представителя несовершеннолетнего, переводчика и т.д., тогда как при опросе на полиграфе активное участие иных лиц нежелательно, по-

скольку может исказить картину психофизиологических реакций на задаваемые вопросы, хотя их присутствие (например, защитника) наряду с видеозаписью опроса с точки зрения закона допустимо и в экспертной практике применяется повсеместно.

Наиболее приемлемой с нашей точки зрения формой применения полиграфа в следственной практике является его использование при проведении психофизиологической экспертизы.

В ряде регионов России отсутствие практики назначения, проведения и применения результатов экспертиз данного вида основывается на позиции судов и прокуратуры, которые ссылаются на Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 4 октября 2012 г. № 34-О12-12 (далее – Кассационное определение № 34-О12-12), которым результаты психофизиологических исследований по одному из уголовных дел об убийстве были исключены из перечня доказательств виновности подсудимых, а также на Обзор кассационной практики судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за второе полугодие 2012 г. (далее – Обзор), в котором указанное выше кассационное определение приводится в качестве примера¹.

Кассационное определение № 34-О12-12 вынесено по жалобе осужденных на несправедливый, по их мнению, приговор суда, назначившего им чрезмерно жесткое наказание за убийство. Верховный Суд Российской Федерации не усмотрел нарушений при квалификации действий подсудимых, счел назначенное им наказание справедливым, однако первым пунктом резолютивной части определил изменить обжалуемый приговор, исключив ссылку суда на использование заключений психофизиологических экспертиз в отношении подсудимых в качестве доказательств. В описательной части кассационного определения принятое решение объясняется несоответствием психофизиологических исследований показаний обвиняемых в ходе предварительного следствия требованиям, предъявляемым к экспертным заключениям. В чем именно проявляется данное несоответствие – не указано. Вместе с тем, судя по приведенным в тексте определения доводам кассационной жалобы, речь идет о несоответствии именно заключения специалиста

---

¹ Обзор кассационной практики судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за второе полугодие 2012 года: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 03.04.2013; Определение Верховного Суда РФ от 04.10.2012 № 34-О12-12 // СПС «КонсультантПлюс».

полиграфолога требованиям уголовно-процессуального закона, т.е. либо о несоблюдении процессуальной формы заключения, либо о нарушении методики исследования.

Однако в п. 5.2.1. Обзора содержится прямое утверждение: «Согласно уголовно-процессуальному закону психофизиологические исследования не являются доказательствами». В качестве обоснования данного утверждения приведена ссылка на указанное выше Кассационное определение № 34-О12-12, которая произвольно расширена и распространена на все заключения психофизиологических экспертиз: «Судебная коллегия указала, что такие заключения не соответствуют требованиям, предъявляемым уголовно-процессуальным законом к заключениям экспертов, и такого рода исследования, имеющие своей целью выработку и проверку следственных версий, не относятся к доказательствам согласно ст. 74 УПК РФ».

К сожалению, эта формулировка стала «тиражироваться» и дословно воспроизведена в кассационных определениях Верховного Суда РФ от 19.03.2013 № 49-О13-12, от 28.06.2012 № 44-О12-48, в апелляционном определении от 23.09.2013 № 5-АПУ13-49СП¹.

Примечательно, что во всех перечисленных случаях психофизиологические исследования либо проводились, либо обвиняемые заявляли ходатайство об их проведении в целях проверки на достоверность показаний, подтверждающих доводы защиты, однако суды первой инстанции отказывались исследовать их результаты в качестве доказательств.

В этой связи необходимо обратить внимание, что требованиям допустимости доказательств может соответствовать только заключение психофизиологической экспертизы, назначенной уполномоченным законом субъектом (следователем, дознавателем, судом) в порядке, установленном ст. 195 УПК РФ. Соответственно не может рассматриваться в качестве доказательства заключение специалиста, проводившего психофизиологическое исследование по поручению защитника, а равно результаты психофизиологического исследования с применением полиграфа, проведенного в рамках оперативно-розыскных мероприятий.

Анализ Апелляционного определения Верховного Суда РФ от 30.10.2013 № 41-АПУ13-47СП указывает на то, что отказ суда исследовать в качестве доказательства результаты психофизиологиче-

---

¹ СПС «КонсультантПлюс».

ского исследования, выполненного с применением полиграфа, связан с несоблюдением процессуальной формы получения и исследования доказательств. В частности, по делу действительно проводилось исследование, но не экспертиза, назначенная следователем в порядке, установленном ст. 195 УПК РФ. В связи с этим результаты такого исследования судом первой инстанции не исследовались, причем сама сторона защиты и не заявляла ходатайств об их исследовании.

В соответствии с частью первой ст. 74 УПК РФ доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном УПК РФ, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Частью второй указанной нормы к доказательствам отнесены заключение и показания эксперта, а также заключение и показания специалиста.

В соответствии со ст. 88 УПК РФ каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности – достаточности для разрешения уголовного дела.

Если целью психофизиологической экспертизы является проверка достоверности показаний подозреваемого (обвиняемого), свидетелей и других участников процесса в целях установления истинных обстоятельств совершения преступления, выводы эксперта могут рассматриваться как отвечающие требованиям относимости. Заключение экспертизы, назначенной уполномоченным на то субъектом, проведенной лицом, обладающим специальными познаниями, с соблюдением требований уголовно-процессуального закона, в выводах которой содержатся конкретные ответы на поставленные вопросы, может соответствовать требованиям допустимости.

Согласно п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 марта 2004 г. № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» суды при решении вопроса о том, является ли доказательство по уголовному делу недопустимым по основаниям, указанным в п. 3 ч. 2 ст. 75 УПК РФ, должны в каждом случае выяснять, в чем конкретно выразилось допущенное нарушение.

Заключение эксперта соответствует требованиям достоверности, если оно основано на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных (ст. 8 Федерального закона № 73-ФЗ от 31 мая 2001 г. «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»).

В Кассационном определении от 06.12.2012 № 88-О12-38 Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отметила, что психофизиологическое исследование показаний свидетеля с использованием полиграфа не имеет доказательственного значения в силу невозможности определения его достоверности¹. Однако проверка и оценка такого вида доказательств, как заключение эксперта, осуществляются следователем и судом традиционными методами, в том числе путем получения показаний или письменного заключения специалиста, назначения повторной экспертизы и т.д.

Таким образом, психофизиологическая экспертиза, при проведении которой в качестве инструментального средства применяется полиграф, ничем не отличается от других видов экспертных исследований, проводимых лицами, имеющими специальные знания в определенной области, и может использоваться в уголовном судопроизводстве наряду с другими доказательствами.

Вместе с тем анализ следственной и судебной практики свидетельствует о том, что следователи не всегда корректно формулируют вопросы эксперту-полиграфологу, а также нередко переоценивают значимость полученных результатов, ссылаясь на них в обвинительных заключениях.

Поэтому необходимо обратить внимание на то, что перед психофизиологическим исследованием, проводимым с применением полиграфа, не следует ставить задач, решить которые оно объективно не может. При помощи полиграфа нельзя напрямую установить факты, входящие в предмет доказывания по уголовному делу согласно ст. 73 УПК РФ, поскольку объектом исследования полиграфолога являются не материальные или идеальные следы преступления, как при осмотре или допросе, не юридически значимые признаки, характеризующие субъект преступления, как при психиатрической экспертизе, а психофизиологические реакции человека на задаваемые ему в конкретный момент и в конкретной обстановке вопросы.

---

¹ СПС «КонсультантПлюс».

В компетенцию специалиста-полиграфолога входят вопросы о том, есть ли основания сомневаться в правдивости показаний, ранее данных испытуемым при допросе, есть ли основания полагать, что испытуемый стремится утаить известную ему информацию относительно обстоятельств, о которых его допрашивали или собираются допросить. Установление же фактических обстоятельств дела, о которых ранее давал показания испытуемый, – задача следователя.

Таким образом, психофизиологическая экспертиза с применением полиграфа – это лишь один из способов проверки на правдивость (достоверность) показаний ранее допрошенного лица, при этом результаты исследования на полиграфе могут оцениваться только в совокупности с другими доказательствами, подтверждающими версию о правдивости либо ложности этих показаний. Следует понимать, что результат такого исследования даже при высокой степени вероятности выводов эксперта может быть использован только как косвенное производное доказательство для проверки и оценки ранее данных показаний, причем только в совокупности с другими доказательствами.

**ИНСТИТУТ ОСОБОГО ПОРЯДКА ПРИНЯТИЯ
СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ ПРИ СОГЛАСИИ
ОБВИНЯЕМОГО С ПРЕДЪЯВЛЕННЫМ
ОБВИНЕНИЕМ И ОБЪЕКТИВНАЯ ИСТИНА**

DOI 10.17223 9785751123871/23

А.Е. Капитонов

Закрепление принципа о высшей ценности человека его прав и свобод в Конституции РФ ставит перед правоприменителем перво-степенную задачу по соблюдению прав личности, в том числе и в уголовном процессе. Как следствие, характер устанавливаемой по уголовному делу истины имеет не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку от него зависят возможность и уровень обеспечения прав и свобод человека и гражданина – участника уголовного судопроизводства, а также авторитет должностных лиц, осуществляющих правосудие.

Следователь, расследуя уголовное дело, постоянно познает юридически значимые факты, обстоятельства, подлежащие доказыванию, посредством установления событий, связанных с этими фактами и обстоятельствами. «Познание представляет собой отражение в сознании человека окружающей его объективной действительности, а истинным знанием является такое, которое правильно отражает эту действительность. Исходя из общей посылки о познаваемости мира, считается возможным достижение истины в любой области человеческого знания»¹.

Объективная истина в уголовном процессе – «это полное и точное соответствие объективной действительности выводов следствия и суда об обстоятельствах расследуемого и разрешаемого дела, о виновности или невиновности привлеченных к уголовной ответственности лиц»². Установить по расследуемому или разрешаемому уголовному делу объективную истину – значит признать, что выводы следственных, прокурорских и судебных органов по подлежащим выяснению по существу дела вопросам в полном объеме отвечают действительности. По справедливому утверждению С.Э. Воронина, объективная истина по делу – «это не просто теоретическая абстракция, а вполне определенный ориентир, которым должен руководствоваться следователь или судья в своей поисково-познавательной деятельности, в том числе и при решении следственных ситуаций»³.

При этом проблема достижения следователем объективной истины продолжает оставаться актуальной. «Можно не использовать эту категорию при формулировании уголовного процесса, можно вообще ее не включать в текст уголовно-процессуального закона. Однако суть этого не изменится. Изначально предназначение, суть и смысл уголовного процесса предполагают как опосредованное, так и непосредственное познание исследуемого события преступления...»⁴.

---

¹ Давлетов А.А. Основы уголовно-процессуального познания. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та. 1991. С. 3.

² Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса: в 2 т. М., 1968. Т. 1. С. 132.

³ Воронин С.Э. Проблемно-поисковые следственные ситуации и установление истины в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2001. С. 15–16.

⁴ Васильев Л.М. Проблемы истины в современном российском уголовном процессе (концептуальные положения): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2001. С. 33.

Действующий УПК РФ не ставит перед следователем цель установления объективной истины по уголовным делам. Категория «истина» в нем предана забвению. Законодатель довольствуется лишь перечнем обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, констатируя, что «приговор признается законным, обоснованным и справедливым, если он постановлен в соответствии с требованиями настоящего Кодекса и основан на правильном применении уголовного закона»¹. О том, что судебный приговор должен быть истинным, законодатель даже не упоминает. В этой связи З.З. Зинатуллин отмечает: «...по меньшей мере странным выглядит отсутствие в новом уголовно-процессуальном законодательстве даже малейшего упоминания об истине, ради достижения которой и осуществляется производство по уголовному делу, то, что именуется как уголовный процесс»².

Помимо того, что законодатель фактически лишил правоприменителя одного из главных ориентиров, поставив перед ним много неразрешенных вопросов: как обеспечить законность, обоснованность и справедливость судебного приговора без выяснения истины; что такое вообще справедливое разрешение дела на основе закона и совести; как можно выполнить сформулированное в ст. 6 УПК РФ предназначение и при этом не опираться на установление объективной истины, он (законодатель) путем закрепления в УПК ряда институтов, в частности таких, как особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением, включенного в гл. 40 УПК РФ, по справедливому утверждению Л.М. Володиной, «напрочь отодвигает нас от установления истины по делу»³.

Анализируемый институт включает ряд необычных положений, в частности, возможность проверки доказательств судом только посредством изучения письменных материалов представленного следователем уголовного дела, поскольку судебное разбирательство не

---

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Официальный текст: по состоянию на 1 января 2015 г. // СПС «КонсультантПлюс».

² Зинатуллин З.З. УПК 2001 года и насущные проблемы уголовно-процессуальной науки // Механизм реализации норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: межвуз. сб. Ижевск, 2003. С. 6.

³ Володина Л.М. Назначение уголовного процесса и реальное обеспечение прав человека по новому УПК РФ // Уголовная юстиция: состояние и пути развития: рег. науч.-практ. конф. Тюмень, 2003. С. 20.

проводится; недопустимость обжалования приговора ввиду несоответствия выводов суда фактическим обстоятельствам уголовного дела; ограничение полномочий суда по назначению наказания – двумя третями максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания.

Данное новшество, как верно замечено С.В. Бородиным, «преследует две чисто утилитарные цели: ускорение судебного процесса по уголовным делам и сокращение судебных расходов. Это заслуживает определенной положительной оценки, но при соблюдении двух неперемных условий – обеспечения достижения истины при доказывании по уголовному делу и назначения виновному справедливого наказания»¹. Однако гл. 40 УПК РФ в силу содержащихся в ней правил не может гарантировать установление истины и притом в ситуации, когда суд признает подсудимого виновным.

«Сворачивание» процесса доказывания по делам, рассматриваемым в порядке, установленном гл. 40 УПК РФ, практически ставит под большие сомнения возможность реализации таких принципов уголовного процесса, как презумпция невиновности, законность, состязательность, осуществление правосудия только судом.

Данный институт, кроме того, не позволяет непосредственно исследовать и оценивать доказательства в суде, весь приговор покоится лишь на признании своей вины подсудимым, что заставляет говорить о презумпции невиновности только условно и ставит под угрозу законность, обоснованность и справедливость приговора.

Следует иметь в виду, что согласие обвиняемого – отнюдь не гарантия его причастности к преступлению. В практической деятельности нередко возникают ситуации, когда лицо, признавшее вину в совершении небольшого преступления, пытается уклониться от более строгого наказания за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, и только профессионализм (чем не может похвастаться современный следственный аппарат) следователя может позволить предотвратить подобные случаи.

Поэтому закрепленная в гл. 40 УПК РФ процедура – серьезное отступление от таких принципиальных, предусмотренных в УПК РФ и необходимых для установления объективной истины канонов, в

---

¹ *Бородин С.В.* О соотношении норм уголовного и уголовно-процессуального права при предварительном расследовании и судебном разбирательстве // Государство и право. 2002. № 9. С. 106.

соответствии с которыми признание обвиняемым своей вины – рядовое доказательство. Оно может быть положено в основу обвинительных выводов лишь при подтверждении виновности совокупностью имеющихся в деле доказательств. Данное доказательство требует проверки и оценки, как и все другие доказательства.

Фактическое отсутствие по данной категории дел полноценного доказывания предполагает невозможность реализации принципа состязательности сторон, так как здесь выясняется только мнение сторон о возможности применения особого порядка судебного разбирательства. Суд жестко зависит от позиции обвиняемого, потерпевшего, государственного обвинителя, а в случае, если у него возникают сомнения в виновности лица, но стороны настаивают на применении особого порядка судебного разбирательства, он связан предлагаемой гл. 40 УПК РФ юридической схемой.

Следовательно, как справедливо отмечено Л.Г. Татьяниной, законность в постановленном приговоре в этой ситуации вполне может носить формальный характер, так как суд не будет уверен в его правильности¹.

Однако, по мнению А.И. Макаркина, объективная истина может быть поколеблена только тогда, «когда в обмен на признание вины сторона уголовного преследования сокращает объем обвинения, изменяет квалификацию. Однако если «предметом торга» становится лишь вопрос о мере наказания, истина не пострадает, будут достигнуты цели правосудия и сэкономлены средства налогоплательщиков»².

Но надо иметь в виду, что согласно п. 2 ч. 5 ст. 217 УПК РФ обвиняемый имеет право заявить следователю ходатайство о применении особого порядка судебного разбирательства с момента ознакомления с материалами уголовного дела, а ведь позиция обвиняемого (подозреваемого) по существу обвинения (подозрения) становится известной следователю на значительно более ранних этапах производства по уголовному делу.

Вот здесь-то, как представляется, «можно ожидать и «расцвета» обвинительного уклона в деятельности органов предварительного

---

¹ *Татьянина Л.Г.* Некоторые вопросы уголовно-процессуального доказывания по уголовным делам, рассматриваемым в особом порядке судебного разбирательства // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. 2004. № 3. С. 38.

² *Макаркин А.И.* Состязательность на предварительном следствии / науч. ред. В.В. Вандышев. СПб., 2004. С. 65.

расследования, и «легкого», поверхностного отношения к потребности тщательной проверки показаний обвиняемого (подозреваемого)», и, как показывает практика, именно так в настоящий момент и происходит при расследовании уголовных дел. Следуя дальнейшей логике, очевидно, что «введение упрощенного порядка судебного разбирательства в состоянии формировать «своеобразную» позицию представителей органов предварительного расследования в архиважном вопросе о пределах доказывания всех (включая «главный факт») обстоятельств, входящих в предмет доказывания. Совокупность необходимых для этого доказательств может быть безосновательно и даже искусственно уменьшена в целях все той же пресловутой «экономии сил и средств государства» в судопроизводстве, а главным образом – в расчете на состоявшееся признание обвиняемого (подозреваемого), практически – автоматически устраняющее исследование и оценку доказательств в рамках судебного следствия»¹.

В силу изложенного требуется вполне определенное законодательное решение о формальном возвращении категории «истина» хотя бы в предварительное производство, что поможет следователю более четко определять цели его деятельности и решать поставленные перед ним задачи, а рассматриваемый институт, являющийся чуждым нашему законодательству, должен быть либо существенно скорректирован с целью недопущения формирования системы двойных стандартов при доказывании на досудебном производстве, либо изъят из УПК РФ.

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ НОРМ ОБ ОСОБОМ ПОРЯДКЕ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА

DOI 10.17223/9785751123871/24

Е.В. Князькова

Количество уголовных дел, рассматриваемых в особом порядке, год от года неуклонно растет. Для сравнения, если в 2011 г. удельный вес таких дел в Томской области составил всего 47 % от общего

---

¹ Петрухин И.Л. Сделки о признании вины чужды российскому менталитету // Рос. юстиция. 2001. № 5. С. 35.

числа рассмотренных с вынесением итогового решения, то в 2013 г. – уже 60 %, в 2014 г. – 65,5 %.

Применение упрощенной процедуры судебного разбирательства предполагает «компромисс» между органами уголовного преследования и обвиняемым. Лицам, осужденным в особом порядке, назначается более мягкое наказание. Как следствие, лишь незначительная часть судебных решений подвергается ревизии судом вышестоящей инстанции.

Все это является благодатной почвой для злоупотреблений со стороны правоохранительных органов, которые, приуменьшив объем обвинения, направляют в суд сомнительные с точки зрения доказанности уголовные дела. Судьи же руководствуются принципом «процессуальной экономии»; успокоенные соглашательской позицией защиты, закрывают глаза на очевидные нарушения закона.

В совокупности с неизменно низким качеством предварительного расследования эти обстоятельства порождают разумные сомнения в обоснованности столь широкого применения упрощенной процедуры судебного разбирательства.

Проведенное уголовно-судебным управлением прокуратуры Томской области обобщение судебно-прокурорской практики рассмотрения соответствующей категории уголовных дел выявило и многочисленные нарушения установленной законом процедуры судебного разбирательства, несмотря на ее кажущуюся простоту. Толкование и применение на практике норм гл. 40 УПК РФ вызывает затруднения у судов и государственных обвинителей, что не способствует вынесению законных и обоснованных судебных решений.

Остановимся на некоторых наиболее актуальных проблемах.

Согласно ч. 1 ст. 314 УПК РФ обвиняемый вправе заявить о согласии с предъявленным ему обвинением и ходатайствовать о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства.

Российская концепция упрощенной процедуры уголовного судопроизводства связывает возможность ее применения не с признанием вины, а именно с согласием с обвинением. Вместе с тем обвинение представляет собой утверждение компетентных органов о виновном совершении при определенных фактических обстоятельствах запрещенного уголовным законом деяния конкретным лицом. Поэтому согласие с обвинением предполагает в том числе признание вины.

Закон достаточно подробно регламентирует порядок заявления ходатайства об особом порядке (стадию, участие защитника, добровольность волеизъявления и т.д.). Напротив, ни форма, ни стадия, на которой должно быть выражено согласие с обвинением, содержание и объем такого согласия законом не предусмотрены.

Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 05.12.2006 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» попытался восполнить данный пробел, указав, что под обвинением, с которым согласился обвиняемый, следует понимать фактические обстоятельства содеянного, форму вины, мотивы совершения деяния, юридическую оценку содеянного, а также характер и размер причиненного вреда.

Наиболее полно данные обстоятельства могут быть выяснены при допросах в ходе предварительного расследования, когда обвиняемый имеет возможность не только выразить свое отношение к обвинению, но и подробно изложить версию произошедшего (сообщить в том числе мотивы своих действий, мнение о квалификации и т.д.). Если на следствии обвиняемый дал подробные признательные показания, подтвердил свою позицию в суде, сомнений в согласии с обвинением и обоснованности применения особого порядка не возникает.

Не всегда показания обвиняемого в полном объеме совпадают с обвинением. Нередко в ходе предварительного расследования обвиняемый неоднократно меняет свои показания, заявляет о своей непричастности либо пользуется правом, предоставленным ст. 51 Конституции РФ, вообще не выражая свое отношение к обвинению или заявляя о несогласии с ним. По делам, по которым предварительное расследование проводится в форме дознания, подозреваемый на момент заявления ходатайства о применении особого порядка и вовсе не знаком с обвинением и не имел до судебного разбирательства возможности высказаться о его существовании.

Означает ли это, что во всех приведенных случаях у суда отсутствуют правовые основания для постановления приговора в особом порядке, даже если заявлено соответствующее ходатайство? Ответ не является однозначным и зависит от того, имеются ли сомнения в понимании обвиняемым существа обвинения и согласии с ним, возможно ли устранить данные сомнения в суде. Правовые средства для этого у суда весьма ограничены: в силу прямого указания ч. 5

ст. 316 УПК РФ подсудимый не может быть допрошен о фактических обстоятельствах совершенного преступления.

Безусловно, непризнание обвиняемым вины в ходе допросов на следствии исключает возможность рассмотрения дела в особом порядке. Устранить сомнения в понимании подсудимым существа обвинения и согласия с ним в судебном заседании в такой ситуации достоверно невозможно без допроса по обстоятельствам дела, чего закон не допускает. Заявление подсудимого о непричастности к преступлению в любой стадии судебного заседания является основанием для выхода из особого порядка.

Иногда, подтверждая свою причастность к деянию, обвиняемые не соглашались с теми или иными обстоятельствами их совершения. Рассмотрение дела в особом порядке допустимо, если оспариваемые факты не являются юридически значимыми, не влияют на объем обвинения и квалификацию содеянного либо его оценку как преступления.

Аналогичным образом решается вопрос и в случае формального признания вины и согласия с обвинением, когда из содержания показаний следует обратное.

Если обвиняемый на следствии меняет показания, выдвигая различные версии произошедшего, рассматривать дело в особом порядке можно, только если в последнем по времени допросе сделано заявление о признании вины и согласия с окончательным обвинением, приведены причины изменения позиции по делу и даны подробные показания.

Формальное признание вины обвиняемыми (подозреваемыми), поясняющими о запоминании события преступления, исключает рассмотрение дела в соответствии с гл. 40 УПК РФ, поскольку не дает возможности убедиться в понимании ими существа обвинения (подозрения).

Дискуссионным является вопрос о том, следует ли отказ обвиняемого от дачи показаний в соответствии со ст. 51 Конституции РФ в ходе предварительного расследования рассматривать как препятствие для рассмотрения дела в особом порядке. Прямого запрета на применение особого порядка в таких ситуациях закон не содержит. Однако суд обязан убедиться в действительном, а не формальном признании вины и согласия с обвинением.

Неоднозначно толкуются на практике и некоторые нормы гл. 40 УПК РФ, регламентирующие процедуру рассмотрения уголовных дел.

Согласно ч. 5 ст. 316 УПК РФ судья не проводит в общем порядке исследование и оценку доказательств, собранных по уголовному делу. При этом могут быть исследованы обстоятельства, характеризующие личность подсудимого, и обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание.

На территории области не сложился единообразный подход к определению объема обстоятельств, подлежащих установлению, и доказательств, их подтверждающих.

В большинстве районов суды и государственные обвинители ограничиваются исследованием имеющихся в уголовном деле «характеризующих материалов» (сведений о прежних судимостях и подтверждающих их копий судебных решений, справок диспансеров, характеристик), а также протоколов явок с повинной.

В других районах прокурорами в качестве доказательств суду представляются протоколы следственных действий, иные документы. Такая практика является предпочтительной, поскольку отвечает требованиям ст. 240 УПК РФ. Предусмотренные ст. 316 УПК РФ исключения из правила непосредственного исследования доказательств не касаются данных о личности, смягчающих и отягчающих обстоятельств, даже если для их установления необходимо затронуть фактические обстоятельства совершения преступления.

Перечень доказательств, с помощью которых могут устанавливаться обстоятельства, подлежащие доказыванию, законом специально не ограничен. Не установлены законом и отличные от общих правила их исследования.

Среди распространенных ошибок, допускаемых правоприменителями, – оглашение протоколов допросов в порядке, предусмотренном ст. 285 УПК РФ.

Нередко вместо изучения содержания протоколов следственных и процессуальных действий, иных документов суд лишь «обозревает» их. Такой способ исследования доказательств не противоречит закону. Однако «обозрение» документа предполагает не изучение его содержания, а лишь ознакомление с реквизитами и подтверждение факта его существования в материалах дела. Поэтому неправомерно ссылаться на исследованные в таком порядке документы в подтверждение тех или иных юридически значимых обстоятельств.

В связи с введением в действие гл. 32.1 УПК РФ актуальным является вопрос о соотношении особого порядка рассмотрения уголовных дел и порядка судопроизводства по делам, дознание по которым осуществлялось в сокращенной форме.

Хотя норма ст. 226.9 УПК РФ и отсылает к правилам ст. 316, 317 УПК РФ, изъятия из этих правил позволяют отнести процедуру рассмотрения дел, расследованных в сокращенной форме дознания, к самостоятельной разновидности судопроизводства, отличного от особого порядка. Эти различия касаются как предмета доказывания, перечня подлежащих исследованию доказательств, так и оснований применения соответствующей процедуры. При этом закон не предусматривает возможности и необходимости заявления ходатайства в соответствии с п. 2 ч. 5 ст. 217 УПК РФ по делам, производство по которым осуществлялось в рамках гл. 32.1 УПК РФ.

В связи с этим складывающаяся в регионе практика рассмотрения в соответствии с гл. 40 УПК РФ (без каких-либо исключений) дел с сокращенной формой дознания является ошибочной.

Как видно, применение упрощенной процедуры рассмотрения уголовных дел связано с определенными трудностями. представляется, что путь их преодоления лежит в области совместных усилий теоретиков и практиков.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПОТЕРПЕВШИМ ВОЗМЕЩЕНИЯ МАТЕРИАЛЬНОГО ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПНЫМИ ПОСЯГАТЕЛЬСТВАМИ. ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ

DOI 10.17223 9785751123871/25

Т.С. Краснолуцкая, Н.В. Комкова

Доля возмещенного ущерба по уголовным делам, направленным в суд, является одним из наиболее значимых показателей (индикаторов) эффективности деятельности подразделений дознания, определенных Государственной программой Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности», утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 345. Организация работы по воз-

мещению ущерба, причиненного преступлениями, находится на постоянном контроле отдела организации дознания УМВД России по Томской области, в целях достижения запланированных значений данных индикаторов проводится работа по повышению эффективности деятельности в указанном направлении.

В соответствии с п. 4 ст. 73 УПК РФ дознаватель обязан при расследовании уголовного дела установить характер и размер вреда, причиненного преступлением, а также принять меры по обеспечению его возмещения.

Имущественный вред включает в себя убытки и упущенную выгоду. Соответственно его размер определяется исходя из фактической стоимости похищенного или поврежденного имущества либо приобретенного права на чужое имущество, а также размера упущенной выгоды. При этом учитывается фактическое состояние имущества на момент совершения преступления (исправность, износ, ценность и др.).

Вместе с тем размер материального ущерба, возмещенного в ходе расследования уголовных дел, по которым производство предварительного следствия не обязательно, сокращается. Так, согласно статистическим данным ФКУ «ГИАЦ МВД России» доля возмещенного ущерба от фактически причиненного в 2011 г. составляла 81,1 %, в 2012 г. – 74,4 %, а в 2013 г. – 33,7 %. В подразделениях дознания УМВД России по Томской области данный показатель составлял: 2011 г. – 89 %, 2012 г. – 81 %, 2013 г. – 56 %.

Основной причиной снижения анализируемого показателя послужило совершение преступлений лицами, не имеющими постоянного источника дохода и какого-либо имущества в собственности, ведущими асоциальный образ жизни, а также несовершеннолетними. С целью возмещения ущерба потерпевшим по каждому уголовному делу, где ущерб не возмещен, разъясняется право на подачу искового заявления, при наличии достаточных оснований в соответствии с требованиями Уголовно-процессуального кодекса проводятся обыски.

При работе сотрудниками подразделений дознания особое внимание уделяется на своевременность и качество проведения следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, направленных на возмещение ущерба. Достижение такой цели, как защита прав и законных интересов граждан, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства, напрямую зависит от применения положений

ст. 182 УПК РФ. Осуществляется работа по установлению, изъятию и возврату потерпевшим похищенного имущества. Сотрудниками подразделений дознания в отчетный период проведено 158 обысков по уголовным делам, направленным прокурору для утверждения обвинительного акта.

Практика показывает, что лица, нарушившие закон, пользуясь несовершенством действующего законодательства, умышленно уклоняются не только от добровольного возмещения причиненного ущерба, но и принимают активные меры, направленные на сокрытие похищенного имущества.

Без оперативной информации сотрудников уголовного розыска и информации, полученной от граждан на обслуживаемой территории участковым уполномоченным полиции, дознаватель не может предпринять легитимные меры по отысканию и изъятию похищенного имущества.

Однако при получении оперативно-значимой информации проведение дознавателями санкционированных обысков позволяет как наработать доказательную базу по уголовному делу, изъять похищенное имущество, так и выявить другие преступления.

По уголовному делу, возбужденному по ч. 2 ст. 285 УК РФ, в связи с поступлением оперативной информации, на основании постановления районного суда проведен обыск в квартире гражданина, в ходе которого были изъяты предметы, несущие доказательную базу по уголовному делу, а также боеприпасы калибра 9 мм в количестве 20 штук, 5,45 мм в количестве 4 штук, патроны к пистолету наган. Дознавателем возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 222 УК Российской Федерации.

Вместе с тем по некоторой категории дел проведение оперативно-розыскных мероприятий по установлению похищенного имущества не представляется возможным.

Так, дознаватель УМВД России по г. Томску по факту хищения 37000 рублей, с согласия надзирающего прокурора, подготовила ходатайство перед судом о производстве обыска в жилище по месту проживания подозреваемого с целью отыскания денежных средств. Судьей районного суда г. Томска вынесено постановление об отказе в удовлетворении ходатайства о производстве обыска в жилище, так как в материалах, приложенных к ходатайству дознавателя, нет указания на серии и номера купюр похищенных денежных средств, по

которым можно идентифицировать денежные средства, похищенные именно у потерпевшего.

Активнее применяется практика наложения ареста на имущество. Наложение ареста на имущество лица, несущего по закону материальную ответственность перед гражданским истцом, предполагает привлечение данного лица в качестве гражданского ответчика по уголовному делу в порядке ст. 54 УПК РФ. Однако правоприменитель при наложении ареста на имущество должен обеспечить «разумную соразмерность» (п. 2.1 постановления КС РФ от 31.01.2011 № 1-П).

Так, в ходе расследования уголовного дела по ч. 1 ст. 158 УК РФ, возбужденного по факту тайного хищения сотового телефона, потерпевший заявил гражданский иск на сумму 2408 рублей, в этот же день подозреваемый привлечен в качестве гражданского ответчика по данному уголовному делу

Согласно сведениям, полученным в банке, подозреваемый имеет счёт, на который поступают денежные средства. Дознавателем принято решение ходатайствовать перед районным судом Томской области о наложении ареста на имущество (денежные средства, находящиеся на счете в банке), а также денежных средств, которые поступят на указанный счет.

Эффективность правосудия в немалой степени определяется действенностью процессуального механизма обеспечения прав потерпевших на возмещение причиненного им вреда.

В условиях роста корыстных преступлений большое значение приобретает правильная организация работы органов внутренних дел по возмещению материального ущерба, причиненного преступными посягательствами.

**НОВЕЛЛЫ УПК РФ, ИЛИ К ВОПРОСУ
О ДРУЖЕСТВЕННОМ К РЕБЕНКУ ПРАВОСУДИИ**
DOI 10.17223/9785751123871/26

А.И. Мельникова

Указом Президента РФ от 01.06.2012 № 761 в целях формирования государственной политики по улучшению положения детей в Российской Федерации была утверждена «Национальная стратегия

действий в интересах детей на 2012–2017 годы», предусматривающая ряд мер, направленных на создание дружественного к ребенку правосудия.

Под таковым подразумевается система гражданского, административного и уголовного судопроизводства, гарантирующая уважение прав ребенка и их эффективное обеспечение с учетом принципов, закрепленных в рекомендациях Совета Европы по правосудию в отношении детей, а также с учетом возраста, степени зрелости ребенка и понимания им обстоятельств дела.

Если обратиться к истории развития отечественного законодательства в отношении несовершеннолетних, попавших в сферу уголовных правоотношений, то можно выделить периоды, связанные с господствующими в государстве взглядами на детей: охранительными или карательными.

В дореволюционной России Устав уголовного судопроизводства 1864 г. и Закон от 02.07.1897 «Об изменении форм и обрядов судопроизводства по делам о преступных деяниях малолетних и несовершеннолетних, а также законоположений об их наказаниях» предусматривали особое процессуальное положение и дополнительные гарантии для таких правонарушителей: обязательность участия законного представителя, закрытое судебное разбирательство в специальных судах по делам несовершеннолетних и ряд других.

В советский период Декретами СНК РСФСР от 14.01.1918 «О комиссиях для несовершеннолетних» и от 04.03.1920 «О делах несовершеннолетних, обвиняемых в общественно опасных действиях», а также УПК РСФСР 1922 г. ювенальные суды были ликвидированы с передачей всех дел соответствующей категории комиссиям по делам несовершеннолетних.

Постановлением ЦИК и СНК РСФСР от 07.04.1935 № 3/598 «О мерах борьбы с преступностью несовершеннолетних» в целях быстрой ликвидации преступности среди детей был снижен возраст ответственности по ряду деяний, их уголовно-правовой статус сравнивался со статусом взрослых преступников, меры медико-педагогического характера перестали применяться, комиссии по делам несовершеннолетних подлежали роспуску.

Основы уголовного законодательства и уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик от 25.12.1958, а также УПК РСФСР 1960 г. возродили особый порядок судопроизводства по делам несовершеннолетних.

На современном этапе общепризнанные принципы и нормы международного права, сформулированные в Конвенции ООН о правах ребенка 1989 г., Пекинских правилах 1985 г. и ряде других актов, определяют, что система правосудия в отношении несовершеннолетних должна быть направлена на обеспечение их благополучия и соразмерности мер уголовно-правового воздействия особенностями личности ребенка и обстоятельствами правонарушения. Действующий УПК РФ в отдельной главе предусматривает особенности расследования и рассмотрения уголовных дел о преступлениях несовершеннолетних.

Вместе с тем возникает резонный вопрос: почему в данных источниках отсутствуют нормы, регулирующие аналогичные процессуальные гарантии несовершеннолетних, имеющих статус потерпевших и свидетелей? Кто решил, что участие на любой стадии производства по уголовному делу ребенка-жертвы или ребенка-свидетеля является менее стрессовой, конфликтной для него ситуацией, нежели участие несовершеннолетнего преступника? Почему «обеспечивается благополучие» только одной из сторон? А ведь именно особенности психологического, умственного и физического развития несовершеннолетних в свое время послужили основанием для внедрения особых процедур судопроизводства.

Не может не внушать оптимизма то обстоятельство, что в последнее время все чаще уделяется внимание не только несовершеннолетним, совершившим преступления, но и детям, ставшим жертвами насилия. 22 июля 2005 г. ООН были приняты Руководящие принципы, касающиеся правосудия в вопросах, связанных с участием детей – жертв и свидетелей преступлений. И наконец-то в целях обеспечения лучшей защиты прав, в том числе несовершеннолетних потерпевших, 28 декабря 2013 г. был принят Федеральный закон № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве», ряд положений которого вступил в законную силу с 1 января 2015 г.

Существенные изменения претерпела ст. 45 УПК РФ, пополненная частями 2.1 и 2.2. Первая расширила статус несовершеннолетнего потерпевшего, не достигшего возраста 16 лет, в отношении которого совершено преступление против половой неприкосновенности. Теперь его законный представитель вправе ходатайствовать перед

дознавателем, следователем либо судом о назначении адвоката в качестве представителя ребенка.

Часть 2.2 ст. 45 УПК РФ касается статуса любого несовершеннолетнего потерпевшего и позволяет отстранить от участия в деле законного представителя, чьи действия наносят ущерб несовершеннолетнему потерпевшему.

Новая редакция ст. 191 УПК РФ посвящена дополнительным условиям, соблюдение которых должно иметь место «при проведении допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля». Так, в ней дифференцировано время проведения следственных действий в соответствии с возрастом участника: до 7 лет, от 7 до 14, старше 14 лет.

Новеллой уголовно-процессуального закона стало участие в следственных действиях с несовершеннолетним потерпевшим, помимо педагога, и психолога, и не только при допросе потерпевшего, но и при проведении других следственных действий, например очной ставки.

Следственная практика, конечно же, знает случаи привлечения психолога к участию в допросе несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого. Теперь же его участие при проведении следственных действий с несовершеннолетним потерпевшим также закономерно. А по категории дел о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетних участие психолога стало обязательным.

Введена норма о видеофиксации следственных действий с несовершеннолетним потерпевшим и свидетелем, что позволяет исследовать их показания без вызова в суд. Аналогичные изменения о возможности оглашения показаний данных участников процесса внесены в ст. 281 УПК РФ.

Данные новеллы уголовно-процессуального закона нельзя не оценить как прогрессивные и направленные на унификацию гарантий любого несовершеннолетнего, волей случая или по собственной воле ставшего участником уголовного разбирательства.

Вместе с тем указанных нововведений явно недостаточно, закон по-прежнему изобилует «белыми пятнами» и вызывает ряд вопросов правоприменительного характера. Статус детей-преступников и потерпевших, а также несовершеннолетних свидетелей все равно не равнозначен.

Так, несовершеннолетний возраст не позволяет лицу самостоятельно и в полной мере осуществлять свои права и выполнять обязанности, в том числе при участии в конкретных следственных действиях. В связи с этим одной из основных гарантий соблюдения прав и законных интересов данной категории лиц является институт представительства. Вместе с тем п. 2 ст. 5 УПК РФ содержит понятие лишь законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого и потерпевшего, хотя ст. 191 и 280 УПК РФ указывают еще и на такого участника процесса, как законный представитель несовершеннолетнего свидетеля.

Далее, законный представитель ребенка-потерпевшего привлекается к обязательному участию в деле (ст. 45 УПК РФ), он вправе участвовать в допросах, опознании, очной ставке и проверке на месте на следствии (ч. 1 ст. 191 УПК РФ), в то время как в суде – только в допросе (ч. 4 ст. 280 УПК РФ).

Законный представитель несовершеннолетнего правонарушителя вправе присутствовать лишь на допросе на следствии и в суде, а в других следственных действиях – только с согласия следователя. Его отсутствие не препятствует проведению следственного действия. Обязательность участия законного представителя несовершеннолетнего свидетеля не регламентируется, хотя нормы ст. 191 и 280 УПК РФ о нем упоминают.

Новеллой является возможность по постановлению следователя или суда отстранить законного представителя несовершеннолетнего потерпевшего от участия в деле в случае, если его действия его наносят ущерб интересам ребенка. Ранее подобная норма действовала лишь в отношении родителей несовершеннолетнего преступника. Про возможность отстранения законного представителя несовершеннолетнего свидетеля УПК РФ по-прежнему ничего не говорит.

Защитник (ст. 51 УПК РФ) в обязательном порядке назначается несовершеннолетнему подозреваемому. Новый закон предусмотрел возможность законному представителю несовершеннолетнего потерпевшего до 16 лет по преступлениям против половой неприкосновенности также ходатайствовать о назначении адвоката в качестве представителя. Возникает вопрос, почему так ограничен круг случаев его привлечения? Почему об этом не может ходатайствовать сам несовершеннолетний? Почему этот вопрос не может решаться по инициативе следователя или суда?

Кроме того, вопрос по процессуальным издержкам на оплату услуг адвоката в отношении несовершеннолетнего потерпевшего и преступника определяется законодателем по-разному: услуги назначенного потерпевшему представителя оплачиваются из федерального бюджета, а в отношении подсудимого – только лишь в случае имущественной несостоятельности как его, так и его законных представителей.

Особенности получения от несовершеннолетних сведений об обстоятельствах преступлений обусловлены своеобразием их возрастной психики и характером восприятия ими происходящих событий, особенностями формирования показаний в целом. С учетом изложенного важное значение имеет введение законодателем положения о возможности привлечения к следственным действиям с участием несовершеннолетних потерпевших и свидетелей не только педагога, но и психолога. И это касается, как правильно указано в новой редакции ст. 191 УПК РФ, не только процедуры допроса, но и других следственных действий: очной ставки, проверки показаний на месте, опознания.

Однако соответствующие изменения в гл. 50 УПК РФ внесены не были, закон все еще регулирует детально лишь процедуру допроса несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, подсудимого.

Участие психолога обязательно по делам о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетнего (ч. 4 ст. 191 УПК РФ). Вместе с тем по аналогичной категории дел в отношении несовершеннолетнего преступника такой нормы не предусмотрено.

В отличие от ст. 425 УПК РФ ст. 191 УПК РФ не содержит положений о разъяснении психологу и педагогу их прав и обязанностей как специалистов, принимающих участие в следственном действии.

Законодатель, внося изменения в ст. 191 УПК РФ, унифицировал границы возраста несовершеннолетних потерпевших и свидетелей, которые обязывают следователя приглашать к участию в следственных действиях психолога и педагога (до 16 лет и после, в случае наличия психических расстройств или отставания в развитии). Теперь они совпадают с аналогичными возрастными границами, установленными ранее для несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, подсудимых.

Вместе с тем возникает вопрос, почему соответствующие изменения не были внесены законодателем и в ст. 280 УПК РФ? Там по-прежнему фигурирует возраст до 14 лет, участие только педагога, и

только в допросе, хотя на стадии судебного разбирательства с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля также могут быть произведены и другие действия, например опознание.

Прогрессивное положение об обязательной видеофиксации следственных действий с участием несовершеннолетних подозреваемого и свидетеля почему-то в новой редакции закона не нашло распространения и на аналогичные следственные действия с участием несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого.

Каким нормам подлежит следовать при работе с несовершеннолетними на стадии доследственной проверки, также законодателем не учтено.

Кто может выступать в качестве педагога и психолога, все еще детально не проработано.

Таким образом, в целом реформирование уголовно-процессуального законодательства, регулирующего гарантии участия несовершеннолетних в уголовно-процессуальных правоотношениях, с практических позиций проходит в верном направлении, однако на сегодняшний день не завершено и требует внесения дополнительных изменений.

О ЛОКАЛИЗАЦИИ ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ ОШИБКИ, СВЯЗАННОЙ С НЕВЫЯВЛЕНИЕМ НЕЗАКОННЫХ И НЕДОЗВОЛЕННЫХ МЕТОДОВ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

DOI 10.17223 9785751123871/27

А.Д. Назаров

В своих научных исследованиях¹ мы предложили понимать под **фундаментальной ошибкой** непроступные деяния субъектов, ве-

---

¹ Назаров А.Д. Деятельность суда в выявлении доказательств, полученных в результате применения незаконных (незаконных) методов // Рос. судья. 2010. № 11; *Он же*. Европейский стандарт эффективного расследования – надежный механизм защиты от пыток в деятельности новой полиции России // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе: сб. матер. 24-й науч.-практ. конф (17.02.2011 г.). Ч. 2 / отв. ред. Д.Д. Невирко. Красноярск, 2011; *Он же*. Ошибки при заключении под стражу как вид

дущих предварительное расследование и судебное разбирательство по уголовному делу, повлекшие особо существенные нарушения законных прав и интересов человека в уголовном судопроизводстве:

1. Невыявление этими субъектами применения со стороны должностных лиц органов уголовной юстиции (прежде всего оперативных сотрудников «силовых структур») незаконных и недозволённых методов (прежде всего пыток, физического насилия и др.) в отношении заподозренных лиц, подозреваемых, обвиняемых для получения от них признательных показаний о преступлении.

2. Невыявление указанными субъектами применения со стороны должностных лиц органов уголовной юстиции (прежде всего оперативных сотрудников «силовых структур») в отношении заподозренных лиц провокаций преступных проявлений.

3. Дефекты, допущенные субъектами, ведущими уголовный процесс, в собирании, проверке и оценке доказательств по уголовному делу, в результате чего подозреваемый, обвиняемый незаконно заключен (не заключен) под стражу, незаконно содержится (не содержится) под стражей, незаконно осужден (не осужден) к реальному сроку лишения свободы.

Как и А.С. Барабаш, мы полагаем, что в силу публичности российского уголовного процесса у всех органов государства, осуществляющих процессуальную деятельность, есть две группы обязанностей: по отношению к обществу и государству и по отношению к конкретному участнику процесса. «Реализация целей уголовно-процессуальной деятельности – обязанность органов государства... Именно органы государства определяют ход уголовно-процессуальной деятельности, от них зависит результат, они и ответственны за него»¹. Следовательно, вся деятельность по получе-

---

фундаментальных ошибок: сб. науч. трудов по материалам междунар. науч.-практ. конф. «Перспективные инновации в науке, образовании, производстве и транспорте 2011». Т. 15: Юридические и политические науки. Одесса, 2011; *Он же*. Фундаментальные ошибки в уголовном судопроизводстве России: вопросы теории и практики. Germany: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011; *Брестер А.А., Назаров А.Д.* Несоблюдение в уголовном судопроизводстве конституционных прав и свобод человека и гражданина, связанных с применением незаконных методов в деятельности оперативных работников // Журнал СФУ. Сер. «Гуманитарные науки». 2011. Т. 4, № 2; *Дробышевский С.А., Назаров А.Д.* Ошибки при заключении под стражу как тип фундаментальных ошибок в уголовном процессе // Журнал СФУ. Сер. «Гуманитарные науки». 2012. Т. 5, № 3; *Назаров А.Д.* Феномен ошибки в уголовном судопроизводстве и ее причины. М.: Юрлитинформ, 2014. и др.

¹ *Барабаш А.С.* Публичное начало российского уголовного процесса. СПб., 2009. С. 312–313.

нию доказательств во всей процессуальной цепи «оперативный работник – следователь, дознаватель – суд» должна безукоризненно соответствовать всем требованиям закона. В противном случае конечный результат всей этой деятельности будет порочным.

Заявления о применении незаконных и недозволённых методов (главным образом, это незаконное и недозволённое психическое и физическое насилие) могут быть сделаны подсудимым, его защитником, законным представителем в любой момент судебного разбирательства.

Если в ходе судебного разбирательства уголовного дела по существу суд сочтёт невозможным принять аргументированное решение о признании полученных доказательств в связи с этими заявлениями недопустимыми, то полагаем важным закрепить в УПК РФ положение, предоставляющее суду возможность в этом случае вынести решение о проведении или возобновлении предварительных слушаний по уголовному делу.

Ведь именно на предварительных слушаниях, как на специализированном этапе производства в суде первой инстанции, подлежат рассмотрению ходатайства, в частности стороны защиты, об исключении доказательства на том основании, что оно было получено с нарушением требований УПК РФ¹. При этом, как особо подчеркнуто в ч. 4 ст. 235 УПК РФ, бремя опровержения доводов, представленных стороной защиты, лежит на прокуроре.

На предварительных слушаниях допрашиваются не лица, располагающие сведениями об обстоятельствах совершенного преступления, а, по образному выражению Б.Т. Безлепкина, *свидетели хода расследования* (понятые, следователь, оперативные работники и др.)². Впрочем, следователь, дознаватель, оперативный работник, конечно, могут воспользоваться правом, предоставленным им ст. 51 Конституции РФ, но вызвать их в суд и сформулировать перед ними вопросы, необходимые для разрешения проблемы допустимости доказательств, есть все основания.

Если предварительное слушание проводилось (возобновлялось) в ходе судебного разбирательства дела по существу, то по заверше-

---

¹ Юркевич Н.А. Институт предания суду в России от реформы до реформы. Томск, 2003. С. 97–98; Свиридов М.К. Исследование доказательств в стадии подготовки к судебному разбирательству // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. ст. Томск, 2006. С. 117.

² Безлепкин Б.Т. Настольная книга судьи по уголовному процессу. М., 2008. С. 14–15.

нии слушания суд возобновляет судебное заседание по уголовному делу. И здесь, по нашему мнению, может быть применена аналогия закона, предусмотренная в ст. 294 УПК РФ «Возобновление судебного следствия». То есть судебное разбирательство начинается с этапа подготовительной части судебного заседания или с этапа судебного следствия.

Суд может вынести обвинительный приговор только в том случае, если оставшиеся после «фильтрации» относимые, допустимые, достоверные и достаточные доказательства позволяют вынести такой приговор.

На наш взгляд, только таким образом мы можем «развести» два самостоятельных преступления: преступление, инкриминируемое подсудимому, и преступление, которое может быть инкриминировано должностным лицам правоохранительных органов, применивших незаконные и недозволенные методы в отношении данного подсудимого.

По крайней мере, представленная процедура реагирования на заявления о применении таких методов честнее и надежнее, нежели сегодняшняя практика поверхностной проверки заявлений судом с констатацией, что эти заявления от подсудимого есть его «способ уйти от уголовной ответственности».

Если суд сочтет возможным не возвращаться к предварительным слушаниям, то и в этом случае важно обязательное и очень скрупулезное реагирование суда на заявления подсудимых и (или) их защитников, законных представителей о применении к подсудимым незаконных и недозволенных методов оперативно-розыскного сопровождения предварительного расследования. Именно такой позиции придерживается и Европейский суд по правам человека¹.

Полагаем важным закрепить в УПК РФ положение, что при получении от подсудимых заявлений о применении к ним во время предварительного расследования уголовного дела незаконных и недозволенных методов алгоритм действий суда должен быть следующий:

1. Тщательная проверка в ходе судебного следствия подобных заявлений: подробный допрос подсудимого об обстоятельствах применения незаконных и недозволенных методов; допрос всех воз-

---

¹ См.: Назаров А.Д. Деятельность суда в выявлении доказательств, полученных в результате применения недозволенных (незаконных) методов. С. 29–31.

можных свидетелей произвола сотрудников; обязательное и незамедлительное проведение освидетельствования подсудимого и судебно-медицинской экспертизы в суде – остаточные явления физического насилия сохраняются достаточно продолжительное время; исследование в суде необходимой документации – журналов и документов ИВС, СИЗО, «Скорой помощи», травмпунктов и др.).

2. Передача копий всех материалов судебного следствия по заявлению о применении незаконных и недозволённых методов ведения расследования прокурору для организации проведения проверки и принятия решения в порядке ст. 144, 145 УПК РФ.

3. Приостановление на определенный судом срок разбирательства по уголовному делу до получения материалов с итоговым решением следователя по сделанному подсудимым заявлению о применении к нему незаконных и недозволённых методов ведения предварительного расследования.

С учетом полученных от прокурора материалов и решения следователя, а также с учетом добытых доказательств в ходе судебного следствия суд в *совещательной комнате*, на наш взгляд, должен вынести решение: или считать заявление подсудимого и (или) его защитника, законного представителя о применении к подсудимому при предварительном расследовании уголовного дела незаконных и недозволённых методов не нашедшим подтверждения, или же признать все доказательства, полученные с применением таких методов (в том числе, к примеру, протоколы обыска, выемки после допроса подозреваемого, где к нему было применено насилие, даже если проведенные в последующем обыск, выемка были результативными), согласно правилу «плодов отравленного дерева», недопустимыми в порядке ст. 75 УПК РФ.

С целью «сожжения всех мостов» для должностных лиц правоохранительных органов, имеющих соблазн применять в ходе работы по уголовному делу незаконные и недозволённые методы для использования «признательных» показаний обвиняемого по уголовному делу, есть и более радикальные предложения ученых.

А.С. Барабаш предлагает п. 1 ч. 2 ст. 74 УПК РФ сформулировать в следующей редакции:

«В качестве доказательств допускаются:

1) показания подозреваемого, обвиняемого, в которых они свидетельствуют о своей невиновности».

По мнению А.С. Барабаша, при реализации данного положения «допустимыми будут признаваться только такие показания подозреваемого и обвиняемого, в которых они свидетельствуют о своей невиновности. Тем самым самоизобличающие показания этих лиц будут лишены для недобросовестных сотрудников правоохранительных органов притягательной силы»¹. А.С. Горелик предлагал вообще исключать из числа рассматриваемых судом доказательств показания обвиняемого и выносить приговор лишь на основании оставшейся совокупности доказательств².

На наш взгляд, вряд ли стоит придавать какой-то особый статус показаниям обвиняемого. Ведь в настоящее время достаточно многие элементы правового регулирования уголовно-процессуальных отношений взаимосвязаны с правдивыми, в том числе «признательными» показаниями обвиняемого. К примеру, прекращение уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием – ст. 28 УПК РФ; назначение наказания при наличии смягчающих обстоятельств – ст. 61, 62 УК РФ; при явке с повинной, а также активном способствовании раскрытию и расследованию преступления, изобличению и уголовному преследованию других соучастников преступления, розыску имущества, добытого в результате преступления, – ст. 142 и 297, 299 УПК РФ; при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве – гл. 40.1 УПК РФ; особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением – гл. 40 УПК РФ и др.

Считаем, что важно совершенствовать уголовно-процессуальное регулирование процедур, которые блокировали бы использование доказательств, полученных в результате применения незаконных и недозволённых методов. Высказанные предложения по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики позволят субъектам, ведущим уголовный процесс, особенно суду, выявлять и устранять такие недопустимые доказательства и не допускать фундаментальных ошибок при производстве по уголовному делу.

---

¹ *Барабаш А.С.* Совершенствование уголовно-процессуального механизма защиты граждан от незаконного насилия со стороны сотрудников правоохранительных органов // Обеспечение прав и свобод человека и гражданина: сб. ст. по итогам междунар. науч.-практ. конф. Тюмень, 17–18 ноября 2005 г. Ч. 4 / под ред. Г.Н. Чеботарева. Тюмень, 2006. С. 45–48.

² *Горелик А.С.* Правозащитная деятельность в сфере уголовной юстиции. Красноярск, 1996. С. 11.

**ВОЗМОЖНОСТЬ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ
ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ ПРИ
ПРОИЗВОДСТВЕ В СУДЕ АПЕЛЛЯЦИОННОЙ,
КАССАЦИОННОЙ И НАДЗОРНОЙ ИНСТАНЦИЙ**
DOI 10.17223 9785751123871/28

А.А. Рукавишникова

УПК РФ, регламентируя производство в суде апелляционной, кассационной и надзорной инстанций, предусматривает возможность предоставления дополнительных материалов. При этом закономерно возникает вопрос, насколько такие материалы и возможность их предоставления и исследования соответствуют сути апелляционного производства (которое предполагает возможность проведения судебного следствия, а все исследованные сведения приобретают статус доказательств) и кассационному и надзорному производствам (которые не содержат процессуальной возможности исследования никаких сведений)?

В соответствии с ч. 4 ст. 389.13 УПК РФ при производстве судебного следствия в суде апелляционной инстанции предметом изучения могут быть как доказательства, так и дополнительные материалы. УПК РФ не раскрывает понятия дополнительных материалов. Как свидетельствует изучение практики, в качестве дополнительных материалов чаще всего выступают: справки ЗАГСa, справки ЖЭУ, справки об инвалидности, составе семьи, наличии наград.

В уголовно-процессуальной литературе существует несколько точек зрения на правовую природу дополнительных материалов.

Согласно первой из них дополнительные материалы не являются доказательствами, так как не обладают необходимой совокупностью их признаков:

- 1) дополнительные материалы не могут быть получены следственным путем;
- 2) лицо, представляющее суду такие материалы, обязано указать, каким путем они получены;

3) указанное лицо обязано объяснить, в связи с чем возникла необходимость их представления¹.

Согласно второй дополнительные материалы, истребуемые и представляемые в суды апелляционных, кассационных и надзорных инстанций, неоднородны по своему содержанию, образующие их многообразные источники информации невозможно заранее предусмотреть и перечислить в законе, именно поэтому законодатель использовал наиболее общий (родовой) термин «материалы», ограничив их круг указанием на то, что они должны быть дополнительными к материалам уголовного дела, т.е. нести такую новую информацию, которой нет в деле. Указанные материалы относятся к иным документам (п. 6 ст. 74 УПК РФ) и являются доказательствами (ст. 84 УПК РФ)².

На основании п. 13 постановления Пленума от 27.11.2012 г. № 26 «представленные суду апелляционной инстанции дополнительные материалы подлежат проверке и оценке в совокупности с другими доказательствами по делу»³. Таким образом, Верховый Суд РФ разграничивает доказательства и дополнительные материалы между собой.

Следует согласиться с высказанным в процессуальной литературе суждением о том, что при производстве в суде апелляционной инстанции ни о каких дополнительных материалах не может быть и речи, поскольку апелляционная техника дает возможность для полноценного доказывания, в котором нет места никаким доказательственным суррогатам⁴.

В связи с тем, что в суде апелляционной инстанции производится судебное следствие с исследованием (сбором, проверкой,

---

¹ Божьев В.П. Рассмотрение уголовного дела судом кассационной инстанции: Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В.М. Лебедева; науч. ред. В.П. Божьев. М., 2002. С. 620.

² Алиев Т.Т., Громов Н., Царева Н. Дополнительные материалы в судах кассационной и надзорной инстанций // Рос. судья. № 1. 2003. С. 17; Червошкин А.С. Апелляция и кассация: пособие для судей. М.: Проспект, 2010. С. 156.

³ О применении норм уголовно-процессуального кодекса РФ, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 ноября 2012 года № 26 // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. Версия Проф., сетевая. Электр. дан. (39 кб.). М.: АО «КонсультантПлюс», 1992. Режим доступа: Компьютер. сеть Науч. 6-ки Том. гос. ун-та, свободный.

⁴ Головки Л.В. Новеллы УПК РФ: прогресс или институциональный хаос? // Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ, УПК РФ. Первый опыт критического осмысления / кол. авторов; под общ. ред. Н.А. Колоколова. М.: Юрист, 2011. С. 53.

оценкой) доказательств, все, что предоставляется сторонами или истребуется судом апелляционной инстанции по своей инициативе, приобретает в рамках судебного следствия статус доказательств. Иное решение вопроса противоречило бы сути апелляционного производства. Поэтому в законодательном разграничении понятий доказательств и дополнительных материалов, данном в ч. 4 ст. 389.13 УПК РФ, нет никакой необходимости.

Рассматривая возможность предоставления в суд кассационной, и надзорной инстанций дополнительных материалов, следует отметить, что УПК РФ не урегулирован вопрос о порядке предоставления в суд кассационной и надзорной инстанций дополнительных материалов. Указания на возможность предоставления дополнительных материалов отсутствуют в статьях, посвященных кассационным и надзорным жалобам (представлениям), а также порядку проведения судебного заседания в этих судебных инстанциях (ст. 401.4, 401.13, 412.3, 412.10 УПК РФ).

За исключением ч. 5 ст. 401.4 УПК РФ, в соответствии с которой к кассационным обращениям наряду с заверенными соответствующим судом копиями судебных решений, принятых по данному уголовному делу, в необходимых случаях прилагаются копии иных документов, подтверждающих, по мнению заявителя, доводы, изложенные в кассационной жалобе (представлении). Как отмечается в уголовно-процессуальной литературе, современный законодатель не совершил прорыва в отношении правовой регламентации порядка использования дополнительных материалов, оставив его на уровне, весьма близком к тому, что был в советское время¹.

Однако в соответствии с п. 26 постановления Пленума Верховного Суда от 28 января 2014 г. № 2 при разбирательстве в суде кассационной инстанции могут быть рассмотрены не только материалы, имеющиеся в уголовном деле, но и дополнительные материалы, поступившие с жалобой или представлением либо представленные сторонами, если они содержат сведения, имеющие значение для правильного разрешения дела, и не свидетельствуют о наличии новых или вновь открывшихся обстоятельств².

---

¹ Дикарев И.С. Проблемы теории и практики производства в суде надзорной инстанции. М.: Юрлитинформ, 2011. С. 344.

² О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 января 2014 г. № 2 // СПС «КонсультантПлюс»

Таким образом, правоприменитель разрешил предоставлять в суд кассационной инстанции дополнительные материалы. Однако учел отсутствие судебного следствия в суде кассационной инстанции и установил разные последствия предоставления дополнительных материалов в зависимости от того, нуждаются ли последние в проверке устанавливаемых ими фактов. Изменение приговора и последующих судебных решений или их отмена с прекращением производства по уголовному делу на основании дополнительных материалов допускаются только тогда, когда достоверность фактов, устанавливаемых такими материалами, не нуждается в проверке судом первой или апелляционной инстанции (документы, свидетельствующие о недостижении осужденным возраста, с которого наступает уголовная ответственность, об отсутствии судимости, о применении акта об амнистии по предыдущему приговору и др.). Во всех остальных случаях предоставленные дополнительные материалы могут служить основой принятия решения об отмене приговора, определения и постановления суда с возвращением уголовного дела прокурору либо с его передачей на новое судебное разбирательство в суд первой или апелляционной инстанции (там, где эти дополнительные материалы могут быть исследованы и проверены в рамках судебного следствия).

Если дополнительные материалы содержат сведения о новых или вновь открывшихся обстоятельствах, то кассационное производство должно прекращаться.

В процессуальной литературе совершенно справедливо отмечается, что неурегулированность в вопросе о сущности самих дополнительных материалов (являются ли они доказательствами или нет) на практике приводит к тому, что суды, проверяющие вступившие в законную силу судебные решения, к которым приложены дополнительные материалы, принимают решение о возвращении надзорного обращения, одновременно разясняя порядок, предусмотренный гл. 49 УПК РФ¹.

Возможно, принятие таких решений объясняется тем, что и в кассационном, и в надзорном производствах отсутствует процессу-

---

[Электронный ресурс]. Версия Проф., сетевая. Электр. дан. (39 кб.). М.: АО «Консультант Плюс», 1992. Режим доступа: Компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный.

¹ *Мерзлякова М.В., Прошляков А.Д.* Пересмотр вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений в порядке надзора. М.: Юрлитформ, 2011. С. 102, 105.

альный механизм исследования и определения их значения для уголовного дела.

Представляется, что на возможность принятия таких решений ориентирует и Конституционный Суд РФ, который считает надзорное производство и производство в порядке гл. 49 УПК РФ взаимодополняющими. Однако следует учитывать, что принятие такого решения должно быть возможным, если только сведения, содержащиеся в дополнительных материалах, отвечают признакам новых или вновь открывшихся обстоятельств.

Дополнительные материалы могут быть представлены следующими способами: путем приобщения к кассационным обращениям либо путем заявления ходатайств об их приобщении непосредственно в судебном заседании при рассмотрении кассационных обращений по существу (путем заявления ходатайства). Результаты предоставления дополнительных материалов отражаются в протоколе судебного заседания суда кассационной инстанции (ч. 10 ст. 401.13 УПК РФ).

Следует отметить, что в уголовно-процессуальной литературе по-разному оценивается возможность предоставления в суд кассационной инстанции дополнительных материалов, так как в рамках кассационного производства отсутствует возможность их исследования. УПК РФ не содержит возможность проведения судебного следствия в суде кассационной инстанции, что в целом отвечает сущности и назначению современного кассационного производства.

Так, представители первой позиции такой возможности не исключают, но отмечают, что законодатель исходит из того, что непосредственного исследования доказательств здесь не происходит, поэтому приложенные документы не могут стать доказательствами и быть положенными в основу установления этих обстоятельств дела¹.

Представители второй позиции отмечают, что современный кассационный порядок оценивается как значительно приближенный к идее «чистой кассации», в связи с чем в качестве положительного момента оценивается запрет на исследование дополнительно представленных материалов².

---

¹ Уголовно-процессуальное право. Актуальные проблемы теории и практики: учебник для магистров / под ред. В.А. Лазаревой, А.А. Тарасова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2014. С. 427.

² *Смирнов А.В.* Реформа порядка пересмотра судебных решений по уголовным делам: кассация [Подготовлен для системы «КонсультантПлюс»] // СПС «КонсультантПлюс»

Представляется, что если правоприменитель исходит из возможности предоставления дополнительных материалов и, более того, принятия на их основе решений судом кассационной инстанции об изменении ранее вынесенного решения, то следует признать, что такие дополнительные материалы должны подлежать исследованию, а значит, на это должно быть указано в процессуальных нормах.

В противном случае изменения в ранее вынесенное решение судом кассационной инстанции вносятся на основе неисследованных материалов. Если все же исходить из общепризнанного предназначения суда кассационной инстанции (производство в которой не предполагает проведения даже элементов судебного следствия), то дополнительные материалы, представленные в суд кассационной инстанции, должны служить лишь основанием для отмены судебного решения с передачей уголовного дела в суд первой или апелляционной инстанции или для решения вопроса о возобновлении производства по уголовному делу в порядке гл. 49 УПК РФ. Так как познавательные возможности суда надзорной инстанции также ограничены, вопрос об использовании дополнительных материалов должен решаться аналогичным образом.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАПРАВЛЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПРОКУРОРОМ ДОЗНАВАТЕЛЮ ДЛЯ ПРОИЗВОДСТВА ДОЗНАНИЯ В ОБЩЕМ ПОРЯДКЕ ПРИ СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ ДОЗНАНИЯ

DOI 10.17223 9785751123871/29

А.А. Торков

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) содержит гл. 32.1 «Дознание в сокращенной форме», в которой находится ст. 226.8 «Решения прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным постановлением». Решения прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным

постановлением, во многом аналогичны решениям, принимаемым при производстве дознания в общем порядке, однако в ст. 226.8 УПК РФ появилась абсолютно новая норма закона, которая позволяет прокурору направить уголовное дело дознавателю для производства дознания в общем порядке в ряде случаев.

В данной статье мы хотели бы осветить случаи, указанные в уголовно-процессуальном законе, при которых прокурор имеет право направить уголовное дело, расследованное в сокращенной форме дознания, для производства дознания в общем порядке, дать уголовно-процессуальную оценку нормам, указанным в п. 3 ч. 1 ст. 226.8 УПК РФ.

По сути, логика законодателя понятна и вытекает из сущности производства дознания в сокращенной форме, между тем необходимо, на наш взгляд, проанализировать каждый из случаев возвращения уголовного дела для производства дознания в общем порядке с правовых и теоретических позиций.

Подпункт «а» п. 3 ч. 1 ст. 226.8 УПК РФ содержит отсылочную норму и говорит о возвращении уголовного дела прокурором при «наличии обстоятельств, предусмотренных частью первой статьи 226.2 УПК РФ».

Согласно ч. 2 ст. 226.2 УПК РФ если обстоятельства, исключающие производство дознания, становятся известны или возникают после поступления уголовного дела прокурору для утверждения обвинительного постановления и до направления уголовного дела в суд, прокурор принимает решение о направлении уголовного дела дознавателю для производства дознания в общем порядке. На наш взгляд, в данном случае следует обратить внимание на название ст. 226.2. УПК РФ – «Обстоятельства, исключающие производство дознания в сокращенной форме». Между тем п. 1 ч. 3 ст. 226.4 содержит норму, согласно которой по результатам рассмотрения ходатайства подозреваемого о производстве дознания в сокращенной форме дознаватель может вынести постановление об отказе в удовлетворении такого ходатайства при наличии обстоятельств, препятствующих производству дознания в сокращенной форме. В.В. Кальницкий, К.В. Муравьев и Д.А. Воронов считают, что обстоятельства, препятствующие производству дознания в сокращенной форме (п. 2 ч. 3 ст. 226.4 УПК РФ), не следует отождествлять с обстоятельствами, исключающими производство дознания в сокращенной форме (ч. 1 ст. 226.2 УПК РФ), указывая таким образом, что удовлетворе-

ние ходатайства подозреваемого является правом, а не обязанностью дознавателя¹.

С данной позицией можно согласиться, коль скоро сам законодатель называет указанные обстоятельства по-разному – препятствующие и исключаяющие производство дознания в сокращенной форме. Поскольку закон не содержит перечня обстоятельств, препятствующих производству дознания в сокращенной форме, на наш взгляд, их можно толковать расширительно. В связи с чем возникает закономерный вопрос: а может ли прокурор вернуть уголовное дело дознавателю для производства дознания в общем порядке, если выяснит, что в ходе дознания были обстоятельства, которые не исключали, но препятствовали его производству в сокращенной форме? По нашему мнению, может, в связи с чем предлагаем изложить подп. «а» п. 3 ч. 1 ст. 226.8 УПК РФ в следующей редакции: «наличие обстоятельств, предусмотренных частью первой статьи 226.2 настоящего Кодекса, а также наличие обстоятельств, препятствовавших производству дознания в сокращенной форме».

Рассматривая подп. «б» п. 3 ч. 1 ст. 226.8 УПК РФ «...если при производстве по уголовному делу были допущены существенные нарушения требований УПК РФ, повлекшие ущемления прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства», на наш взгляд, стоит обратить внимание на такое словосочетание, использованное законодателем, как «существенные нарушения». Если трактовать данную норму закона непосредственно, то получается, что если прокурор обнаружит несущественные нарушения норм УПК РФ, повлекшие ущемления прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, то он вправе утвердить обвинительное постановление и направить уголовное дело в суд. В связи с чем возникает закономерный вопрос: а как определить, какие нарушения являются существенными и какие нет? Ведь любые нарушения закона в той или иной мере затрагивают права и законные интересы участников процесса. Считаем, что данная формулировка является некорректной, а рассматриваемая норма УПК РФ подлежит более детальной законодательной регламентации.

---

¹ Кальницкий В.В., Муравьев К.В., Воронов Д.А. Концепция дознания в сокращенной форме: достижения и вопросы совершенствования // Уголовное право. 2013. № 3 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» / Компания «КонсультантПлюс». Электрон. дан. [М.]. URL: <http://www.consultant.ru/propular/obob#top>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: 12.01.2015).

При изучении правоприменительной практики можно увидеть, что большинство постановлений, выносимых прокурором, о направлении уголовного дела дознавателю для производства дознания в общем порядке содержат основание, указанное в подп. «в» п. 3 ч. 1 ст. 226.8 УПК РФ. В соответствии с законом прокурор направляет уголовное дело для производства дознания в общем порядке лишь в случае неустановления события преступления, характера и размера причиненного вреда, виновности лица в совершении преступления. Однако п. 1 ч. 1 ст. 226.7 УПК РФ значительно расширяет предмет доказывания и предписывает в обвинительном постановлении указывать обстоятельства, перечисленные в п. 1–8 ч. 1 ст. 225 УПК РФ, к которым, в частности, относятся обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказания, без установления которых не может быть постановлен справедливый приговор или принято иное законное решение по уголовному делу. Кроме того, это же предписывает и ведомственный приказ¹. Решение, принимаемое без учета обстоятельств, исключающих преступность и наказуемость деяния, или обстоятельств, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания, так или иначе приведут к нарушению прав и законных интересов участников процесса. Таким образом, прокурорская и судебная практика не допускает рассмотрения уголовных дел с обвинительным постановлением при неустановленных обстоятельствах, предусмотренных в ст. 73 УПК РФ, т.е. при неустановлении всего предмета доказывания.

В данном случае необходимо рассмотреть термин, употребляемый законодателем, – «доказательств в совокупности не достаточно». Как и кто вправе определить эту достаточность? Ведь для дознавателя она может быть одной, для начальника органа дознания – другой, для прокурора – третьей, а для суда – четвертой. Как показывает практика применения сокращенной процедуры, дознаватель стремится к установлению всех обстоятельств, указанных в ст. 73 УПК РФ, поскольку прокурор может вернуть уголовное дело для производства дознания в общем порядке. Прокурор в свою очередь опасается возвращения уголовного дела из суда в порядке ст. 237

---

¹ Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при производстве дознания в сокращенной форме: приказ Генерального прокурора РФ от 03.07.2013 № 262 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» / Компания «КонсультантПлюс». Электрон. дан. [М.]. URL: <http://www.consultant.ru/popular/obob/#top>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: 12.01.2015).

УПК РФ, так как суд также может вернуть уголовное дело прокурору при невозможности постановления законного, справедливого и обоснованного приговора. Поэтому прокурору просто необходимо оценить достаточность собранных доказательств по уголовному делу для разрешения его судом. Ведь согласно ч. 7 ст. 316 УПК РФ непременным условием постановления обвинительного приговора, даже с применением особого порядка судебного разбирательства является то, что обвинение, с которым согласился подсудимый, подтверждается доказательствами, собранными по уголовному делу¹. На наш взгляд, законодателю необходимо далее прорабатывать положения, касающиеся доказательств и доказывания при сокращенной форме дознания. В противном случае доказывание при сокращенном дознании ничем не отличается от доказывания в общем порядке, хотя гл. 32.1 УПК РФ содержит в себе специальную статью, касающуюся особенностей доказывания.

В подп. «г» п. 3 ч. 1 ст. 226.8 УПК РФ указано: о «наличии достаточных оснований полагать самооговор обвиняемого». Значение понятия «самооговор» в законе не определено. В толковом словаре под самооговором понимается ложное обвинение самого себя, взятие на себя чужой вины². Разоблачению самоговора способствует полноценный процесс доказывания, включающий помимо других элементов обязательную проверку доказательств. Однако при производстве дознания в сокращенной форме разоблачение самоговора затруднено, поскольку данная процедура предлагает измененные правила (стандарты) доказывания. Требования к доказыванию в сокращенной форме дознания подразумевают, что дознаватель не обязан со всем усердием проверять сведения о виновности лица, изобличающего себя в совершении преступления. Таким образом, в законе создана почва для завершения сокращенного дознания при наличии в деле результатов тенденциозного доказывания, предопределенного самооговором подозреваемого³. С уголовно-процессуальной

---

¹ Артамонов А.Н. Надзор за производством дознания в сокращенной форме // Законность. 2013. № 7 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» / Компания «КонсультантПлюс». Электрон. дан. [М.]. URL: <http://www.consultant.ru/popular/obob#top>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: 12.01.2015).

² Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М., 1999. С. 695.

³ Муравьев К.В., Воронов Д.А. Самооговор при производстве дознания в сокращенной форме и право на реабилитацию // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и 146

позиции не определено, как прокурор будет определять, имеется ли в конкретном случае самооговор обвиняемого при наличии лишь тех доказательств (сокращенных), которые ему предоставил дознаватель, а в некоторых случаях и не проверенных самими дознавателями, если они не были оспорены участниками уголовного судопроизводства. По нашему мнению, законодателю не стоило отдельно выделять данный случай, а самооговор необходимо применять как одно из оснований, которое препятствует производству дознания в сокращенной форме.

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ ВЫНЕСЕНИЯ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ОБ ОТКАЗЕ В ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПРИ ДОБРОВОЛЬНОЙ СДАЧЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

DOI 10.17223/9785751123871/30

Л.В. Черепанова

Позитивное посткриминальное поведение, свидетельствующее о том, что лицо утратило общественную опасность, всегда воспринималось обществом одобрительно. Законодатель предусматривает соответствующие основания освобождения от уголовной ответственности, стимулирующие такое поведение: деятельное раскаяние, примирение сторон, возмещение ущерба, причиненного гражданину, организации, государству в результате преступлений в сфере экономической деятельности.

Так, например, согласно примечанию 1 к ст. 228 УК РФ лицо, добровольно сдавшее наркотические средства и активно способствовавшее раскрытию или пресечению преступлений, связанных с незаконным оборотом указанных средств, изобличению лиц, их совершивших, обнаружению имущества, добытого преступным путем, освобождается от уголовной ответственности за данное преступление¹.

иными правонарушениями: матер. Одиннадцатой Междунар. науч.-практ. конф. Ч. 1. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2013. С. 165.

¹ Кроме того, ст. 75 УК РФ не исключает возможности освобождения от уголовной ответственности за впервые совершенное преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 228 УК

Освобождение от уголовной ответственности – это отказ государства от реализации в отношении лица, совершившего преступление, уголовного преследования, а в случае деятельного раскаяния, как предлагает А.В. Ендольцева, – от уголовного наказания¹.

Пленум Верховного Суда РФ, разъясняя применение законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности, постановил, что освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, примирением сторон и истечением сроков давности уголовного преследования, а также по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности осуществляется в форме прекращения уголовного дела и (или) уголовного преследования на основании п. 3 ч. 1 ст. 24, ст. 25, 28 и 28.1 УПК РФ².

Буквальное понимание положений гл. 4 УПК РФ не позволяет принимать решение об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с деятельным раскаянием.

В стадии возбуждения уголовного дела могут быть применимы обстоятельства, прямо указанные в п. 1, 2, 5, 6 ч. 1 ст. 24 УПК. Кроме того, освобождение от уголовной ответственности по указанным основаниям может иметь место в случае, когда все признаки конкретного состава преступления, совершенного лицом, установлены. Такая позиция является устоявшейся и не вызывает сомнений³. Бо-

---

РФ, тех лиц, которые хотя и не сдавали наркотические средства, ввиду отсутствия у них таковых, но явились с повинной, активно способствовали раскрытию или пресечению преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, изобличению лиц, их совершивших, обнаружению имущества, добытого преступным путем. См.: О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 (ред. от 23.12.2010).

¹ Ендольцева А.В. Институт освобождения от уголовной ответственности: теоретические, законодательные и правоприменительные проблемы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М.: Моск. университет МВД России, 2005. С. 23.

² В соответствии с ч. 2 ст. 27 УПК РФ обязательным условием принятия такого решения является согласие на это лица, совершившего преступление. Если лицо возражает против прекращения уголовного дела, производство по уголовному делу продолжается в обычном порядке. См.: О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013. № 19.

³ См., напр.: Шерба С.П., Савкин А.В. Деятельное раскаяние в совершенном преступлении: прак. пособие. М.: Спарк, 1997. С. 36; Образжиев К.В. Решение Верховного Суда РФ о применении примечаний к ст. 222 и 223 УК РФ: досадная ошибка или опасный прецедент? // Рос. следователь. 2014. № 4. С. 22–24.

лее того, анализ основания прекращения уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям справедливо позволяет формулировать в качестве общих условий их применения в ходе досудебного производства такие условия, как предъявление обвинения, полное либо частичное признание виновности, возмещение вреда. Ряд ученых предлагает законодательно закрепить возможность принятия решения о прекращении уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям только судом¹.

Вместе с тем органы дознания при наличии деятельного раскаяния после совершения преступлений, предусмотренных ст. 228 УК РФ, давая оценку фактам добровольной сдачи наркотических средств на стадии возбуждения уголовного дела, используя процедуру, аналогичную отказу в возбуждении уголовного дела, применяемую в отношении лица, не достигшего возраста, с которого наступает ответственность, на основании примечания 1 к ст. 228 и руководствуясь п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ или ст. 28 УПК РФ, нередко принимают решение об отказе в возбуждении уголовного дела².

Существование определенной практики, как говорят философы, означает истину её представления. В чем же эта истина представления правоприменителя?

Теоретически вполне обосновано, например Д.М. Сафроновым, утверждение о том, что освобождение от уголовной ответственности реализуется посредством отказа от уголовного преследования, когда прекращается (аннулируется) начатое преследование или устраняются предпосылки для начала обвинительной деятельности в отношении конкретного лица путем прекращения производства по делу или отказа в его возбуждении³.

Лицо, юридически (формально), не признанное виновным, может быть освобождено от уголовной ответственности по нереабилити-

---

¹ См., напр.: *Сафронов Д.М.* Обстоятельства, исключающие уголовное преследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Министерство внутренних дел Российской Федерации. Омск: Омская академия, 2003. С. 16; *Александров А.С. Алаев Р.С.* Прекращение уголовного преследования (дела) в связи с амнистией // *Юридическая наука и правоохранительная практика.* 2014. № 1 (27). С. 81.

² См., напр.: *Практика Регионального управления ФСКН России по Алтайскому краю.* 2013, 2014 гг.

³ *Сафронов Д.М.* Указ. соч. С. 8.

тирующему основанию¹, в том числе и посредством отказа от возбуждения уголовного дела. Примером тому могут служить такие основания, прямо указанные в ч. 1 ст. 24 УПК РФ, как истечение сроков давности уголовного преследования и смерть подозреваемого или обвиняемого, что признается законным.

Лицо, добровольно сдавшее наркотические средства и выполнившее все условия, предусмотренные примечанием 1 к ст. 228 УК РФ, имеет полное право на освобождение от уголовной ответственности, право не подвергаться уголовному преследованию, что гуманно.

Реакция государства в данном случае в виде отказа от применения мер уголовно-правового воздействия оптимальна, соответствует социально одобряемому позитивному постпреступному поведению, что справедливо и отвечает требованиям принципа экономии уголовной репрессии.

Современные процессуальные сроки стадии возбуждения уголовного дела, методы проверки сообщения о преступлении, введенные Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ, позволяют установить все обстоятельства, необходимые и достаточные для вывода о том, что лицо, действительно незаконно приобрело (хранило, перевозило, изготавливало, перерабатывало) наркотические средства, а не производило, не сбывало, не пересылало, что сданные средства являются наркотическими, что сданы они не при задержании и не при производстве следственных действий по обнаружению и изъятию указанных средств, что сданы они добровольно, что сдавшее наркотические средства лицо активно способствовало раскрытию или пресечению преступлений, связанных с незаконным оборотом указанных средств². Использование в доказывании открывшихся

---

¹ Обвиняемый считается невиновным, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана в предусмотренном УПК РФ порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда (ст. 14 УПК РФ).

² См.: О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ (ред. от 28.12.2013): 1. Дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа обязаны принять, проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении и в пределах компетенции, установленной настоящим Кодексом, принять по нему решение в срок не позднее 3 суток со дня поступления указанного сообщения. При проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном настоящим Кодексом, назначать судебную экспер-

возможностей стадии возбуждения уголовного дела целесообразно и отвечает требованиям процессуальной экономии.

Статья 28 УПК РФ «Прекращение уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием» регламентирует правоотношения, возникающие на различных стадиях уголовного процесса. Факт того, что при перечислении лиц, в отношении которых принимается решение о прекращении уголовного преследования, законодатель называет участников, формальная определенность статуса которых появляется только после возбуждения уголовного дела (подозреваемый, обвиняемый), в свете решения Конституционного Суда РФ не может являться препятствием для применения этой нормы к лицам, формально не обладающим таким статусом, что разумно¹.

Возбуждение уголовного дела при наличии явных оснований последующего его прекращения воспринимается обществом не иначе как «спектакль», гонка за количественными показателями выявленных, раскрытых преступлений². Отказ от «палочной системы» способствует росту доверительного отношения общества к его правоохранительным органам.

Кроме того, Пленум Верховного Суда Российской Федерации прямо указывает на применение примечаний к соответствующим статьям Особенной части УК РФ (например, к ст. 291, 222 УК РФ) как основания, влекущие освобождение лица от уголовной ответст-

---

тизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, привлекать к участию в этих действиях специалистов, давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий.

¹ Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно указывал на то, что обеспечение гарантируемых Конституцией Российской Федерации прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве обусловлено не формальным признанием лица тем или иным участником производства по уголовному делу, а наличием определенных существенных признаков, характеризующих фактическое положение этого лица как нуждающегося в обеспечении соответствующего права. См., напр.: По жалобе гражданки Л.М. Семеновой на нарушение ее конституционных прав частью четвертой статьи 354 УПК Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 22 января 2004 года № 119-О; По запросу Верховного Суда Республики Карелия о проверке конституционности пункта 9 части первой, частей второй и третьей статьи 448 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 14.12.2004 № 392-О // СЗ РФ. 2005. 7 марта. № 10. Ст. 896.

² См., напр.: Колоколов Н. Ударим реабилитацией по палочной системе // ЭЖ-Юрист. 2012. № 49.

венности¹. Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации в Кассационном определении от 30 июня 2011 г. № 88-О11-21 признается правомерной ссылка на п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ при применении специальной нормы, регламентирующей деятельное раскаяние².

И самым убедительным аргументом является назначение уголовного судопроизводства. Устранение наказуемости деяния приводит к утрате самой предпосылки уголовного судопроизводства, назначению которого в равной мере отвечает как уголовное преследование, так и отказ от него в случаях, предусмотренных законом. Несвоевременность прекращения уголовного преследования лица при его деятельном раскаянии влечет возникновение права на реабилитацию.

В качестве примера можно привести Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2011 г. № 88-О11-21, содержащее решение по вопросу, имеющему аналогичную правовую природу.

Необоснованное уголовное преследование оценивается высшими органами судебной власти как грубое посягательство на человеческое достоинство, а потому возможность реабилитации является непосредственным выражением конституционных принципов уважения достоинства личности, гуманизма, справедливости, законности.

Лицо, уголовное преследование которого прекращено в ходе досудебного производства вследствие применения закона, устрояющего наказуемость инкриминируемого ему деяния, вправе в судебном порядке обжаловать законность и обоснованность вынесенных в ходе уголовного преследования актов органов дознания и предварительного следствия, в том числе фиксирующих выдвинутое подозрение. А в случае установления их незаконности, необоснованно-

---

¹ См.: О судебном приговоре: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 апреля 1996 г. № 1 (с изм. и доп. от 6 февраля 2007 г., 16 апреля 2013 г.).

² См.: Кассационное определение Судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2011 г. № 88-О11-21 по кассационному представлению государственного обвинителя Ананьиной А.А. на постановление Томского областного суда от 8 апреля 2011 г.

сти – имеется возможность признания за ним права на реабилитацию, постановил Конституционный Суд Российской Федерации¹.

Уголовное преследование должно осуществляться в пределах, минимально необходимых и достаточных для установления обстоятельств, позволяющих его прекратить в связи с деятельным раскаянием. В настоящее время доказывание в рамках стадии возбуждения уголовного дела позволяет решить эту задачу.

ОСОБЕННОСТИ ДОКАЗЫВАНИЯ В ОСОБЫХ И ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ПРОИЗВОДСТВАХ

DOI 10.17223 9785751123871/31

Ю.К. Якимович

Нетрудно заметить, что правила, установленные разделом III УПК РФ «Доказательства и доказывание», относятся только к производствам по уголовным делам (основным производствам). Между тем, кроме производств по уголовным делам (основным), в уголовном процессе имеются также особые и дополнительные производства. И эта позиция в последнее время разделяется многими учеными, исследующими проблемы дифференциации уголовного судопроизводства².

В свое время единственным особым производством было производство по применению принудительных мер медицинского харак-

---

¹ См.: По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации, части второй статьи 24, части второй статьи 27, части четвертой статьи 133 и статьи 212 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.А. Боровкова и Н.И. Морозова: постановление Конституционного Суда РФ от 19.11.2013 № 24-П // Официальный интернет-портал правовой информации: <http://www.pravo.gov.ru>. 2013. 20 нояб.

² См., напр.: Уголовный процесс: учебник для бакалавриата юридических вузов / О.И. Андреева [и др.] / под ред. О.И. Андреевой, А.Д. Назарова, Н.Г. Стойко, А.Г. Тузова. Ростов н/Д: Феникс, 2015. 445 с.; *Воронин О.В.* Порядок разрешения дел об условно-досрочном освобождении по проекту УПК РФ // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. ст. Ч. 7. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 34–38; Производство по рассмотрению и разрешению дел об условно-досрочном освобождении от наказания по УПК РФ // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. ст. Ч. 10. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. С. 119–122.

тера¹, однако уже тогда ученые, в том числе и я, предсказывали возможность появления новых особых производств², сейчас их даже чрезмерно много. Достаточно сказать об избыточности судебно-контрольных особых производств. Что касается особенностей доказывания в судебно-контрольных производствах, об этом достаточно полно писали в свое время А.В. Солодилов³, а затем Е.В. Носкова⁴ и другие ученые⁵.

Поэтому остановлюсь лишь на особенностях доказывания по делам о применении мер медицинского характера.

Определенная специфика особого производства по применению принудительных мер медицинского характера⁶ выражается в предмете доказывания и в использовании в качестве источника доказательств показаний основного участника производства – лица, в отношении которого оно ведется.

---

¹ См., напр.: *Михайлова Т.А.* Производство по применению принудительных мер медицинского характера. М., 1987; *Галаган А.И.* Особенности расследования органами внутренних дел общественно опасных деяний лиц, признаваемых невменяемыми. Киев, 1986; *Николок В.В., Кальницкий В.В.* Уголовно-процессуальная деятельность по применению принудительных мер медицинского характера. Омск: Омская высшая школа милиции МВД СССР, 1990; *Овчинникова А.Л.* Сущность и назначение принудительных мер медицинского характера. М., 1977; *Ленский А.В., Якимович Ю.К.* Производство по применению принудительных мер медицинского характера. М.: Юрист, 1979 и др.

² См., напр.: *Якимович Ю.К.* Процессуальные формы направления в ЛТП // Проблемы правоведения в современный период: сб. ст. / под ред. В.Ф. Воловича. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990. С. 198–199; *Он же.* Еще раз о структуре уголовного процесса // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. ст. / под ред. В.А. Уткина. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. С. 107–109 и др.

³ *Солодилов А.В.* Судебный контроль в системе уголовного процесса России. Томск: Изд-во Том. ун-та систем управления и радиоэлектроники, 2000. 297 с.; *Он же.* Судебный контроль за проведением следственных действий и решениями прокурора и органов расследования, ограничивающими конституционные права и свободы граждан в уголовном процессе России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1999. 27 с.

⁴ *Носкова Е.В.* Производство по рассмотрению и разрешению судом жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2014. 220 с.

⁵ См., напр.: *Трубникова Т.В.* Виды особых производств в уголовном процессе России // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. ст. / под ред. В.А. Уткина. Ч. 6. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. С. 133–138; *Якимович Ю.К., Ленский А.В., Трубникова Т.В.* Дифференциация уголовного процесса / под ред. М.К. Свиридова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. 300 с.; *Манова Н.С.* Досудебное и судебное производство: сущность и проблемы дифференциации процессуальных форм. Саратов: Изд-во Саратов. гос. акад. права, 2003. 228 с.

⁶ *Якимович Ю.К.* Структура советского уголовного процесса. Томск, 1990; *Николок В.В., Кальницкий В.В.* Уголовно-процессуальная деятельность по применению принудительных мер медицинского характера. Омск, 1990.

По вопросу о предмете доказывания по делам рассматриваемой категории в литературе высказаны различные мнения. Так, А.И. Галаган писал, что «в данном случае речь должна пойти не об «особых» предметах доказывания, а о конкретных проявлениях обобщенного понятия предмета доказывания... Совокупность обстоятельств, подлежащих доказыванию по рассматриваемой категории дел, должна выводиться на основе общего положения»¹. По мнению А.М. Ларина, ст. 404 УПК РСФСР объединяет предметы доказывания двух видов: один – по делам лиц, заболевших психическим заболеванием до совершения общественно опасного деяния, и второй – по делам лиц, заболевших психическим заболеванием после совершения преступления². На особый, специфический предмет доказывания по делам о применении принудительных мер медицинского характера указывают и другие авторы³.

Особый характер производства по применению принудительных мер медицинского характера предопределяет и особенности предмета доказывания по этим делам. Это не означает, что нет ничего общего с предметом доказывания по уголовному делу. Напротив, во многом они совпадают.

Но не все те обстоятельства, что указаны в ст. 73 УПК, должны быть установлены по делу о применении принудительных мер медицинского характера. Как писала Т.А. Михайлова, «здесь подлежит доказыванию сам факт совершения деяния, его общественная опасность, то, что деяние совершено данным лицом»⁴. Не должны (в отличие от уголовных дел) устанавливаться по этим делам виновность, умысел, другие признаки субъективной стороны деяния, смягчающие и отягощающие обстоятельства. Указанное выше относится не только к тем делам, когда решается вопрос о применении принудительных мер к лицам, совершившим общественно опасное деяние в

---

¹ Галаган А.И. Особенность расследования органами внутренних дел общественно опасных деяний лиц, признаваемых невменяемыми. Киев, 1986. С. 14.

² Ларин А.М. Следствие и суд по делам невменяемых // Соц. законность. 1969. № 2. С. 44–47; Он же. Расследование по уголовному делу. Планирование, организация. М., 1970. С. 59–61; Он же. Предмет доказывания как объект правовой регламентации // Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности. М., 1979. С. 259.

³ Николок В.В., Кальницкий В.В. Уголовно-процессуальная деятельность по применению принудительных мер медицинского характера. С. 20–21; Шакиров Э.Т. Принудительные меры медицинского характера по делам о невменяемых: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ташкент, 1989.

⁴ Михайлова Т.А. Производство по применению принудительных мер медицинского характера. М., 1987. С. 36.

состоянии невменяемости, но также и к другой категории этих дел – по применению принудительных мер медицинского характера к лицам, заболевшим после совершения преступления. Во втором случае также нет необходимости устанавливать обстоятельства, влияющие на степень ответственности, характер и размеры возможного наказания: суд это сделает после возобновления уголовного дела и при рассмотрении его в суде.

Таким образом, по делам о применении принудительных мер медицинского характера в суде должны быть установлены не все обстоятельства, указанные в ст. 73 УПК РФ, а только часть из них. С другой стороны, по данной категории дел должны быть установлены и иные обстоятельства, не указанные в ст. 69 УПК РФ: совершено ли деяние лицом в состоянии невменяемости или наступило у данного лица после совершения преступления психическое расстройство, делающее невозможным назначение наказания или его исполнение; представляет ли психическое расстройство лица опасность для него или других лиц либо возможно причинение данным лицом иного существенного вреда; подлежит ли применению принудительная мера медицинского характера, и какая именно.

Эти обстоятельства указаны в ст. 434 УПК РФ, и установление их необходимо для решения вопроса о том, нуждается или нет лицо, в отношении которого рассматривается дело, в принудительном психиатрическом лечении.

Интересным и небесспорным является вопрос о том, вправе ли лицо, в отношении которого ведется производство по применению принудительных мер медицинского характера, так же, как обвиняемый и подсудимый, давать объяснения и показания и являются ли содержащиеся в них фактические данные доказательствами по этим делам?

Ничем иным, как выражением презумпции виновности лиц, в отношении которых ведется производство по применению принудительных мер медицинского характера, может быть утверждение о том, что объяснения и показания этих лиц не являются доказательствами по делу¹.

Эту позицию разделял в свое время Верховный Суд РСФСР. В Определении судебной коллегии по уголовным делам Верховного

---

¹ Михайлова Т.А. Расследование и судебное рассмотрение дел о невменяемых // Советское государство и право. 1986. № 2. С. 82.

Суда РСФСР от 8 октября 1979 г. по делу Ш. записано: «Ш. является душевнобольным, и его показания не могли быть приняты как доказательства»¹. Вызывает сомнение категоричность подобных утверждений и постановлений. Во-первых, реализация подобного требования как бы предопределяет положительное решение суда о признании лица душевнобольным. Во-вторых, ограничивается право на защиту, так как предполагается, что органы предварительного расследования и суды не обязаны выслушивать объяснения и показания этих лиц. И, наконец, в-третьих, ведь в принципе не исключается возможность допроса в качестве свидетелей лиц, страдающих психическими недостатками. Большинство лиц, в отношении которых ведется производство по применению принудительных мер медицинского характера, также допрашиваются на предварительном следствии. Анализ этих показаний свидетельствует о том, что далеко не каждое из них следует исключать из числа доказательств: во многих событиях совершенного деяния изложены достаточно четко². Другое дело, что необходимо, как и в аналогичных случаях в отношении свидетелей, потерпевших, выяснять мнения экспертов по этому вопросу и подходить к показаниям этих лиц с учетом их психического состояния на момент дачи показаний. Но вовсе категорически отвергать их – не в интересах ни правосудия, ни охраны прав и законных интересов лиц, в отношении которых производство ведется.

Следует отметить, что последние изменения УПК РФ весьма позитивны в плане определения процессуального положения лица, в отношении которого ведется производство по применению принудительных мер медицинского характера и обеспечения реализации его процессуальных прав. Так, в соответствии со ст. 437 УПК РФ лицу, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, должно быть предоставлено право лично осуществлять принадлежащие ему и предусмотренные ст. 46 и 47 УПК РФ процессуальные права, если его психическое состояние позволяет ему осуществлять такие права.

---

¹ Бюл. Верховного Суда РСФСР. 1980. № 4. С. 8–9.

² Так, К., признанная судом невменяемой, на предварительном следствии дала подробнейшие и детальные показания об утоплении ею в реке двух своих малолетних детей. Эти показания в полной мере подтверждаются другими доказательствами. Поэтому суд вполне обоснованно в определении о применении принудительных мер медицинского характера сослался на эти показания как на источник доказательств (Архив Томского областного суда, дело №1-315-88).

При этом учитываются заключение экспертов, участвующих в производстве судебно-психиатрической экспертизы, и при необходимости медицинское заключение психиатрического стационара. Отсюда следует, что лицо, в отношении которого ведется производство по применению принудительных мер медицинского характера, вправе давать показания и его показания являются источником доказательств по этим делам.

Дополнительными называются производства по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора¹.

В дополнительных производствах также имеют место существенные особенности доказывания. В первую очередь это относится к предмету доказывания. Представленные в суд материалы не являются уголовным делом. В дополнительных производствах не решаются вопросы о наличии преступления, виновности, наказания и т.п. Однако и здесь судом должна быть установлена истина по делу. По дополнительным производствам суду необходимо установить ту степень исправления или, напротив, испорченности осужденного, с которой уголовный закон связывает необходимость изменения правового положения осужденного: усиление или уменьшение оказываемого на него карательного воздействия либо досрочное прекращение такого воздействия.

При условно-досрочном освобождении осужденного от отбывания наказания необходимо доказать, что:

---

¹ См., напр.: *Мартыняхин Л.Ф.* Проблемы повышения эффективности судебной деятельности по условно-досрочному освобождению: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1990. 23 с.; *Якимович Ю.К.* Дополнительные и особые производства в уголовном процессе России. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. 104 с.; *Воронин О.В.* Исполнение приговора по УПК РФ: учеб. пособие. Томск: НТЛ, 2006; *Якимович Ю.К., Воронин О.В.* Вопросы определения процессуального статуса участников дополнительных производств по проекту УПК РФ // Вопросы уголовного процесса и правовая реформа. Красноярск, 2002. С. 128–137; *Правовая природа изменений условий содержания лишенных свободы* // Проблемы повышения эффективности борьбы с преступностью. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1981. С. 54–59; *Воронин О.В.* Совершенствование условно-досрочного освобождения от наказания как альтернатива лишению свободы // Развитие альтернативных санкций в российской уголовной юстиции: опыт и перспективы: сб. матер. междунар. конф., Москва, 29–30 мая 2002 г. М., 2002. С. 92–96; *Он же.* Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с условно-досрочным освобождением. Томск: Изд-во НТЛ, 2004. 208 с.; *Он же.* Производство по рассмотрению и разрешению дел об условно-досрочном освобождении от наказания по УПК РФ // Сибирские юридические записки: ежегодник Ассоциации юридических вузов «Сибирь» / отв. ред. Н.Г. Стойко. Вып. 2. Красноярск, 2002. С. 194–197.

- для своего исправления он не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания;
- полностью или частично возместил причиненный преступлением вред в размере, определенном решением суда (ст. 80 УК РФ).

Досрочное освобождение от наказания возможно и в случае заболевания осужденного. Тогда суду необходимо установить, что это заболевание препятствует отбыванию наказания.

Предмет доказывания в любом уголовно-процессуальном производстве предопределяется уголовно-правовыми предписаниями. В основных производствах определение в ст. 73 УПК РФ предмета доказывания основывается на понятии состава преступления и его закреплении в нормах уголовного права. Определение предмета доказывания в дополнительных производствах также возможно только при четком определении оснований для изменения правового положения осужденных в каждом из предусмотренных УК РФ и УИК РФ случаев.

Поэтому в отличие от предмета доказывания по уголовным делам, который в целом один для всех уголовных дел, в дополнительных производствах нет одного предмета доказывания: он зависит от того, какие именно вопросы разрешаются в данном конкретном дополнительном производстве.

Равно как и предмет доказывания по уголовным делам основывается на установленных уголовным законом элементах состава преступления, смягчающих и отягчающих ответственность обстоятельств, предмет доказывания в дополнительных производствах также должен основываться на нормах уголовно-правового характера. Эти нормы могут быть расположены как в УК РФ, так и в УИК РФ.

Что касается пределов доказывания, то в дополнительных производствах (как и в основных) в полном объеме и достоверно должны быть установлены входящие в предмет доказывания обстоятельства, истина по делу.

Специфичны и субъекты доказывания в дополнительных производствах¹. В досудебной стадии дополнительного производства

---

¹ См., напр.: *Якимович Ю.К.* Дополнительные производства в советском уголовном процессе // Актуальные вопросы борьбы с преступностью: сб. ст. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990. С. 56–58; *Воронин О.В.* Вопросы определения процессуального статуса участников дополнительных производств УПК РФ // Вопросы уголовного процесса и правовая реформа: сб. ст. / отв. ред. Н.Г. Стойко. Красноярск, 2002. С. 128–137; *Он же.* Особенно-

субъектами доказывания являются администрация исправительного учреждения, орган, ведающий исполнением наказания, либо его начальник. В определенных пределах в доказывании принимают участие и общественные формирования. С другой стороны, значительно (и не всегда правомерно) ограничены возможности участия в доказывании осужденного, в отношении которого ведется производство, и его адвоката в досудебной части дополнительного производства.

Существенные особенности имеются и в самом процессе доказывания, регламентация которого в действующем уголовно-процессуальном законодательстве вызывает критику.

Доказывание в досудебных стадиях вообще не регламентировано уголовно-процессуальным законом. Применительно к судебным стадиям в ст. 399 УПК РФ указано, что вопросы, связанные с исполнением приговора, разрешаются судом в судебном заседании. Однако анализ дальнейшего текста этой статьи приводит к выводу, что судебное следствие по этим делам можно фактически не проводить: судебное заседание начинается с доклада представителя учреждения или органа, подавшего представление, либо с объяснения заявителя. Затем исследуются представленные материалы, выслушиваются объяснения лиц, явившихся в судебное заседание, мнение прокурора, после чего судья выносит постановление. Такой подход неверен. При рассмотрении дел дополнительного производства в суде первой инстанции должно проводиться судебное следствие. Решение может быть вынесено только на основе исследованных непосредственно судом в судебном заседании доказательств. К доказательствам, исследуемым в суде первой инстанции по дополнительным производствам, также должны применяться правила относимости и допустимости.

Как и в основных производствах, в судебном заседании по этим делам могут допрашиваться свидетели, назначаться и проводиться экспертизы, исследоваться письменные и вещественные доказатель-

---

сти процессуального положения осужденного, участвующего в производстве по применению УДО // Российское законодательство на рубеже веков: Трибуна молодого ученого: сб. ст. / отв. ред. В.А. Уткин. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. С. 32–36; *Он же*. Функциональное содержание деятельности прокурора в производстве по условно-досрочному освобождению // Проблемы теории и практики уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности в свете нового российского законодательства: матер. науч.-практ. конф., Томск, 29–31 января 2004 г. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. С. 238–243.

ства. Вместе с тем в дополнительных производствах не могут быть использованы такие источники доказательств, как показания потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого. С другой стороны, в дополнительных производствах в качестве источников доказательств могут и должны использоваться показания осужденного, в отношении которого ведется дополнительное производство.

Существенной особенностью доказывания в дополнительных производствах является также и то обстоятельство, что не всякое сомнение, которое не представляется возможным устранить в ходе судебного разбирательства, толкуется в пользу осужденного. Это правило должно применяться только в тех случаях, когда решается вопрос об ухудшении положения осужденного. При условно-досрочном освобождении, переводе из тюрьмы в колонию, а из исправительно-трудовой колонии в колонию-поселение, при замене лишения свободы, безусловно, сомнения не могут толковаться в пользу осужденного, поскольку нельзя освобождать осужденного, ослаблять его изоляцию, когда нет уверенности, что в этих условиях он не совершит нового преступления или не окажет отрицательного влияния на других осужденных.

Применительно к условно-досрочному освобождению можно сказать: суд отказывает в условно-досрочном освобождении не только тогда, когда уверен, что осужденный не исправится, но и тогда, когда он не уверен, что осужденный исправится без изоляции от общества.

Рассмотренные выше особенности определяют необходимость специальной регламентации в уголовно-процессуальном законодательстве доказывания по делам дополнительного производства.

НАШИ АВТОРЫ

Адаменко Игорь Евгеньевич – профессор кафедры уголовного процесса Краснодарского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент

Ахпанов Арстан Нокешевич – профессор Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилёва, заслуженный работник МВД РК, доктор юридических наук

Белецкая Людмила Сергеевна – магистрант Юридического института Сибирского федерального университета

Боярская Александра Владимировна – доцент кафедры уголовного права и криминологии ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, кандидат юридических наук

Брестер Александр Александрович – доцент кафедры уголовного процесса Юридического института Сибирского федерального университета, кандидат юридических наук

Воронин Олег Викторович – доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности ЮИ ТГУ, кандидат юридических наук

Гавриленко Артем Александрович – старший преподаватель кафедры судебного права Юридического института Иркутского государственного университета

Гелбутовский Александр Васильевич – помощник прокурора Октябрьского района г. Томска

Денисенко Юрий Владимирович – начальник кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Барнаульского юридического института МВД России

Дудина Надежда Афанасьевна – аспирант кафедры уголовного права и процесса ФГБОУ ВПО «Красноярский аграрный университет»

Дудко Нина Алексеевна – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Алтайского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент

Желева Ольга Викторовна – аспирантка ЮИ ТГУ

Зникин Валерий Колоссович – профессор кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института ТГУ и кафедры уголовного процесса и криминалистики Кемеровского государственного университета, доктор юридических наук

Калугин Алексей Геннадьевич – заместитель начальника ФГКОУ ВПО «Сибирский юридический институт ФСКН России» по учебной работе, кандидат юридических наук, доцент

Капитонов Андрей Евгеньевич – заместитель руководителя следственного отдела по г. Томску следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Томской области

Карпович Дмитрий Николаевич – частный детектив, член НП «Ассоциация российских детективов», г. Новосибирск

Князькова Елена Васильевна – старший прокурор отдела государственных обвинителей уголовно-судебного управления прокуратуры Томской области

Комкова Наталья Васильевна – старший дознаватель ООД УМВД России по Томской области

Краснолуцкая Татьяна Степановна – начальник отдела организации дознания УМВД России по Томской области

Лонь Сергей Леонтьевич – доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности ЮИ ТГУ, кандидат юридических наук

Мельникова Алена Игоревна – прокурор кассационного отдела уголовно-судебного управления прокуратуры Томской области

Михайлов Александр Александрович – преподаватель Томского государственного университета, кандидат юридических наук

Назаров Александр Дмитриевич – заведующий кафедрой уголовного процесса Юридического института Сибирского федерального университета, кандидат юридических наук, доцент

Пилюк Алексей Валерьевич – председатель Мегионского городского суда ХМАО-Югры Тюменской области, кандидат юридических наук

Рукавишников Анастасия Анатольевна – доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности ЮИ ТГУ, кандидат юридических наук

Свиридов Михаил Константинович – профессор кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности ЮИ ТГУ, доктор юридических наук

Симанчева Людмила Викторовна – заместитель председателя Иркутского областного суда

Соколовская Наталья Сергеевна – доцент кафедры уголовного права, процесса и криминалистики Томского экономико-юридического института, кандидат юридических наук

Торовков Алексей Александрович – преподаватель кафедры уголовного процесса Барнаульского юридического института МВД России

Фролов Андрей Юрьевич – аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики Кемеровского государственного университета, старший следователь следственного отдела по Крапивинскому району следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Кемеровской области

Чаднова Ирина Владимировна – доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности ЮИ ТГУ, кандидат юридических наук

Черепанова Лилия Владимировна – начальник кафедры уголовного процесса Барнаульского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент

Якимович Юрий Константинович – профессор кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности ЮИ ТГУ, доктор юридических наук

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩАЯ ЧАСТЬ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

<i>Свиридов М.К.</i> О качестве уголовно-процессуального законодательства.....	3
<i>Адаменко И.Е.</i> К вопросу о философских основаниях советской концепции уголовного судопроизводства.....	8
<i>Желева О.В.</i> К вопросу о средстве злоупотребления правом в уголовном судопроизводстве	14
<i>Зникин В.К.</i> Реальные проблемы защиты и обеспечения безопасности участников уголовного процесса	20
<i>Карпович Д.Н.</i> Частный детектив в уголовном процессе.....	25
<i>Лонь С.Л.</i> Правовое регулирование отношений, возникающих в сфере уголовного процесса: социальная основа, правовая база, профессионально-образовательная предпосылка и практическая деятельность	30
<i>Михайлов А.А.</i> Институциональный анализ реформы уголовной юстиции в современной России	35
<i>Пилюк А.В.</i> Ценности и приоритеты современного уголовного судопроизводства Российской Федерации.....	41
<i>Симанчева Л.В.</i> Родственники умершего обвиняемого (подсудимого) как субъекты уголовного судопроизводства.....	46
<i>Соколовская Н.С.</i> К вопросу об участии понятых при производстве следственных действий по УПК РФ	51
<i>Фролов А.Ю.</i> Злоупотребление правом обжалования в уголовном процессе	56
<i>Чаднова И.В.</i> К вопросу о защите: право на защиту и злоупотребление правом.....	59

ОСОБЕННАЯ ЧАСТЬ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

<i>Ахпанов А.Н.</i> Конституционный статус прокуратуры Республики Казахстан.....	64
<i>Боярская А.В.</i> Уголовно-правовые основания упрощенных судебных процедур	72
<i>Брестер А.А., Белецкая Л.С.</i> Модели взаимоотношений следователя и защитника на стадии предварительного расследования	76
<i>Воронин О.В.</i> О достижении законности как основной цели современной прокурорской деятельности	83
<i>Гавриленко А.А.</i> К вопросу о соотношении понятий «установление» и «удостоверение» личности подсудимого	86
<i>Гелбутовский А.В.</i> О некоторых вопросах применения ст. 285 УПК РФ в особом порядке судебного разбирательства, предусмотренного гл. 40 УПК РФ	91
<i>Денисенко Ю.В.</i> Некоторые вопросы представления следователю результатов оперативно-розыскной деятельности по преступлениям экстремистской направленности.....	95
<i>Дудина Н.А.</i> К вопросу об ошибках применения норм гл. 40.1 УПК РФ (обзор следственной и судебной практики)	100
<i>Дудко Н.А.</i> О предметной подсудности уголовных дел суду присяжных ..	102
<i>Калугин А.Г.</i> Психофизиологическая экспертиза с использованием полиграфа в уголовно-процессуальном доказывании.....	107
<i>Капитонов А.Е.</i> Институт особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением и объективная истина.....	112
<i>Князькова Е.В.</i> Проблемы применения норм об особом порядке судебного разбирательства.....	117
<i>Краснолуцкая Т.С., Комкова Н.В.</i> Обеспечение потерпевшим возмещения материального вреда, причиненного преступными посягательствами. Проблемные вопросы.....	122
<i>Мельникова А.И.</i> Новеллы УПК РФ, или К вопросу о дружественном к ребенку правосудии	125
<i>Назаров А.Д.</i> О локализации фундаментальной ошибки, связанной с невыявлением незаконных и недозволенных методов раскрытия и расследования преступления.....	131
<i>Рукавишников А.А.</i> Возможность предоставления дополнительных материалов при производстве в суде апелляционной, кассационной и надзорной инстанций	137

<i>Торовков А.А.</i> Некоторые особенности направления уголовного дела прокурором дознавателю для производства дознания в общем порядке при сокращенной форме дознания	142
<i>Черепанова Л.В.</i> К вопросу о возможности вынесения постановления об отказе в возбуждении уголовного дела при добровольной сдаче наркотических средств.....	147
<i>Якимович Ю.К.</i> Особенности доказывания в особых и дополнительных производствах.....	153
Наши авторы	162

Научное издание

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ УКРЕПЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Часть 67

Редактор *В.Г. Лихачева*
Компьютерная верстка *Г.П. Орловой*

Подписано в печать 20.11.2015 г. Формат 60x84¹/₁₆.

Печ. л. 10,5; усл. печ. л. 9,8; уч.-изд. л. 9,6.

Тираж 100 экз. Заказ 1442.

ООО «Издательство ТГУ», 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4
Отпечатан на оборудовании Издательского Дома
Томского государственного университета,
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 53-15-28; 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail; rio.tsu@mail.ru